

Лица Победы

Дорогие мои старики

1

ДОРОГИЕ МОИ СТАРИКИ

Лица Победы

Книга 1

КОЛЛЕКТИВНЫЙ
сборник

Серия «Серебро Слов»

*Дорогие
мои
старики*

Лица Победы

Сборник произведений

Книга 1

Коломна
Серебро Слов
2020

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

Д69

Редколлегия:

Сергей Сергеевич Антипов

Заместитель председателя Правления
Московской областной организации
Союза писателей России

Игорь Евгеньевич Витюк

Заместитель председателя Правления
Московской областной организации
Союза писателей России

Денис Викторович Минаев

Генеральный директор издательства «Серебро Слов»,
секретарь Правления
Московской областной организации
Союза писателей России

Надежда Васильевна Казакова

г. Химки, редактор-составитель сборника

Д69 **Дорогие мои старики. Лица Победы.** *Сборник произведений о войне. Кн. 1 / [Авт.; Рег.-сост. Н.В. Казакова].* — Коломна: Серебро Слов, 2020. — 282 с.

ISBN 978-5-907316-03-4

© Авторы, 2020

© Казакова Н.В.,

редактор-составитель, 2020

© Анисимова Е.В., обложка, 2020

© Серебро Слов, 2020

СЛОВО К ЧИТАТЕЛЯМ

Очередной выпуск нашего проекта «Дорогие мои старики» посвящён 75-летию Великой Победы. Все произведения, отобранные для книги, так или иначе связаны с тем далёким временем, когда в каждый дом постучалась общая беда — война. Правда о тяжёлых испытаниях, выпавших на долю советских людей, о том, как они сражались с фашизмом, как приближали День Победы, как его встретили — всё это вы найдёте на страницах юбилейного спецвыпуска.

Наш постоянный автор, прекрасный писатель и вдумчивый учёный **Светлана Бестужева-Лада**, открывает книгу уникальным по избранной теме и важности понимания начальных моментов войны эссе «Мирные военнопленные». Очень рекомендую к прочтению всем.

Анна Блинова — девятиклассница. Она никогда не видела героя своего рассказа, потому что он погиб в Великую Отечественную. Желание рассказать о том, как Василий Сёмин жил и защищал Родину, стало поводом для написания произведения. На мой взгляд, дебют удался.

«Ацидантера» — так называется повесть уже хорошо знакомого вам самобытного автора **Ульяны Васильевой-Лавриеня**. События, описанные ею, охватывают большой период времени. Повесть открывается проходами на фронт главного героя, а завершается уже в современном нам мире. Трагические и счастливые моменты перемешались, перепутались, но не потерялись в истории — истории жизни любящих сердец. Трогательно, захватывающе, очень светло написано.

Вадима Павловича Володенко я знала лично. Он был редкостным человеком — оптимистом, знатоком истории (да и всего-всего-всего, что было ему интересно и потому необходимо для жизни), порядочным, добрым и лёгким в общении. Почтенный возраст и тяжёлое ранение давали ему право стать ворчуном, брюзгой, а он был обладателем тонкого чувства юмора. Любимая внучка Вадима Павловича **Екатерина Володенко** подготовила к печати «Письмо дедушке», которое, я надеюсь, вы с удовольствием прочитаете.

Татьяна Гуркова, которую читатели знают по интересным публикациям в предыдущих выпусках нашего проекта, в этот раз выносит на суд читателей три произведения — «Сапож-

никовы. Вместе со страной», «Альбом памяти», «Я помню». Такие разные по содержанию, они как будто связаны между собой невидимой нитью под названием «Любовь». Что же может быть важнее в судьбе человека, чем любовь — к семье, стране, делу? Вот об этом тепло и искренне рассказывает автор.

«Судьба моей семьи» — краткий экскурс в семейную историю **Аллы Данилиной**, нашего нового автора из Республики Беларусь. С большой нежностью, трогательно она ведёт рассказ о самых дорогих ей людях.

Составитель сборника **Надежда Казакова** выносит на суд читателей первую часть эссе «Районка». Комментарии на полях». Листая старые подшивки, автор встречает не просто знакомые, а очень дорогие ему фамилии членов семьи, земляков, первого учителя в профессии. Рассказ о событиях военных лет, о вкладе тружеников тыла в победу над врагом переплетается с личными воспоминаниями о близких сердцу людях.

Лариса Калюжная, как всегда, очень точно и бережно исследует детали свершившихся событий, дополняя своё повествование подлинными фронтовыми письмами. Это придаёт её публикациям «Письма с фронта» и «Высота 173.1» особый колорит и значимость.

«Мой дед» **Владимира Карасова** — это стихотворение давно повзрослевшего внука о дедушке-фронтовике, которым можно и нужно гордиться. Стихотворные произведения **Виктора Волкова**, **Надежды Кульчицкой**, **Любови Потаниной** и **Тамары Потаповой** также связаны с военной темой, она сегодня никого не может оставить равнодушным.

Софья Кочегарова уже публиковалась в нашем проекте, тогда она была школьницей. Сейчас Софья студентка колледжа, она стала старше, и творчество её как будто повзрослело вместе с ней. В этот раз был написан рассказ о прадедушке «Фамилия на памятнике», и серьёзность раздумий и выводов автора подтверждает моё предположение о том, что наше творчество «растёт» вместе с нами.

Рассказ **Дениса Минаева** «Василь-ака» вроде бы и не о войне совсем, а на деле — как раз о ней. Вернее, о том, что дедушка автора в глубоком тылу совершил духовный, сердечный подвиг, спасая в течение долгого времени от голодной смерти семью фронтовика, а может и другие семьи.

Традиционный для русской литературы вопрос нравственного выбора главного героя здесь тоже присутствует, и решается он однозначно и без колебаний. В пользу слабого. Уверена, что «Василь-ака» вызовет симпатии читателей.

Александр Морзунов «возвращает» не пришедших с войны бойцов, он командир поискового отряда. И больше я уже могу ничего не говорить, потому что обо всех эмоциях автора можно догадываться. А можно прочитать произведения «Вместе» и «Прости, сестрёнка!» и понять, какие судьбы и события переживает и проживает человек, помогающий «вернуться» с политых кровью безымянных высот и лесных опушек чьим-то детям или отцам. Читать тяжело до сердечной боли, но необходимо, если хотим знать Правду.

Ирина Салтанова назвала свой рассказ «Живые реликвии». Он о знакомом с детства бойце Красной Армии, о его судьбе фронтовой и послевоенной, о том, что главным залогом нашей исторической памяти может быть и должно стать сбережение семейных ценностей и реликвий.

Рассказ «Анна», написанный **Анной Шуваловой**, — о её бесстрашной прабабушке, в войну потерявшей мужа, вырвавшей четверых детей и всю свою жизнь помогавшей знакомым то советом, то делом.

Завершает сборник «**Бессмертная рота**», в которую включены близкие наших авторов. На обложке — портреты многих из них, совершивших ратные и трудовые подвиги во имя нашего счастья. Читая эти списки и вглядываясь в эти лица, вы ещё раз убедитесь в том, что люди героического прошлого — это те, кто жил и живёт рядом с нами. Именно они, а не пришельцы из космоса, не супермены спасли мир от фашистской чумы.

В галерее «Бессмертной роты» размещён и портрет А. Морзунова — символ надежды на то, что все солдаты «вернутся» с той Великой войны.

Вечная память и слава ушедшим.

Доброго здоровья ныне живущим.

*Надежда Казакова,
автор и редактор-составитель сборника
«Дорогие мои старики. Лица Победы»*

Светлана Бестужева-Лада

г. Москва

МИРНЫЕ ВОЕННОПЛЕННЫЕ

9 мая исполнится 75 лет с момента окончания Великой Отечественной войны – самой, пожалуй, страшной в истории России. О ней написаны тысячи книг, десятки тысяч статей, снято множество фильмов. Но во всем этом огромном массиве информации практически невозможно отыскать сведения о тех советских гражданах, которые оказались в этот трагический день во враждебном государстве, бесконечно далеко от линии фронта. Советские сотрудники посольства, приехавшие в командировку специалисты, члены их семей... Даже число их достоверно неизвестно.

Имеющиеся источники – как советские, так и западные – содержат противоречивые и несовпадающие оценки, и никто, в сущности, не попытался свести их воедино, сопоставить и проанализировать.

Почему? На этот вопрос нет однозначного ответа. Ведь речь идет не о миллионах и даже не о сотнях тысяч человеческих судеб, а всего лишь о нескольких тысячах. Капля в океане страшной трагедии.

И капля в капле – судьба старшего сына Сталина, непосредственно связанная с судьбой интернированных советских граждан.

История – большая мастерица на такие сюжетные хитросплетения...

Сказать, что атмосфера в столице Третьего Рейха перед самым началом войны была гнетуще-удушливой, значит приукрасить положение. Официальные лица Германии избегали каких-либо контактов с советскими сотрудниками посольства. Вместе с тем глухие слухи о неизбежном и близком начале войны – 6 апреля, 20 апреля, 18 мая, – не позволяли расслабиться ни на минуту.

На зондирующее Заявление ТАСС от 14 июня, что, «по данным СССР, в Германии также неуклонно соблюдают условия советско-германского пакта о ненападении...», с немецкой стороны реакцией было полное и абсолютное молчание. Ни одна немецкая газета о нём даже не упомянула, по радио звучали браваурные марши и речи высокопоставленных лиц — о чём угодно, только не об СССР.

Но раз Берлин спокоен, значит, всё это — лишь злокозненные слухи? И советские посольство и торгпредство продолжали работать в обычном режиме. Удивительно, но даже жён и детей никто из сотрудников не попытался отправить домой. Хотя... если бы даже попытались, получили бы обвинение в провокационных действиях со всеми вытекающими последствиями.

Ну и, конечно, знаменитое русское «авось». Авось всё устаканится, ведь есть же пакт о ненападении.

Правда, 21 июня советское посольство получило из Москвы предписание сделать германскому правительству **ещё одно** чрезвычайное заявление, в котором предлагалось немедленно обсудить состояние советско-германских отношений. Но, как уже говорилось, немцы упорно сохраняли «режим молчания». Весь день, через каждые полчаса, из посольства звонили в германский МИД, но...

Риббентроп, другие ответственные лица отсутствовали. Секретарь МИДа пару раз вяло ответил, что рейхсминистр на важном совещании у Гитлера. Но это было в первой половине дня, потом на телефонные звонки вообще никто не реагировал.

Аналогичную попытку хоть как-то прояснить обстановку уже в девять часов вечера предпринял в Москве и Молотов, пригласив к себе посла Шуленбурга. Тот не посмел проигнорировать приглашения, но ничего конкретного не сказал, отделяясь общими фразами и ссылками на пресловутый пакт.

Поразительное хладнокровие! Ведь Шуленбург прекрасно знал, что через несколько часов на СССР посыплются бомбы, и у него не могло быть уверенности в том, что одна из них случайно не угодит в немецкое посольство. Един-

ственное, в чём он был уверен, — это в скорой эвакуации посольства, но... Но ведь русские вполне могли этого не допустить и в лучшем для немцев случае отправить их за решётку. Дипломатическая неприкосновенность — понятие весьма и весьма относительное, особенно во время войны.

В Берлине же события начали развиваться совершенно неожиданным образом. Внезапно, около 5 утра по московскому времени, в посольство позвонили из МИДа и пригласили посла Деканозова приехать к Риббентропу. Там, у входа в здание министерства, уже толпилось множество журналистов.

Едва увидев Риббентропа, советский посол попытался начать зачитывать ему советское заявление. Но министр отмахнулся и очень невнятно, словно пьяный, забормотал, что советские военнослужащие не раз нарушали границу и вторгались на германскую территорию. Правительство Рейха рассматривает это как угрозу... терпение фюрера не безгранично... было решено принять кардинальные меры для безопасности немецкой нации. Решение фюрера окончательное. Час тому назад германские войска перешли границу Советского Союза. И фюрер поручил ему, Риббентропу, официально объявить об этом.

Через час после фактического начала войны и после нескольких недель уклонения от каких-либо переговоров вообще!

Перед уходом Деканозов успел сказать Риббентропу:

— Это наглая, ничем не спровоцированная агрессия. Вы ещё пожалеете, что совершили разбойничье нападение на Советский Союз. Вы ещё за это жестоко поплатитесь...

И тут Риббентроп неожиданно повернулся и бросился вслед Деканозову, произнеся быстрым шёпотом:

— Я лично был против этого решения фюрера, даже отговаривал его от нападения на Советский Союз. Я лично считаю это безумием. Но... всё напрасно. Передайте в Москве, что я был против.

Большое утешение!

Тем более что в это самое время советское посольство уже было окружено эсэсовцами, а связь с внешним миром

оборвана. Ни позвонить, ни послать телеграмму не было возможности. Работал только радиоприёмник, но радости от этого было мало: по нему передавали зарядку, «Пионерскую зорьку», вести с полей и информацию о достижениях передовиков.

Только в 12 часов дня сотрудники посольства услышали глуховатый голос Молотова.

«Сегодня, в 4 часа утра... Без объявления войны... Напали на нашу страну... Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами...»

Но до победы было ещё долгих 1418 дней.

В посольстве сразу же были приняты меры к немедленному уничтожению секретной документации. Консульские работники занялись уточнением списков советских граждан, находившихся как в самой Германии, так и на оккупированных ею территориях, но через очень недолгое время в здание ворвались эсэсовцы и захватили архивы.

В 14 часов в посольство позвонили из МИДа и потребовали выделить одного советского дипломатического представителя для связи с ними, пока какая-либо страна не возьмёт на себя защиту интересов Советского Союза. Всем остальным категорически запретили покидать территорию посольства. Телефонная связь стала работать, но только с немецкой стороны.

К вечеру 22 июня двор посольства стал походить на цыганский табор. С узлами и чемоданами сюда съехались работники посольства, торгпредства и других советских учреждений, их семьи. Было много детей — от грудных до школьников. Мест всем не хватало. Размещались кто где мог под неусыпной охраной эсэсовцев.

С торгпредством же так не получилось. Четверо его сотрудников, забаррикадировавшись на верхнем этаже, жгли документы. Вломившиеся наконец эсэсовцы увидели лишь груды пепла на сильно обгоревшем полу комнаты, полной дыма. Торгпредство гестаповцы уже захватили, и на улицу выбрасывались папки с документами. Из верхнего окна валил чёрный дым.

Всех четверых смельчаков схватили, повезли в гестапо и бросили в одиночные камеры. Десять дней держали там без еды, били, пытаясь выведать секретную информацию. Потом вернули к остальным пленным в небольшой концлагерь, спешно сооружённый недалеко от Берлина. Туда же свезли и тех, кто не успел укрыться в посольстве, не позволив взять с собой ничего из вещей.

По очень приблизительным подсчётам (ибо документов почти не сохранилось), к началу войны в Германии и на оккупированных ею территориях Европы находилось около тысячи советских граждан — специалисты, посланные в различные командировки, сотрудники посольств и торгпредств и члены их семей. Все они были интернированы, причём подавляющее большинство так и осталось в концентрационных лагерях, и об их судьбах практически ничего не известно — никаких воспоминаний нет.

Больше «повезло» сотрудникам советских посольства и торгпредства в Берлине: они были нужны Германии для обмена на соответствующих должностных немецких лиц в России. Однако на родину дипломаты и их семьи добирались долгим и мучительным путём по причинам, известным только руководству Рейха.

Не сразу, но была достигнута договорённость, что обязанность защиты советских интересов в Германии берёт на себя Швеция, а Болгария, соответственно, защищает интересы немцев в СССР. Их оказалось всего 120 человек. Первоначально Германия заявила, что вернёт на родину только 120 человек — «по справедливости», но СССР встал намертво, не желая жертвовать ни одним человеком, и немцы в конце концов согласились менять «всех на всех».

Это можно считать убедительной дипломатической победой советского руководства, и всё же пока это была победа только на словах. Предстояло реализовать её на деле, что было очень и очень непросто.

Германия со скрежетом зубовым приняла составленный советским посольством список ВСЕХ советских работников и членов их семей. Обязавшись доставить всех их в Берлин — не только с территории Германии, но и из оккупиро-

ванных Норвегии, Дании, Голландии, Бельгии, Финляндии, Франции. Первоначально планировали сделать это в течение двух дней, но на деле времени понадобилось больше.

Наконец всех интернированных определили в концентрационный лагерь на окраине Берлина, но некоторые всё ещё находились в берлинской тюрьме. Правда, к советским гражданам допустили советского консула в сопровождении шведского представителя.

2 июля наконец ВСЕХ поместили в два поезда. В первый — наших дипломатов и работников других берлинских учреждений, укrywшихся на территории советского посольства. В нём были спальные вагоны с мягкими двухместными купе. Во втором — только тесные сидячие вагоны. В них ехали бывшие заключённые концлагеря и тюрьмы, в тяжелейших условиях, со скудным питанием, без тёплой одежды.

Оба состава направились к пунктам обмена пленными; по договорённости это должен был быть город Свиленград на турецко-болгарской границе. Двинулись через Прагу, Вену, Белград в Софию. Немцев же было решено доставить на советско-турецкую границу близ города Ленинанкан, чтобы впоследствии транспортировать и тех, и других на родину через Турцию под наблюдением посредников.

Но уже в пути, на территории Югославии, возникли проблемы: поскольку состав с немецкими гражданами ещё не прибыл на советско-турецкую границу, то оба состава с советскими людьми возвратили обратно, в югославский город Ниш. Там первый состав загнали на запасной путь и всем запретили выходить из вагонов, а тех, кто был во втором, переправили в местный концентрационный лагерь, где условия содержания были соответствующими. Для нескольких человек это место оказалось последним пристанищем на земле — они умерли от голода и болезней.

Спустя неделю всё-таки состоялся обмен на болгаро-турецкой границе, в турецком городе Эдирне, где их встретили представители советского посольства в Турции и консульства в Стамбуле. Всех пересадили в новые железнодорожные составы и отправили в Анкару. Но перед этим местный губернатор устроил приём в честь советских дипломатов.

На специальном военном самолёте добрались до Москвы. Их невероятная эпопея закончилась, но...

Но осталась масса вопросов без ответа. Хотя бы такой: как почти тысячу человек переправили из Анкары в Москву? С дипломатами всё понятно, а остальные?

Остальных, как можно понять из разрозненных сведений, вывезли в августе 1941 года на теплоходе «Сванетия» из Стамбула в Батуми. Судно шло строго вдоль самого турецкого берега, по специальной договорённости не выходя в нейтральные воды, так как там уже оно могло быть атаковано германской авиацией или флотом. Эта операция завершилась благополучно.

Вообще этот обмен интернированными гражданами — сплошная загадка. Неизвестны точные дата и место обмена, не опубликовано ни единого документа, подтверждающего этот обмен. Нет ни единой фотографии, подтверждающей этот процесс. Несмотря на огромное число участвовавших в этом обмене людей (140 человек с немецкой стороны; больше 1000 — с советской), в мемуарах участников этой акции отсутствуют его описания. Глухое молчание с обеих сторон.

Возможно, причиной этого было нежелание обеих сторон показать, что они, сцепившиеся в смертельной схватке на фронтах, способны и на вполне цивилизованное поведение по отношению друг к другу. Возможно, Германия не желала сознаваться в том, что совершила «невыгодный обмен»: нарушила общепринятую в таких случаях мировую практику обмена при начале войны с равным количеством дипломатов и граждан противоборствующих стран, уступив СССР практически по всем позициям.

Причина этой уступки неясна и сегодня.

Но Германия совершила ещё один нелогичный поступок: декларируя неполноценность русских и необходимость их физического уничтожения, не тронула представителей «первой волны русской эмиграции», бежавших из Советской России после революции и гражданской войны. Их общественные организации были распущены — и только. Не то чтобы уничтожать — арестовывать никого не стали.

И снова — ни документов, ни мемуаров, ни свидетельств очевидцев. Простая констатация фактов, вопросы без ответов. Известно только из случайных высказываний, что некоторым советским гражданам удалось избежать концлагеря, выдав себя за «белоземigrанта» (думаю, не без помощи самих эмигрантов).

Между прочим, удалось относительно благополучно покинуть Германию и оказавшимся там советским морякам. 22 июня в Штеттине и Данциге стояло шесть советских судов из Ленинграда. Утром все команды были сняты с судов и отправлены в концлагерь Бланкенфельд под Берлином. В ближайшее время большая часть из них была присоединена к советским гражданам, которых обменивали на немцев.

Многие обстоятельства и детали этого важного события Великой Отечественной войны стали проясняться лишь после опубликования воспоминаний личного переводчика Сталина, Молотова и Деканозова В. Бережкова, а также экономического советника посольства Германии в Москве (коммуниста и агента советской разведки) Герхарда Кегеля.

Бережков в трёх своих книгах фрагментарно описал процесс обмена: без точных дат и указания места главного события. Г. Кегель не просто написал воспоминания о том, как вывозили из Москвы германское посольство, но ещё и привёл в них текст официального посольского дневника. Но и он не назвал даты обмена посольств, хотя в других случаях по-немецки скрупулёзно приводит едва ли не часы и минуты того или иного события, однако в период с 14 по 23 июля не приводится ни одной даты.

Существует, правда, ещё один серьёзный источник: воспоминания о вывозе посольства из Москвы Г. Хильгера — советника посла Германии, где он пишет: «Поездка из Костромы до Ленинанкана была куда менее утомительной, чем последующая стоянка у границы, где поезд в течение семи дней находился под палящим солнцем». Значит, обмен был произведён 20 — 21 июля (по сведениям немецкой стороны).

Конкретную дату обмена, то есть одновременного перехода на территорию Турции групп советских и немецких дипломатов и граждан, Бережков не назвал. Однако намекнул

на неё историкам, сообщив, что прилетел в Москву в день, в конце которого немецкие самолёты начали сильную бомбёжку столицы.

В период 20 – 30 июля Москву бомбили по ночам 21, 22, 23, 25, 26 и 30 июля. Бережков написал также, что на следующее же утро по прилёте в Москву он был вызван на работу в НКВД (Народный комиссариат по иностранным делам), несмотря на то, что это было воскресенье. Воскресенье же в эти дни июля было лишь одно – 27 июля. Следовательно, обменённые дипломаты вернулись в Москву 26 июля, а сам обмен был произведён 19 или 20 июля 1941 года.

Однако в газете «Правда» за 20 июля 1941 г. было опубликовано сообщение, состоящее лишь из одной строчки: «Бывший посол СССР в Германии Деканозов вернулся в Москву 19 июля 1941 года».

Кстати, этот день тоже был субботой. Когда же в таком случае прилетели в Москву бывшие дипломаты? Внятно-го ответа на этот вопрос найти не удалось. Получается, что и русские, и немцы, писавшие впоследствии об обмене посольств, или искажали, или скрывали его дату.

Почему?

Можно предположить, что дата столь тщательно скрывалась из-за того, что 19 июля 1941 года, кроме указанного обмена, произошло ещё одно важное событие: Яков Джугашвили – сын предсовнаркома и генерального секретаря ЦК ВКП (б) Сталина, находившийся в немецком плену, именно в этот день написал записку своему отцу.

«19.7.41. Дорогой отец! Я в плену, здоров, скоро буду отправлен в один из офицерских лагерей в Германию. Обращение хорошее. Желаю здоровья. Привет всем. Яша».

После перестройки в нескольких российских газетах была опубликована немецкая листовка, содержащая факсимильный текст этой записки с допечаткой, указывающей, что это «письмо» было доставлено Сталину «дипломатическим путём».

Через Деканозова? Если да, то становятся понятными таинственность дат обмена и сознательное создание путаницы в источниках.

Но в Москве уже знали о пленении Якова Джугашвили: первое документально зафиксированное сообщение ТАСС руководству страны об этом появилось в тот же самый день, когда он написал записку отцу, а Деканозов доставил её в Москву.

Опять концы с концами не сходятся, а путаница только усугубляется.

Идём дальше, точнее, возвращаемся к загадочным датам. В июле, именно в тот самый день, когда Яков написал записку отцу, французское агентство «Гавас» (находившееся на оккупированной немцами территории) впервые сообщило о его пленении. Заметьте, не немецкая пресса, а французское информационное агентство. Скорее всего, это была инсценировка утечки информации через Францию.

Причиной этого вполне могло быть наличие в условиях обмена советской колонии в Германии на немецкие посольство и консульства в СССР пункта о сокрытии факта попадания в плен сына Сталина. Или даже неопределённого намерения отпустить сына советского вождя вместе с советскими дипломатами на родину, чтобы «не усугублять». По-видимому, именно его приезда ждали составы на турецко-болгарской границе, где он и передал Деканозову записку.

Но в СССР он не вернулся. Сам отказался или руководство вермахта передумало, рассудив, что сын Сталина в плену — куда более сильный козырь, чем его возвращение.

Отдельные историки и исследователи до сего дня утверждают, что записка Якова отцу — фальшивка. И это возможно. По странному стечению обстоятельств первое сообщение берлинского радио о пленении сына Сталина было передано в 12:30 по московскому времени 22 июля 1941 г., через два дня после получения Сталиным весточки от сына и через 7 часов по окончании первой бомбёжки Москвы, которая велась всю ночь на 22 июля.

Очевидно, что оба эти события могли произойти только после обмена — ведь сообщение о пленении Якова преры-

вало все варианты цивилизованного общения СССР и Германии даже через посредников, а бомбёжки Москвы немцы могли начать лишь тогда, когда они уже не представляли угрозы жизни сотрудникам немецкого посольства.

Значит, скорее всего, именно поэтому дата обмена и была засекречена, поскольку она подтверждает факт написания этого письма Яковом.

Вопреки распространённой версии, Яков Джугашвили не сдался в плен и не был захвачен в бессознательном состоянии 16 июля, а был интернирован утром 22 июня 1941 г. в поезде, в котором пересёк советско-германскую границу, направляясь в служебную командировку. Не исключено, что он находился там под чужим именем, поэтому, разыскивая его, советская сторона потребовала при обмене дипломатов передачи ей **всех** советских граждан, командированных в Германию, и добилась этого.

Однако не исключено, что именно эта настойчивость и насторожила немецкие спецслужбы, а кто-то из соотечественников опознал сына Сталина и сообщил об этом немцам. По неизвестной причине на большинстве первых снимков Якова Джугашвили в плену он окружён офицерами и унтер-офицерами люфтваффе. Это перечёркивает официальную версию о том, что «он был... солдатами захвачен в плен к востоку от Витебска...»

Считается, что сын Сталина воевал с первых дней войны. 15 августа 1941 года газета «Красная звезда» написала о сыне Сталина: *«Изумительный пример подлинного героизма показал в боях под Витебском командир батареи Яков Джугашвили. В ожесточённом бою он до последнего снаряда не оставлял своего поста, уничтожая врага».*

Вот только в редакции газеты не знали, что Яков Джугашвили уже месяц находился в немецком плену и попал туда отнюдь не на фронте.

Яков Джугашвили ни минуты не провёл в действующей армии, о чём чистосердечно поведал на первом допросе 18 июля 1941 г. Допрос проводился в штабе авиации 4-й люфтваффе (заметьте, не в гестапо). Причиной выбора такого странного места для этого, возможно, была необходимость срочной до-

ставки Якова Джугашвили самолётом в день обмена в Свиленград для предъявления его Деканозову.

В качестве живого «вещественного доказательства», по-видимому.

Немцы готовились к тому, чтобы развернуть вокруг пленения Якова Джугашвили крупнейшую пропагандистскую кампанию, и понимали, что советские спецслужбы и пропаганда сделают всё, доказывая, что все их заявления и публикации о пленении сына советского вождя — фальшивка.

Вот и предъявили реального человека с вполне реальной запиской отцу.

Во время этой встречи Якову могли сообщить о выявлении его истинного имени и решении исключить его из обмена и отправить в «лагерь для офицеров». Если бы Яков был захвачен в плен на фронте, в этой информации не было бы никакого смысла.

Есть ещё одно важнейшее событие, происшедшее в роковой день 19 июля 1941 года — в этот день Сталин был назначен (а фактически сам себя назначил) наркомом обороны. Сталин ли решил взять всю полноту власти на себя, получив записку Якова и поняв, что оказался на крючке у Гитлера, или Гитлер, узнав о таком его решении, нанёс ответный удар, объявив, что сын советского вождя и наркома обороны сдался в плен, считая, что сопротивление бессмысленно?

Однозначно ответить на этот вопрос вряд ли удастся.

Так или иначе, сын Сталина оказался в немецком плену, но сенсации из этого не сделала ни та, ни другая сторона. После надменного ответа Сталина на предложение обменять сына на захваченного в плен фельдмаршала Паулюса («Я фельдмаршалов на солдат не меняю») ценность пленника для немцев свелась к нулю. И его просто убрали, инсценировав самоубийство — бросок на проволоку с током высокого напряжения.

Пунктуально сделанный немцами протокол вскрытия Джугашвили фиксирует пулевое ранение в голову и не содержит ни слова о повреждениях, вызванных электроожогом. Что интересно, в протоколе не зафиксирован и шрам от операции, сделанной Якову несколько лет назад после

неудачной попытки самоубийства. А операция была тяжёлая и шрам остался внушительным — в нескольких сантиметрах от сердца.

Вопросов много, ответов значительно меньше. Всех свидетелей и участников обмена интернированными русскими и немцами постарались заставить замолчать, сменив им имя и местожительство. До 1980 года было невозможно найти никого из них, они словно растворились на просторах СССР. Ни участниками, ни жертвами войны их не признавали.

Даже после смены государственного строя ничего не изменилось. Родственники, пытающиеся добиться признания бывших интернированных пострадавшими от военных действий, получают стандартные письменные ответы: *«в архивах Министерства обороны и МИД такие сведения отсутствуют»*.

Военная тайна, которую кто-то не желает открывать и сегодня.

Остаётся уповать на то, что «нет ничего тайного, что не стало бы явным». Вопрос только — когда? Не исключено, что рождённые в прошлом веке так и не доживут до этого времени.

Анна Блинова

г. Химки, Московская область

РАССКАЗ ПРО ВАСИЛИЯ СЁМИНА

Бабушка очень любила читать и рассказывать мне всякие истории. Я помню её правильное добродушное лицо с глубокими выразительными глазами. Когда она читала мне сказки, я вживалась в них полностью. Бабуля играла голосом, показывала что-то руками, порой даже переходила на шёпот, будто не хотела, чтобы кто-то узнал о наших тайнах.

Мне нравилось слушать её до безумия, но с возрастом это прошло. Всё потому, что бабуля рассказывала лишь легенды и предания, но я уже устала от выдуманных историй; я выросла из них, как вчерашний ребёнок вырастает из ползунков и розовых бантиков в косичках. Моя душа жаждала реальных, конкретных ситуаций и людей. Когда я сказала об этом бабушке, она удивилась и призадумалась. Я почувствовала: она вспомнила что-то печальное, но важное.

Бабуля ушла, не сказав ни слова, но вернулась спустя пару минут, держа в руках старые фотографии и письма, вырезки из газет.

— В нашем маленьком доме висел большой портрет молодого красивого моряка, — сказала она, показывая одну из фотографий. На ней действительно был моряк. Юный, хорошо сложенный и очень красивый. — С раннего детства я знала, что это мой родной дядя Вася, — продолжала бабушка, с любовью глядя на фотографию. Её губы тронула лёгкая улыбка, и всё в ней дышало нежностью в тот момент. Потом она не торопясь показала ещё две фотографии. На одной я увидела трёх молодых стройных солдат. Был среди них и Семин Михаил Родионович, как я узнала со слов бабушки. С другой на меня смотрели две прекрасные женщины и маленький мальчик. Одна из красавиц — Сёмина Александра Ивановна, а маленький мальчик — это её сын, Семин Василий Михайлович, о котором моя бабушка захотела мне рассказать.

— Вот его родители: Сёмина (Назарова) Александра Ивановна и Сёмин Михаил Родионович. У Василия были сёстры: Анна, Мария, Ольга, Александра. Ольга — это моя мама, — бабуля улыбнулась. — Отец дяди Васи, Сёмин Михаил Родионович, сражался на фронтах Первой мировой войны. В 1914 году он был мобилизован, а вернулся уже после революции. Тогда они построили дом в Рязанской области, на улице Касимовской в Шилове, в нём я выросла. Там рядом есть дом моей тёти — тёти Нюры...

Вдруг бабуля замолчала. Я заметила, как её чистейшие синие глаза заблестели и наполнились слезами. Моя бабушка глубоко вздохнула и продолжила рассказ:

— Моя бабушка никак не могла поверить, что её сын погиб, ведь она только получила извещение, что он пропал без вести 14 февраля 1944 года. Всю свою жизнь до смерти она ждала его, часто говорила, что он, может быть, живёт где-то за границей и не может ничего о себе сообщить...

Бабушка снова прервала рассказ. Тогда мне стало её очень жаль. Кажется, я поняла, почему бабуля любила рассказывать мне только сказки...

— А мои тётки, и особенно мама, часто рассказывали мне о дяде Васе... — после паузы вернулась в прошлое бабушка. — Как он любил своих сестрёнок, как много помогал матери... Дядя Вася делал любую работу: мыл полы, работал на огороде, рубил дрова, топил печь... Он не боялся никакого труда. Был очень спортивным: зимой катался на лыжах, летом занимался лёгкой атлетикой...

Ещё до войны дядя Вася служил на Балтийском флоте, в Ленинграде; там женился, у него родилось двое детишек, он жил в семье своей жены в большой коммунальной квартире. Но каждый год дядя Вася приезжал к родителям. Его приезды были праздником для всех. Дом наполнялся смехом, весельем, радостью. Он всегда всем привозил подарки...

Бабуля оживилась и снова едва заметно улыбнулась. Мне стало легче, спокойнее на душе.

Но после небольшого перерыва она вновь предалась грусти. Я почувствовала, как слабая дрожь коснулась её рук, державших письма и фотографии.

— А потом началась война... От дяди Васи приходили записки и известия. Их очень ждали. Читали всей семьёй, делились с соседями... И в посланиях не было отчаяния или страха — они были наполнены любовью и заботой, вселяли веру в победу: «...здоровье моё хорошее, настроение тоже неплохое. А особенно бывает хорошее настроение, когда охотимся на фрицев и когда они корёжатся от наших метких выстрелов. Так что, мама, обо мне не беспокойся, всё в порядке», «Кончится война, выгоним с нашей земли немецких варваров и тогда заживём...»

А потом пришло извещение о том, что дядя Вася пропал без вести. Получили ещё письмо от его друга, Ющенко А. П.; он написал, что дядя Вася был его лучшим другом, его все любили и уважали, был он командиром взвода. Рассказал фронтовой товарищ и о том, что 14 февраля 1944 года состоялся бой, после которого дядя Вася не вернулся. И всё...

Бедная бабушка! Сколько страданий я увидела в её глазах! Мука, терзания, скорбь... Всё это мгновенно проснулось в ней и, казалось, разрывало её изнутри. Говорят, надежда всегда умирает последней. Вероятно, это так, но мне тогда подумалось, что никогда не умирает любовь, даже если уже в сердце нет места для надежды. От бабули веяло лаской, добротой, теплом, но глаза её, влажные бездонные глаза, выдавали мучительную горечь.

Я заметила, как она напряглась и вернулась к начатому:

— Бабушка умерла, когда я училась в школе... И вот в начале 70-х годов пришло письмо из таллиннской школы номер 15 от членов клуба «Поиск», которые занимались судьбой членов морского десанта. Началась переписка с клубом, журналисты напечатали несколько статей в шилловской газете «За коммунистический труд». Вот что писали члены таллиннского клуба «Поиск»...

Бабушка принялась читать:

— «Кругом была мёртвая тишина. Казалось, что на берегу никого нет. Когда вторая рота начала покидать корабли, по морьякам вдруг ударили молчавшие до сих пор миномёты, пулемёты и автоматы гитлеровцев. Огневой вал прижал бойцов к земле, но тут и наши корабли открыли огонь.

Бой кипел и на берегу, и на воде, и в посёлке Мерекюла, и во многих ближайших пролесках. Десантники дрались стойко и неустрасимо. Некоторые погибли сразу в воде, сражённые вражеским огнём. Но люди, которые оставались на корабле, ясно видели, как в зареве пожаров десантники рвались вперёд, туда, где вели бой бойцы первого броска...

Только в конце февраля в расположение наших войск вышли трое: В. Гринкевич, Е. Кривошеев, Ю. Сипин. Всего осталось в живых из десантников 12 человек, но многие из них погибли в конце войны. Это был поистине героический подвиг наших советских людей. И советский народ чтит память павших героев и никогда не забудет их.

Вот и всё, что мы можем сообщить Вам о десанте, участником которого был Ваш брат».

Бабушка задумалась, глядя на пожелтевшие от времени страницы газеты.

— Приходили ученики средней школы № 1, им рассказывали о дяде Васе и давали документы для школьного музея...

Неожиданно бабуля вытащила из-под старых газет небольшую книжечку, она называлась «Разве можно забыть Мерекюла?»

— ...У мамы подруга жила в Таллинне, тётя Таня. Твой папа её помнит. Когда мама ездила в очередной раз в Таллинн, они побывали в посёлке Мерекюла, где высадился морской десант Балтийского флота в ходе Ленинградско-Новгородской операции Великой Отечественной войны и где позже был установлен памятник погибшим десантникам. Именно там маме подарили эту книгу. Теперь я передаю её тебе.

Бабушка бережно протянула мне книжечку. Она была совсем небольшой, я, будто боясь повредить бесценные страницы, едва дыша взяла её из трепетных рук бабули. Я перевернула обложку и увидела надпись: «Родным и близким Василия Михайловича Сёмина — бесстрашного десантника, героически погибшего у Мерекюла! Пусть эта книга послужит доброй памяти Василия Михайловича и его боевых друзей! С искренними пожеланиями добра и счастья. 12.XI.71 г.».

Полистав книгу ещё, на странице 73 я увидела подчёркнутую строку: «...пропал без вести». А чуть выше заголовок «Память сердца». Я испугалась; стала переворачивать странички тронутой временем книги, чтобы понять, о ком говорится в главе.

Бабушка тем временем обратилась ко мне:

— Мы не знали тогда о судьбе Васи, но о страшной участи его родных нам было известно.

Я содрогнулась. Внезапно и безотчётно я начала себя корить: и почему мне не нравилось слушать тихие, мирные сказки? Почему я захотела узнать о страшной действительности? Однако меня уже было не оторвать от рассказа. Я хотела узнать всю правду, все обстоятельства реальной истории нашей семьи. Я отложила книжечку, дав себе слово прочитать её в первую же свободную минуту, и принялась жадно слушать бабушкино повествование.

— Это последнее письмо дяди Васи, — бабуля показала мне небольшой листок бумаги и прочитала: — «Здравствуйте, мама и сестрёнки!.. Мама, береги своё здоровье. Скоро всё это кончится — закат фашизма близок, он доживает последние дни...»

Внизу письма я увидела дату: 8.I-44 г.

Бабушка медленно отложила письма и начала разглядывать большую чёрно-белую фотографию. На ней было подписано: «Василий Семин». Я наблюдала за бабушкиным лицом. Её губы слегка подёргивались, время от времени она устало опускала глаза, но вновь и вновь возвращала взгляд на фотографию. Стылый ветерок слегка трогал её спутанные кудри. Но она не замечала этого. Лишь неторопливо достала из сумочки платок и аккуратно вытерла лоб. А затем она плавно, взволнованно заговорила:

— Когда началась война, немцы разбомбили основные продовольственные склады в Ленинграде, оставив таким образом жителей без запасов продуктов питания. Начали выдавать карточки на хлеб, мясо, рыбу, сахар; каждому человеку полагались мизерные порции... Как говорили мои родственники, сестра жены дяди Васи пошла отovarивать

карточки на всю семью и их потеряла, или их у неё украли... Такое тоже случилось. Семья была обречена.

Затем бабушка почти шёпотом, хрипло произнесла:

— Умирали долго и мучительно.

После этого она отвела в сторону наполнившиеся слезами глаза.

Мне больше не хотелось терзать её страшными воспоминаниями. Не этого я просила... Бабушка, конечно, рассказывала так же интересно, как всегда; но в тот момент я больше не желала видеть, как она страдает. Мне просто хотелось обнять её худые остренькие плечи и прислониться к тёплой груди... как в детстве... Я хотела, чтобы она забыла эти события, но как уйти от тяжёлого прошлого? Как вернуть родственников, их похищенные войной жизни? Я уже хотела было успокоить бабушку и унять её тревожную речь, однако бабуля не дала мне этого сделать.

— Сначала умирали взрослые, потом дочь дяди Васи Инночка; последним умер мальчик Володя, теперь я знаю, как его звали... — продолжила бабушка. — Об этом написал дядя Вася в письме: «Жена и дети были там же, где и остались навсегда, без выезда, как это без выезда, не понятно, то разрешите пояснить более ясно. Зимой 1942 года тёща, жена, дочь Инна и Володя померли с голода». Говорили, что дядя Вася пришёл на корабль с трупиком сына на руках. Руки ему не могли разжать, чтобы похоронить мальчика...

Я зажмурила глаза и нарочно уронила ручку, чтобы бабуля не видела, как я вытираю слёзы, поднимая её. Мне хотелось уйти, спрятаться, убежать...

Бабушка не останавливалась:

— Потеряв семью, дядя Вася, я думаю, потерял и смысл в жизни. Единственное желание у него было — отомстить фашистам. О десанниках всегда говорили — смертники... Добровольно дядя Вася стал членом этого десанта... — бабушка нахмурилась. — Он пропал без вести... Об этом вскоре узнали все мои родственники. Хорошо, что не узнала бабушка, как он погиб, — она продолжала надеяться, что её сын, может быть, жив.

Теперь ты, Аня, знаешь всё. Живи и помни...

Виктор Волков

г. Сасово, Рязанская область

(1941-2014)

СЧЁТ

В год войны я родился. Некстати.
Выжил... Мать не дала умереть.
Жизни каждый по счёту заплатит
За оркестра скорбящую медь.

Все счета нам оплачивать надо.
И живу я — в долгу, как в шелку.
Нет с собою ни спора, ни лада.
Что написано мне на веку?

Колосок я на жизненном поле.
Сколько зёрен моих прорастёт?
Мне всего отпускается вволю.
Как оброк в непредъявленный счёт.

Срок придёт, и «Кредиты — к оплате!» —
Скажет жизнь. Это будет мой крах.
Может быть, даже очень некстати.
Подчистую расчёт! Второпях...

Ульяна Васильева-Лавриеня

г. Щёлково, Московская область

АЦИДАНТЕРА

Часть 1

ГЛАВА 1

Кроны вековых лип, склонившихся над маленькой железнодорожной станцией, гудели мириадами покрытых золотистой пылью мохнатых пчёл, сосредоточенно собирающих нектар с душистых, зноем и мёдом пахнущих цветов, салатowymi мотыльками вспорхнувших на припылённо-изумрудные сердечки листьев.

Казалось, этим насекомым труженицам нет никакого дела ни до необычно большого скопления людей на деревянном перроне, ни до сверкающего начищенной медью духового оркестра, надрывно звучащего под палящим июльским солнцем. Жизнь пчёл текла своим чередом. Жизнь маленького подмосковного городка, как и всей огромной страны, круто изменилась ранним воскресным июньским утром: новобранцев провожали на большую войну.

— Да не плачь, глупая! Ты даже соскучиться не успеешь, как мы уже вернёмся. Сейчас навтуляем фрицам, чтоб неповадно было в следующий раз, мало им не покажется. Мы там не какая-то гнилая Европа, фашисты ещё не поняли, куда рыпнулись! — весело говорил Андрей, обнимая Альку. Она, по-девчачьи худенькая, крепко сжимала рукав его новенькой гимнастёрки, и слёзы горошинками скатывались по её ещё детским бледным щекам. Андрей сверху вниз посмотрел в Алькины зелёные, с кофейными крапинками, глаза, наполненные невыносимой тревогой и неутешным горем, почти сливающиеся с цветом его солдатской гимнастёрки; на её усыпанный веснушками, покрасневший и распухший

от слёз нос. — По-быстренькому загоним немчуру назад, в Берлин, да и вернёмся, не реви ты.

В эти минуты Андрей, испытывая мальчишеский восторг, был по-телячьи счастлив. Ему и его закадычному другу детства Севке удалось обмануть военкома: приписав себе год, они новобранцами ехали бить фашистов. Ехали, вот же наивные идиоты, в твёрдой уверенности, что совсем скоро война закончится и они с Севкой вернутся домой героями, в орденах и медалях. Вот тогда уж Андрей с Алькой обязательно поженятся, построят большой и светлый дом, нарожают самых красивых на свете детишек, которые будут похожи на неё, на Алю. И мечты обязательно сбудутся: Алька станет врачом, Андрей — лётчиком. Какая у них будет счастливая семья!

Друзьям выдали одну винтовку на двоих, десять патронов к ней; оружие им предстояло добыть в бою. Ещё в вагоне Севка предложил бросить жребий: кому — винтовку, а кому — штык от неё. Андрею достался штык. Через двое суток, под станцией Ярцево, налетевшие «юнкерсы» вдребезги раздолбали эшелон, на котором их дивизию везли на передовую. Всё смешалось: рёв пикирующих самолётов, вой падающих бомб и их оглушительные разрывы, отчаянные крики раненых, последние хрипы умирающих. Андрей и Севка вместе со всеми бежали в лес, подальше от искорёженных вагонов, спотыкались, падали в мягкую зелень наливающейся соком пшеницы и поднимались снова, не замечая тех, кто навсегда остался лежать на этом поле. До спасительного леса оставалось совсем чуть-чуть, когда из ложбины наперерез бегущим красноармейцам двинулись немецкие самоходки. За ними ровными шеренгами, как на параде, в полный рост и в полной боевой выкладке маршировала гитлеровская пехота. Севка присел на одно колено, прицелился, но потом резко отбросил ружьё в сторону: «Не могу стрелять! Это же люди», — и в то же мгновение был прошит очередью немецкого автоматчика. Андрей подхватил упавшего друга, голова его безвольно опрокинулась навзничь, а на синеющих губах Севки лопались кровавые пузырьки.

От этого страшного, неотвратимого дыхания смерти ледяной глыбой сковало внутренности Андрея, скулы свело судоро-

рогой, рот наполнился жидкой кислой слюной и неукротимая рвота вывернула наружу содержимое желудка. Утерев лицо грязными, испачканными землёй и сажей руками, Андрей выдернул из-под Севки измазанную кровью винтовку.

— А, сволочи!!! Натё, держите! — Не считая выстрелов, Андрей выпустил в приближающихся врагов все патроны, видел, как упал здоровенный фриц, сам почувствовал сильный толчок в плечо, жгучая боль полыхнула багровым пламенем в глазах, и он повалился рядом с Севкой.

Очнулся Андрей в сумерках. Где-то далеко чернели искорканые остовы вагонов, дымилась сторевшая на корню пшеница, затянув гарью лощину и обломанные деревья ближайшего леса.

— Есть кто живой? — услышал он чей-то голос.

— Здесь я. Я живой. Помогите, — просипел Андрей. — И друг мой, Севка, тоже здесь. Убили его, — горько, по-детски, заплакал Андрей.

Война всей своей звериной жестокостью за один укус сожрала Севкину жизнь и беззаботную юность Андрея.

ГЛАВА 2

Из медсанбата он уже не вернулся в свою часть. Теперь Андрей видел, что до конца этой проклятой войны пройдёт ещё не один год.

Осенью их дивизию, укомплектованную необстрелянными новобранцами-сибиряками, сразу с марша отправили на прорыв блокады Ленинграда. Когда-то Андрей с Алькой мечтали побывать в этом великом городе, и вот он ехал освобождать его.

Шли ожесточённые бои, наши войска выгрызали деревню за деревней, оттесняя фашистов, и в феврале казалось, что прорыв близок. Красноармейцев не останавливали ни морозы, ни глубокие снега, ни болота, ни шквальный огонь, ни бомбёжки врага.

Весной гитлеровцы сомкнули кольцо и советские войска оказались в окружении, тогда же перестали поступать

боеприпасы и продовольствие. Немцы, чувствуя своё превосходство, расстреливали наших солдат, как куропаток. Бомбили, перепахивая лес вдоль и поперёк. Наконец из штаба командарма поступил приказ отступить. Красноармейцы прорывались маленькими группами: раненые, голодные, оборванные, вымокшие до последней нитки. Разлились реки, топи стали непроходимыми. В весеннем пустом лесу солдатам приходилось есть всё, что находили: мох, сныть, черемшу, молодые хвойные веточки, крапиву и лягушек. Андрея, вероятно, спасала полученная в детстве прививка голодом: его организм переваривал всё. Невыносимо тяжело было преодолевать дремучие заросли, совсем не похожие на прозрачный березняк, росший по берегам речки его детства. В непролазных чащах ноги проваливались по колено в глубокий мох, мины и снаряды, попадая в него, как в вату, не взрывались. Днём бойцы старались преодолеть как можно большее расстояние. Немцы уже контролировали все дороги, поэтому приходилось обходить их по болотам. Одолевали комары и мошкара, они жрали даже сквозь плащ-палатку, проникали в любую щёлочку в одежде. В сумерках лес погружался в промозглый холодный туман. От него все намокали ещё больше, не имея никакой возможности обсушиться. Удушливый дым от взрывов стоял вперемешку с трупным смрадом. Убитых и раненых никто не убирал, в неразберихе отступления их бросили на произвол судьбы.

Все эти месяцы Андрей держался только мыслями об Альке. Не имея возможности написать письмо, как заклинание произносил он слова любви и одну просьбу: «Дождись, любимая моя Алька!» Когда же было совсем плохо, говорил с ней, и ему казалось, что она слышит, понимает и помогает ему. «Вот добьём фашистов, и я вернусь. Обязательно вернусь». Он вспоминал их последнюю ночь перед отправкой на фронт. Единственную, стыдливую, такую счастливую и забываемую ночь. Вспоминал запах Алькиных пшеничных волос, шёлковую нежность кожи, хрупкие тонкие пальчики. У него никого на свете нет, кроме Альки, она для него всё: свет, воздух, семья, душа, сама жизнь... За всё это время Андрей успел получить от Альки единственное

письмо. Его треугольник, бережно хранимый в нагрудном кармане гимнастёрки, стёршийся на сгибах, вымокший в долгих блужданиях по фронтовому лесу, слипшийся и потёкший фиолетовыми разводами округлых букв, стал единственной связующей ниточкой с мирной жизнью, с любимой Алькой, с надеждами на счастливое будущее. Андрей наизусть помнил всё, что писала ему в этой весточке Аля: о том, как любит и как ждёт его возвращения. Назойливой мухой в памяти крутилась и тревожила душу некоторая странность этого письма. Почему-то Алька писала о себе «мы» — «Возвращайся, мы ждём тебя». Почему — «мы»?

В живых от роты Андрея осталось четверо, спустя две недели блужданий по лесу они встретили замкомандарма Алферьева и комполка Ефимова с двумя автоматчиками. Контуженный и потому оглохший Ефимов на тело под гимнастёрку намотал знамя полка. До линии фронта оставалось совсем немного, когда под вечер нарвались на немецкий патруль. Наши автоматчики отстреливались до последнего патрона, потом Алферьев поднял всех в рукопашную, и они одержали свою последнюю в этих боях победу. Захватили оружие и двинулись дальше, ориентируясь на звуки боя. Андрей немного отстал, пытаясь ремнём приладить оторвавшуюся подошву ботинка. В этот момент раздался взрыв, потом сразу ещё несколько. Когда оглушённый, присыпанный комьями грязи Андрей очнулся, всё вокруг было в свежих воронках. Рядом на обломанном кусте ракиты листочком размером с детскую ладошку качался лоскуток полкового знамени. Значит, они на минное поле выскочили, а там минировали и наши, и фрицы. У Андрея обгорело лицо, в голове надсадно звенело миллионами серебряных колокольцев, и он не понимал, куда двигаться дальше. На обломанном дереве под сникшим полотнищем парашюта Андрей увидел запутавшиеся в стропах останки лётчика. Кругом взрывы, бомбёжка, и ни одной живой души рядом. Липкий, парализующий волю страх охватил всё существо Андрея, и он не выдержал. Нащупал в кармане гимнастёрки Алькино письмо, разулся, сел, прислонился спиной к берёзе. Дулом к подбородку приладил ствол немецкого карабина. В этот момент из болота,

из дымного марева, появился старик, молча сел рядом, убрал винтовку.

— Не надо, сынок, ты ещё не прошёл свой путь до конца. Тебе, поди, и восемнадцати нет? Вот и мой Матвейка на фронт сбежал, год себе приписал и сбежал.

Старик сдёрнул парашют, обрезал стропы, прикрыл лётчика мхом, на берёзу примотал остатки его портупей.

— Выбьем фашистов, вернёмся сюда и похороним героя. Парашют нам пригодится, мы ещё повоюем. Дай-ка я тебе ботинок подмотаю, видишь, совсем раззявился. — Он подвязал подошву куском стропы. — По дороге нельзя идти, будем по болоту пробираться. Там мин нет. Немцы чистоплюи, они в болото не совались. Ты след в след за мной ступай, а я слегой тропу нащупывать буду. Прорвёмся, сынок. Меня Егором зовут.

Уже в полной темноте вдвоём они перебрали болото, двинулись через заросли ивняка дальше, выбрались на поляну и попали прямо в расположение немцев. Рванули назад, отстреливались, пока не закончились патроны. До спасительного подлеска оставалось не больше десяти шагов, когда Андрея ранило в бедро — пуля, не задев кость, прошла навылет. Егор легко мог уйти один, он же, подхватив Андрея, помогал ему идти. Но что могли противопоставить экипированному до зубов взводу сытых немцев двое человек — безоружных, голодных, измотанных? Избив, их обыскали: книжки красноармейцев и чёрные солдатские карболитовые медальоны перекичевали к обер-лейтенанту, комочек Алькиного письма полетел в костёр. Андрей бросился отнимать его, но в тот же миг под улюлюканье и дружный хохот немцев одним ударом здорового рыжего детины он был сбит с ног. Вскоре Андрея и Егора загнали на огороженную колючей проволокой поляну, которая уже была густо усеяна нашими пленными бойцами: ранеными, обгоревшими, контуженными.

— Ты чего на фрица кинулся? — перевязывая Андрею ногу оторванной от нательной рубахи полосой, спросил Егор. — Бумажка, что ль, важная какая? Или жить надоело?

— Письмо это.

— Из дома?

— Не твоё дело. Какой смысл в такой жизни? Сидеть и ждать, когда сами сдохнем? Мы никому не нужны! — глотая слёзы, выкрикнул Андрей.

— Ну, так уж и не нужны. Будет контрнаступление, нас отобьют. А тебя мамка дома ждёт, семья.

— Нет у меня мамки. И семьи нет. Детдомовский я.

— Так письмо-то от кого? От невесты... — догадался Егор.

— Чё ты лезешь? Чё надо? Нет у меня теперь никого. И невесты нет.

— Это откуда ж ты узнал, что и невесты нет?

— Сама написала. «Возвращайся, — пишет, — мы тебя ждём». Кто — «мы»? У неё тоже никого нет: ни отца, ни матери. Я ж не дурак, что я — не понимаю?

— Видно, чего-то не понимаешь. Если пишет, что ждёт, значит, так оно и есть. Чего взъерепенился? Чего к слову докопался? А может... А может, у вас было чего, а? Ну там, понимаешь, о чём я? — и Егор положил испачканную землёй и кровью ладонь на плечо Андрея.

— Говорю, не твоё дело. Чё пристал? — дёрнул тот плечом, смахивая руку Егора, и отвернулся.

— Вот уж точно, дурак ты. Женилка-то отросла, а ума не нажил. Молодец девка, уважаю таких! Как невесту зовут-то?

— Алькой... Альбиной, — недоумённо произнёс Андрей. — Это ты о чём сейчас?

— Да о том, дубина, что дитё она ждёт. Потому и пишет «мы». Брюхатая она, твоя Алька-Альбина. Вот я про что толкую.

— Да как это? Разве ж это возможно? Так я ж... Да мы... Это ж когда было-то, ещё год назад, в июле, перед отправкой на фронт.

— А письмо когда писано?

— В декабре, перед Новым годом получил.

— Давно уж опросталась твоя Алька, где-то по весне родила. Вот ты тут сопли распустил, жить не хочешь, а она там, с малым, горе бедует да беду горюет. Дурень, тебе во что бы то ни стало выжить надо. Дитё у тебя растёт, ему без отца

никак нельзя. Ты, милоч, в ноги должен своей Альке поклониться за подвиг её. В военное время да в одиночку незамужняя девка на такое дело решилась. Это мужество нужно иметь, не в пример нашему. Сама-то впроголодь, поди, там, а дитю всё отдать нужно, его выкормить да выпестовать.

— Дитё? Как дитё? Сын или дочка? — ошалело спросил Андрей. — У меня — дитё? А я-то думал... такого, дурак, надумал, хоть стреляйся. Не, теперь я точно жить буду. Назло вам, суки, жить буду. Раз у меня вон какое дело! — Андрей, опустив голову, чтобы не выдать набежавших слёз, пожал Егору руку.

Потянулись однообразные, унылые, отчаянные дни плена. Сначала все жили ожиданием контрнаступления наших войск и надеждой на быстрое избавление из неволи, но постепенно гул орудий всё отдалялся и отдалялся, самолёты всё реже и реже пролетали над местами бывших боёв, пока наконец не наступила тишина...

Огороженный в четыре ряда колючей проволокой, с вышками по углам, лагерь просуществовал до осени. Немцы пунктуальны. Ровно в шесть утра в любую погоду они проводили поверку. Пленных поделили на сотни. По два три часа их держали в строю, пересчитывали, сортировали, а потом снова пересчитывали. Совсем слабых гитлеровцы приказывали вытаскивать за изгородь и там их просто пристреливали. Ровно в двенадцать узникам на десятерых выдавали по буханке чёрного хлеба с опилками и бочонок воды из речки — на каждую сотню. Из веток и парашюта Андрей с Егором соорудили укрытие, и в нём вся их сотня по очереди пряталась от непогоды. Егор, охотник из Сибири, учил выживать в лесу. Хвойные иголки и мох он измельчал в кашичу, приматывал её к ранам Андрея, и они начали заживать. В конце сентября всех погнали на станцию. Пытавшихся бежать травили собаками и расстреливали на месте. На станции загрузили в вагоны для перевозки скота и повезли на запад. Пленных было так много, что сидеть на полу они могли по очереди, приходилось стоять. Везли долго, больше недели,

раз в сутки давали воду и один раз за весь путь буханку чёрного заплесневевшего хлеба на десятерых. Умерших складывали в углу вагона. Много раз теплушку перецепляли, так что они не понимали, в какую сторону идёт состав. На расвете их выгрузили на перроне Страсбурга. На площади всех долго пересчитывали, потом загнали в автофургоны и снова куда-то везли. По натужному гулу моторов чувствовалось, что дорога петляет и поднимается в гору. Так Андрей с Егором попали в концлагерь Нацвейлер-Штрутгоф.

ГЛАВА 3

Этот лагерь был одним из секретных объектов Рейха, здесь содержались заключённые со всей Европы, в том числе и немцы. Самая тяжёлая участь постигла советских узников, цыган и евреев, все остальные получали посылки от Красно-го Креста. Французы иногда втихую делились едой и лекарствами с русскими.

Здесь находилась медицинская лаборатория, в которой нацисты ставили опыты над людьми. Те, до кого ещё не дошла очередь стать подопытным животным, должны были из добытого в карьерах камня строить новые блоки для прибывающих пленных, заготавливать дрова для крематория и других потребностей великого Рейха, наводить на территории порядок. Немцы любят порядок.

Существование пленных складывалось из постоянных побоев, холода, каторжного труда и голода: в день полагалось пол-литра баланды с запахом эрзац-кофе, четвертинка буханки хлеба и литр жидкого вонючего супа из тухлой капусты. Одежка – пара нательного белья и полосатая холщовая роба, обувь – точёные деревянные колодки или сандалии из прорезиненной кирзы.

Особенно тяжело было зимой. С гор опускались густые туманы, пронизывающий ветер валил с ног; территорию лагеря заваливало сугробами; сильные морозы не ослабевали ни днём, ни ночью; из-за разреженного воздуха и голода ещё сильнее кружилась голова. В любую погоду в шесть часов

утра и вечером — после работы — заключённых выстраивали на поверку, выматывая душу и отнимая последние силы. По часу, а зачастую и дольше, пленных пересчитывали, сортировали и снова пересчитывали.

Хуже всех приходилось женщинам. В лагере их находилось немного, в основном сюда привозили молоденьких девушек. Каждый день несколько женщин переводили в особое помещение рядом с казармой охраны. А через сутки их, уже полуживых, в вагонетках перевозили в лабораторию, в которой заправлял доктор Хирт. Немцы методичны. Каждый день группу узников отправляли в медицинский блок, и каждый день их мёртвые тела в вагонетках вывозили в крематорий. Часто от трупов шёл сильный запах чеснока. «Это иприт так воняет, — растолковал Егор, — у меня отец с германской войны вернулся газами травленный».

С самого первого дня Андрей с Егором искали удобный случай для побега; с территории лагеря сбежать было практически невозможно, слишком уж хорошо он охранялся. Призрачная возможность для бегства представлялась только во время работы вне лагеря, на заготовке дров или в каменоломне. Но и здесь никому из смельчаков не удавалось отбежать дальше, чем на сто метров. Там проходила вторая линия охраны. Овчарки поднимали лай, и конвоиры открывали стрельбу на поражение.

Работавший уборщиком в комендатуре поляк Збышек однажды рассказал, что по радио выступал какой-то генерал Власов: он собирает русскую освободительную армию. «Мудрый человек этот генерал, — промолвил поляк, — для вас, русских, это единственный шанс гарантированно выйти отсюда живыми. Вы видите, чем заканчиваются побег. А из его армии сбежать будет проще. Это уже не концлагерь». Андрей с Егором много думали, спорили и не знали, как поступить. Когда же провокатор выдал группу советских офицеров, готовивших побег, и в течение недели этих людей истязали перед строем всего лагеря, а потом всех казнили, друзья решили, что другой возможности выйти отсюда живыми не будет и сегодня, на вечерней поверке, они объявят

о своём желании служить в армии Власова. Значит, это судьба. В плен они попали с Власовым. Возможно, сейчас он даст им шанс на избавление из неволи. Выбраться бы из-за колючей ограды лагеря, а там их уже никто не удержит.

В этот день их команда работала в каменоломне. Киркой и клиньями они отбивали глыбы гранита и грузили их в машины. Розовый гранит везли на станцию Рото, оттуда по железной дороге в Нюрнберг для облицовки стадиона. Нюрнберг должен быть великолепен. Обычный камень на тачках узники отвозили в лагерь. Там строился ещё один блок и новый крематорий. Немцы хозяйственны. По правилам, при возвращении из карьера в лагерь всех пленных обязывали нести в руках большой камень, либо, с заготовки дров, бревно. Один из охранников, Гюнтер, отличался особенной жестокостью и коварством. Любимым его развлечением было устраивать побег заключённых. Гюнтер плечом сталкивал узника с обрыва и уже влёт стрелял по падающему человеку, после чего рассматривал очередную жертву; очень гордился собой, если попадал в голову или в сердце. На этот раз таким беглецом он выбрал Егора. С гибелью мудрого друга жизнь Андрея стала бессмысленной и невыносимой. Ночью он выл в тощий тюфяк с остатками пыльной соломенной трухи, лишь под утро забылся тяжёлым мороком.

Андрею приснилась Алька. Она стояла на утёсе по колено в бурлящей воде, а горный поток падал отвесно по высокой-высокой скале. Длинная белая рубашка намокла, её волосы растрепал ветер, и Андрей не мог увидеть сквозь них Алькино лицо. В руках она держала белый тряпичный свёрток, качала его и что-то пела. Андрею показалось, что это ребёнок, он хотел рассмотреть, кто это — мальчик или девочка. Во сне отчего-то всё возможно, и Андрей приблизился к Альке, в руках же у неё оказался не ребёнок, а берёзовая чурочка, и она гладила её по берестяной щёчке и пела колыбельную. А потом Алька крикнула ему: «Догоняй, Андрей!» — и соскользнула вниз, в водопад, и только белый свёрток и её рубашка крутились в водоворотах, пока не скрылись за порогами. Андрей захлёбывался немым бессильным криком, будто это тонул он сам.

ГЛАВА 4

Наутро, на построении, к их шестому блоку пришёл офицер с золотым пенсне, в начищенном мундире, сверкающем блестящими пуговицами, в фуражке с лихо изогнутой тульей, в высоких глянцевых сапогах. Рядом с офицером ступал холёный сытый дог, всем своим видом демонстрирующий презрение к пленным. В тонких, каких-то женских, обтянутых изящными кожаными перчатками пальцах доктор Хирт держал стек — металлический гибкий прут с резной костяной рукояткой. Немцы брезгливы. Хирт выбирал себе подопытных узников, и остриё стека уперлось в грудь Андрея. Ему оказали особую честь стать экспонатом анатомического музея в медицинском университете Страсбурга. Хирту понравился скелет.

Немцы расчётливы. Чтобы узника сожгли в крематории, он обязан накануне заготовить дрова, потому пленных погнали в горы на новую делянку. Андрей с удивлением увидел, до чего же красивы эти заросшие густым лесом невысокие Вогезы, клубящийся в долинах туман, розовый в лучах восходящего солнца, услышал многоголосье лесных птиц. И даже концлагерь, ступенями спускающийся по склону горы, с его серыми вышками, виселицей, расстрельной ямой, газовой камерой, сладковатым дымом крематория, показался ему каким-то игрушечным, ненастоящим; цепочка охранников с овчарками вокруг каменоломни и их делянки — оловянными солдатиками из додетдомовского детства. Облака потихоньку расходились, день обещал быть тёплым, солнечным.

Середина июля. Двенадцать месяцев чистилища подходили к концу. Андрей мысленно вернулся к долгим разговорам с Егором. Как-то, в момент абсолютного отчаяния, тот спокойно сказал ему:

— Так уж Господом заведено, что не дано человеку знать час своего конца. И уж тем более грешно этот час самому себе назначать. Ты лучше молись, сынок.

— Кому молиться? Бога нет.

— Бог есть. И неважно, как его зовут. Христос ли, Магомет, Будда. Хоть ржавому гвоздю в нарах, но молись. Бог всегда рядом. Он как воздух. Воздух же невидим, но без него не прожить. Как вода. Она и напоить тебя может, а может и утопить. Но без неё не выжить.

— Да не умею я молиться.

— Как можешь, так и молись. Что на сердце легло, то и говори... А слова нужные сами придут. За Альку свою молись, за дитё.

— Не верю я в твоего Бога. Если он есть, как он такую войну допустил?

— Бог строгий родитель. Тот даже своё самое любимое дитё за непослушание ремнём выпороть может, для науки. Вот и нас сейчас этим огненным ремешком Господь научает. За церкви порушенные. За нами преданных и убиенных царя с царицей и их ребятишек. Вот как омоемся мы своей кровушкой, да со слезами раскаемся в содеянном зле, тогда и прощение нам будет. Прижмёт Всевышний нас, неразумных, к своей душе да приголубит, утешит и слёзы осушит.

— Когда это будет?

— А ты не думай. Ты верь, что оно — утешение — будет. Каждому раскаявшемуся будет, только срок у каждого свой.

— Что же тебя, такого верующего, твой Бог не уберёт от плена? Или он про тебя забыл?

— А и я не без греха, что скрывать. Дуняшу мою не берёт, не жалел, ласковых слов не говорил. У меня на уме только тайга да охота были. Никогда я не думал, как она там с пятаью ребятишками мается. А может, вот сейчас Господь меня к тебе послал, а кого другого к моему Матвейке приставил? Не знаю. Я у Бога самая малая козявка. Но одно знаю точно: внутри каждого человека свой Бог есть. Внутренний. И он всегда рядом, он человека никогда не покидает. А имя ему — совесть. Даже если никого рядом нет, никто не видит и не знает, она, совесть, изнутри каждую думку взвешивает, каждой место находит: худая она или добрая. Если человек совесть свою блюдёт в чистоте, она тогда ангел-хранитель его, а уж если замазает, изгадит её, то превратит в беса. Тут уж он человека в бездну утянет и там сожрёт.

- Легко говорить – верь. Нас учили, что Бога нет.
- Ты не думай. Просто верь, сынок. Вера дарит надежду, а это великое дело. Надежда укрепляет силы. Силы нам с тобой ещё очень пригодятся. Нам выжить надо, фашистов добить ко всем чертям да домой вернуться, мирную жизнь настраивать. Вот мне сорок лет. А что я видел в своей жизни? Что я дал желанной моей Дуняше? Где сам побывал, что узнал? Крохи житейские собрал, и всё.

С того разговора прошёл год.

– Вот и неправ ты, Егор. Знаю я свой последний час, и осталось до него всего ничего. Сядет солнышко, отгонят меня под ледяной душ, а потом, как бычка за ноздри, – на живодёрню к мяснику Хирту. Немцы педантичные. У них всё по порядку. Так и закончится моя жизнь. А ты, Егор, уже на небе? – взглянув наверх, спросил Андрей и осёкся.

По высокой, отвесной, отполированной до глянца стене утёса пока ещё тонкими нитями робко струилась вода и тёрлась в узкой горловине глубокого ущелья. «До водопада, – прикинул Андрей, – метров сто, не больше».

Довольный Гюнтер наигрывал на губной гармошке песенку про тоскующую Эрику*. У него был повод для хорошего настроения: вчера он снова получил премию за предотвращение побега – две бутылки шнапса, триста граммов баварской колбасы и шесть сигарет. Время от времени он доставал из подсумка колбасный кусок и бросал его своей овчарке. Не спеша, собака разжёвывала угощение, тягучие слюни капали на рыжие лапы, а мозг Андрея обволакивало чесночным запахом иприта. Гюнтер перехватил взгляд Андрея и расщедрился, отрезал почти прозрачный кружочек, бросил его и захохотал: «Friss, Schwein!»** Андрей поднял подачку, очистил её от опилок, поклонился немцу.

Солнце пригрело сильнее, водопад забурился в полную силу. Сверкающие струи переливались всеми цветами радуги, сильный шум падающего с большой высоты потока заглушал мелодичное повизгивание двуручных пил, стук топоров и лай собак. Приходилось быть настороже, чтоб не попасть под падающее дерево. Сегодня Андрей трудился лучше

всех, его топор смачно вгрызлся в сырую древесину сосен, на краю делянки быстро росла гора обрубленных веток. Даже Гюнтер снисходительно похлопал Андрея по плечу. Эрика в исполнении охранника всё тосковала и лила слёзы.

День подходил к концу. Гюнтер отрезал для овчарки ещё кусок колбасы и, пока та сосредоточенно жевала его, привязал поводок к сосне, сам же завернул за кучу валежника справить малую нужду. Немцы хорошо воспитаны. Андрей быстро нанизал на прут свой уже подсохший колбасный ломтик, помахал им перед носом овчарки и, положив приманку в полуметре от собачьей морды, тенью скользнул за кучу валежника. Топор был тяжёл и остро наточен, руки выполнили привычную работу. Тоскуй и плачь, Эрика.

ГЛАВА 5

Завалив мертвеца лапником и сунув под кучу свои деревянные колодки, Андрей тихо растворился в густом подлеске и, укрывшись большой сосновой веткой, не выпуская из рук топор, рванул к водопаду.

Он свободен. Пускай это и последние минуты его жизни, но они пройдут на свободе. На делянке переполох, уже ищут Гюнтера. Спустят собак, сначала они найдут труп, а потом колодки узника.

На вершине водопада под ногами Андрея сияло облако солнечных брызг, а дальше — буруны порогов и водовороты омутов. «Ну, с Богом!» — шагнув вперёд, в радугу, он скользнул по ледяной струе. Андрею казалось, что он летит целую вечность. Ухнуло и замерло сердце, холод стиснул голову, лёгкие разрывались от невозможности выдохнуть — затем ноги коснулись дна. Глубокая чаша, за тысячелетия выбитая в скале струями воды, была устлана мелкой отполированной галькой, и она показалась Андрею тёплой и мягкой. Он оттолкнулся и, вынырнув, вздохнул, ожидая увидеть над собой разъярённых фрицев. Однако над Андреем нависала скала: он всплыл в гроте, отгороженном от ущелья пенящейся струей воды.

Сорвав ногти, он вскарабкался на круглый валун в глубине грота. Судороги сводили мышцы ног, от холода и пережитого напряжения всё тело колотила крупная дрожь. Немного привыкнув к сумраку, Андрей увидел в бурлящем водовороте свою сосновую ветку. Раздевшись донага, он снова опустился в воду и достал ветку. Отдышавшись, Андрей нырнул второй раз, отыскал топор и, сидя на валуне, обрядил ветку в лагерную полосатую робу, соорудив подобие чучела, а затем крепко перевязал всё полоской ткани, оторванной от своей нательной рубахи. Сверху на скале замелькали тени конвоиров, искавших сбежавшего узника. Андрей изловчился и вытолкнул чучело за пенный бурун. Взмахивая рукавами, «утопленник» соскользнул по камням вниз и рухнул со следующего порога. Андрей видел, как взвились фонтанчиками брызг автоматные очереди, тени двинулись вниз по течению. Фрицы пытались догнать стремительно уплывающий от них экспонат анатомического музея. Он понимал, что скоро обман раскроется и тогда поиски возобновятся с новой силой, потому времени у него оставалось немного.

Холод был нестерпим. Андрей, отжав исподнее, надел его; разминая мышцы, растёр тело руками и приседал, сколько хватило сил. Нечеловеческие условия заключения – постоянный холод, ежедневные умывания ледяной водой и такой же ледяной душ, – оказываются, закалили его.

Сквозь пелену воды Андрей внимательно рассматривал и запоминал все выступы и трещины на скалах. Солнце перевалило за гору, и пришла спасительная ночь. Чёрная, усиленная высокими стенами ущелья. Когда стемнело совсем, поток воды иссяк и шум почти утих, Андрей приладил топор к поясу и медленно, прислушиваясь к каждому шороху, стал карабкаться вверх по почти отвесной стене. Выбрался на утёс. Камень был тёплый, от него шёл сладковатый аромат лесной подстилки, перепревшей хвои, самой жизни. Андрей некоторое время ящерицей лежал на валуне, не в силах справиться с ознобом. Далеко внизу, в туманной дымке, неясными огоньками светился лагерь. Визгливо лаяли овчарки, охранные и капо гортанно выкрикивали команды. Там сейчас шла вечерняя поверка. Наощупь, цепляясь руками за кусты,

Андрей двинулся руслом ручья вверх по склону. К полуночи над вершинами деревьев выкатилась луна: круглая и пятнистая, она заботливо осветила окрестности. Андрей вдохнул тёплую сырую тишину. Идти стало легче. Представилось, что он совсем один в этом мире, а вокруг бесконечные лесные заросли с запахами тёплой земли, спелой земляники, зелёных листьев, неведомых цветов. И над ним — улыбающееся «цыганское солнце».

Андрей добрался до перевала, путь пошёл под уклон, и можно было даже бежать. Неумолчно звенели цикады, где-то ухал филин. Впереди, в прогалке между валунами, мелькнули тени. Андрей притаился, приник к стволу высокой раскидистой сосны, сжал в руке топориче. На освещённую яркой луной поляну вышла волчья пара. Впереди, принохиваясь и прислушиваясь, неслышно скользил матёрый волк, а чуть поодаль, след в след, двигался зверь поменьше — вероятно, волчица. Они приблизились к нему метров на пять, Андрей слышал их дыхание, чувствовал тяжёлый смрад падали и псины. С минуту они в упор смотрели на него, Андрей ждал нападения и приготовился отбиваться. Звери же повернулись и медленно скрылись в ближайших зарослях. Минуту спустя раздался треск сучьев, шум погони, отчаянно закричало какое-то раненое животное, злобно рычали хищники. Волки нашли более упитанную жертву. Андрей выждал некоторое время и осторожно двинулся дальше по склону. Теперь он постоянно оглядывался и вслушивался в звуки леса.

Далеко внизу неясным всполохом мелькнул огонёк костра. Лавируя между деревьями, Андрей подкрался ближе. У огня на плоском валуне лицом к нему сидел старик. Он задумчиво ворошил горящие угли, пламя взмывало вверх золотыми лисьими хвостами, искры угасающими звёздочками таяли в предрассветном небе. Когда-то, в другой жизни, Андрей с Алькой так же жгли костёр на берегу речки, пекли в углях картошку. Как же это было вкусно! — и как же это было давно...

К кострищу бочком притулился закопчённый чайник. У ног старика по-медвежьи валяжно разлёгся огромный тёмно-серый пёс. Передними лапами он держал большую

розовую кость и с наслаждением отрывал от неё тонкие полоски сухожилий и прозрачные ломтики мяса. По всему было видно, что пёс этот сыт и доволен своей жизнью, а эта сахарная мясная кость для него просто забава. Хозяин время от времени что-то говорил, обращаясь к собаке, и та, внимательно слушая старика, поднимала свою массивную голову, и тяжёлые складки кожи на шее колыхались в такт её движению. В стойле, освещённом пламенем неяркого костра, угадывалась отара овец. Старик потянулся к чайнику, налил себе в большую глиняную кружку кипятка и, держа её двумя руками, медленно, с наслаждением отпил.

В этот момент неожиданный и невыносимо острый голодный спазм пронзил внутренности Андрея. Он застонал и остушился, а под его ногой громко хрустнула ветка. Пёс насторожился, привстал, вздыбил шерсть на загривке и, прижимая к земле мускулистое тело, пружинисто заскользил в сторону Андрея. Старик схватил с камня двустволку и легко отпрянул в темноту, удаляясь от костра.

Андрей хотел крикнуть: «Не стреляйте!» — но губы спеклись, пересохли, и получилось только невнятное глухое мычание. Он поднял руки, шагнул в круг света. Топор выскользнул из его руки и со звоном ударился о камень, высекая искры. Андрей сделал ещё один шаг и осел в тёплую, мягкую пыль. Последнее, что выхватило его угасающее сознание, — вскрик старика: «О Санта Мария!» — и бархатные губы собаки, обнюхивающей его лицо.

ГЛАВА 6

Солнце перевалило за экватор. Отара овец разбрелась по небольшой поляне на склоне горы. Старик сидел в тени под ветвями разлапистой сосны, вертел в руках причудливо изогнутую корягу, срезал с неё лишние сучки, остругивал почерневшую кору и тихо напевал какую-то ритмичную песенку о летящем вороне и ветре свободы***. Через полчаса на его ладони уже стояла изящная балерина. Старик, довольнo крякнув, положил фигурку в заплечную холщовую

сумку, из-под натруженной мозолистой ладони посмотрел вниз, на ферму, где его младший сын Жюль заканчивал верстать новый стог сена. Зорко отслеживая каждый шаг парня, рядом с ним крутился их любимец Джек, массивный пёс волчьей масти. От его внимания не ускользнули встревоженные чьим-то присутствием сойки, взметнувшиеся над вершинами деревьев выше по склону горы. Джек поднял голову и негромко, но грозно зарычал в сторону леса. Вскоре между деревьями показалась цепочка серо-зелёных эсэсовцев с автоматами наизготовку и овчарками на поводках. Видно было, что они заняты поисками. Старик поднялся и суетливо засеменял навстречу немцам, взглядом отыскивая их командира.

— Господин офицер, вы что-то ищете? Может, я могу быть вам полезен? — спросил старик по-немецки.

— Да, мы ищем убийцу, сбежавшего вчера вечером из лагеря. Это русский бандит, он вооружён топором, очень коварен и жесток.

— О, господин офицер, вполне вероятно, я знаю, о чём вы говорите. Пойдёмте со мной, я вам сейчас всё покажу. — И старик, подволакивая ногу, засеменял вверх по склону, подобострастно заглядывая в лицо немцу. — Может, господин офицер будет так щедр и великодушен и заплатит мне за информацию о бандите? Немного, тридцать — сорок рейхсмарок так порадуют старика... Или бутылочку шнапса, господин офицер? Мы уже скоро будем на месте, это совсем недалеко. Вон там, на поляне.

За огромным валуном, среди примятой травы и изломанных кустов подлеска, валялись изодранные в клочья остатки окровавленного нательного белья и топор, рукоятка которого была испещрена следами острых зубов. На самом камне, на стволах сосен, на земле темнели крупные бордовые брызги. Несколько полосато-жёлтых ос деловито отгрызали кусочки уже подсохшей плоти и уносили их к себе в гнездо. Рыжие лесные муравьи облепили свою добычу и волокли её в сторону муравейника.

— В последние годы в наших лесах расплодился волки. Сушая беда, даже днём нападают на овец! Приходит-

ся круглые сутки охранять стадо. Этой ночью я услышал рычание и жуткие крики. Вероятно, беглеца растерзали волки. Страшная смерть.

— Это лучший исход по сравнению с тем, что ждало бы его при поимке. Русский убил лучшего охранника нашего лагеря. Заберите топор, — распорядился офицер сопровождавшим его солдатам. — Возвращаемся в гарнизон. Держи, старик, твои тридцать марок.

— Благодарствую, господин офицер! Старый Луи всегда готов служить новой власти. — Старик смиренно поклонился вслед уходящим немцам и вполголоса добавил: — Чтоб вы сдохли. — Не поднимая головы, он сплюнул себе под ноги.

Ближе к вечеру пастух молодцевато, в два пальца, свистнул, и с фермы отозвался глухой бас Джека. Пёс вприпрыжку бежал на зов хозяина.

— Ну, собирай своих подружек, гони их в стойло, — Луи ласково потрепал мощный загривок собаки.

Несмотря на внушительные габариты, пёс быстро обежал поляну, собирая в плотное стадо разбредшихся овец, и легко покусывая их за ляжки, погнал к загону. Из шалаша на встречу старику вышел Жюль, подбросил в костёр хвороста и помешал кипящую в котле похлёбку.

— Ну, как он? — спросил Луи, кивая головой в сторону свежесвёрстанной копны.

— Бредит. Кажется, это русский. Жар сильный. Нужен доктор.

— Да, верно, это беглый русский. По его душу приходили немцы. Молодец, он на прощание грохнул охранника концлагеря. Наш спектакль удался: особенно эсэсовцев впечатлил топор, лужи крови и ошмётки рубахи. Джек — просто зверь, следы его зубов от волчьих не отличишь. Мне, кстати, ещё и тридцатку удалось с немцев стясти. Будет нашему русскому компенсация на лекарства. — Луи хохотнул. — Пока не стемнело, собирайся в город, к Николь, пусть она беглеца посмотрит. Заодно отвезёшь баранину мяснику. Скажешь, что овца захромала, пришлось прирезать.

ГЛАВА 7

Сквозь полузабытьё Андрей чувствовал, как чьи-то сильные руки приподняли его голову с мягкой, приятно покалывающей овечьей шкуры и аккуратно, буквально по ложке, влили в рот тёплую, густую и слегка солоноватую жидкость, чередуя её с горячим, душистым, чуть горчившим чаем. Человек о чём-то говорил: то ли спрашивал, то ли объяснял, но смысл этих слов не доходил до затуманенного сознания. Тяжелейшая усталость навалилась на всё тело, задавила собой эмоции, желания, мысли. Чудилось Андрею, как его, уже опухшего от голода, мать кладёт в повозку, на прощание крестит высушенной пожелтевшей рукой и целует в лоб сухими горячими потрескавшимися губами. Зелёная муха надсадно жужжит над его лицом, садится на щёку, и у Андрея нет сил её смахнуть. По-хозяйски ощупывая хоботком истончённую до прозрачного пергамента кожу, муха приноравливается найти себе пропитание. Повозка трогается, мать прощально вскрикивает и бессильно опускается в раскалённую дорожную пыль. То ли в воспалённом мозгу, то ли в безбрежно-синем небе заливается песней любви невидимый жаворонок, скрипят колёса телеги. Рядом тяжело, по-старушечьи, вздыхает и что-то бормочет такая же, как и он, «шкелетина» соседка Машка, ещё недавно краснощёкая и беззаботная веселушка и хохотушка. Потом выплывает из памяти пахнувший карболкой вагон, белые простыни на полках и бездонные глаза совершенно лысого мальчика со странным именем Альбина с полки напротив. Санитарка склоняется над Андреем, её мягкие руки нежно приподнимают его голову, вливают по ложке тёплый куриный бульон, и Андрею кажется, что он выпил бы этого бульона целое озеро, санитарка же мягко, но настойчиво просит потерпеть, потому что нельзя с голодухи есть много и сразу, что еда теперь будет всегда.

Успокаивающий стук вагонных колёс, густой запах угольного паровозного дыма и креозота шпал, мелькание редких станционных фонарей, шуршание белой простынки, бесценный маленький сухарик, зажатый во вспотевшей ла-

дони, и глубокий, исцеляющий сон. Впоследствии мальчик Альбина оказался девочкой, и там, в детском доме, под большими пахучими липами старого дворянского парка, её волосы быстро отросли золотисто-пшеничными волнами, а зелёные глаза навсегда заполнили сердце Андрея. Вскоре стало известно, что и ему, и соседке Машке некуда и не к кому больше возвращаться. Захлестнуло душу горем. Но детское горе отходчиво. Быстро зарастают новой шкуркой раны на сердце, только рубцы остаются. Новые друзья, новые учителя, новые жизненные обстоятельства вытеснили на задворки памяти прежнюю хуторскую жизнь, тем более что рядом, рука в руке, его златовласая Алька, и все мечты, все планы исключительно об их совместном счастливом будущем.

Сознание вновь ускользало, наваливалась немочь, откуда-то издалека слышался чей-то зовущий оклик: «Андрейко!» — и невозможно было понять, кто это — мама или Алька. Потом появлялась большая серая собака, она внимательно и с любопытством смотрела в лицо, обнюхивала волосы и своими слегка влажными и тёплыми плюшевыми губами щекотала ухо. И снова кто-то сильный приподнимал голову и по ложке вливал в рот что-то тёплое, густое и солоноватое. Алькина прохладная ладонь нежно гладила его по воспалённому лицу, её тонкие пальчики перебирали его волосы, от них пахло первоцветами, от этого Андрею стало легко и радостно. Сон, безмятежный и оздоравливающий, тёплым пуховым одеялом окутал Андрея, и впервые за долгое время он не пытался бежать, спастись, уворачиваться от тяжёлых палок беспощадных капо.

ГЛАВА 8

Ещё в полудрёме Андрей почувствовал медовый аромат полевых цветов, услышал шелест листьев, ощутил чьё-то тихое присутствие рядом. Сквозь приоткрытые веки в полумраке затенённой плотными шторами комнаты он увидел склонившуюся над книгой хрупкую девичью фигуру, сидевшую в кресле у стены напротив. Сердце пустилось

в бешеный галоп, Андрей захлебнулся от зашкалившего счастья. Боже, неужели весь этот ужас, весь этот бред ему просто приснился и не было никакой войны, разлуки, страданий, боли, потерь? Он порывисто приподнялся, в это мгновение тысячи разъярённых ос взвихрились в его воспалённом мозгу, кроваво-золотистые всполохи пронзили глаза. Девушка, отбросив в сторону книгу, подхватила его, уже оседающего на пол. Над Андреем склонилось кареглазое, обрамлённое коротко стриженными тёмными волосами, совсем не Алькино, лицо.

— Кто вы?

Девушка прикоснулась ладонью к его губам, будто запрещающая ему разговаривать, помогла подняться с пола, усадила на кровати, поправила подушку под его спиной. И только после этого медленно, будто подбирая слова, сказала:

— Меня зовут Мари. Я ваш друг. Не бойтесь, всё хорошо. Вы больны и очень слабы. Вас привезли сюда наши друзья. Как вас зовут?

— Значит, это не бред, — устало вздохнул он. — Я Андрей. Андрей Орлов.

— Вы сбежали из концлагеря?

— Да. Вы говорите по-русски. Где мы?

— Мы во Франции. Я русская, мои родители эмигранты, они бежали из России после революции. Андрей, вы ничего не бойтесь, мы поможем вам. Когда немного окрепнете, наши друзья сделают документы и переправят вас в Швейцарию. Там вы будете в безопасности.

— Я не могу. Нет, не могу, я должен воевать. Я не буду отсиживаться, ожидая конца войны. Вы можете помочь мне связаться с партизанами? Я знаю, они здесь есть, я встречал их в концлагере.

— Пока это невозможно. Вам нужно набраться сил. — Мари вышла и через несколько минут внесла в комнату большой никелированный поднос с чашкой душистого бульона. — Кушайте. Луи привозит молодую баранину, так что вы быстро пойдёте на поправку.

Девушка аккуратно приподняла Андрея, поправила подушки под его головой и подала ему бульонницу.

— Я не калека, не нужно так за мной ухаживать. Справлюсь, — мотнул головой Андрей, отпивая горячий, золотистый бульон. — Спасибо. — Он поднял взгляд на девушку и в то же мгновение оцепенело застыл, увидев своё отражение в блестящем подносе, который Мари продолжала держать в руках, прижимая к своей груди.

Андрей зажмурился, потом снова посмотрел на своё отражение, словно надеясь, что всё увиденное им окажется временным наваждением. Желтовато-серые впавшие щёки покрывала щетина, по скуле от виска к шее помятой салфеткой тянулся фиолетовый шрам, оставленный ожогом, а бесцветные глаза измождённого седого старика глубоко ввалились. Он откинулся на подушку и закрыл их. Слёзы крупными каплями сползали к уху и, на мгновенье задержавшись на мочке, скатывались на белую кружевную наволочку. Плакал Андрей молча.

— Сколько вам лет? — спросила Мари.

— Девятнадцать, — глухо ответил Андрей.

— Девятнадцать? — переспросила девушка. — Боже, как мне? Неужели? Что же они с тобой сделали! — незаметно для себя переходя на «ты», Мари нежно погладила его плечо. — Ничего, скоро поправишься. Приготовлю ванну, сбереешь щетину и снова помолодеешь. Всё наладится. Вечером придёт Николь, наш доктор. Помнишь, как ты сюда попал?

— Смутно. Помню старика у костра, большую собаку. И дальше — провал. Какое сегодня число?

— Десятое августа. К ферме Луи ты вышел на рассвете восемнадцатого июля. Две недели назад Николь на своей повозке с двойным дном перевезла тебя ко мне, всё это время ты бредил, звал Альку и Егора. Тебя искали эсэсовцы. Луи придумал изобразить, что тебя растерзали волки, немцы поверили. Так что пока можешь ни о чём не волноваться. Чуть позже мы сделаем тебе документы и решим, как быть дальше. Набирайся сил. И, если хочешь, расскажи мне о себе. Откуда ты? Я родилась здесь, во Франции, но всё равно очень скучаю по России. Родители всегда с такой теплотой вспоминают о ней... Как ты попал в концлагерь? — Мари говорила быстро, словно боялась, что Андрей не дослушает её

и снова впадёт в забытё, и потому волновалась, отчего её акцент ещё более усилился.

— Твои друзья могут достать оружие? Я не могу отсиживаться в комнате у девчонки, когда идёт такая война.

ГЛАВА 9

Двадцать четвёртого сентября тысяча девятьсот сорок третьего года во время утренней поверки в концлагере один из офицеров гарнизона вдруг, будто споткнувшись, всплеснул руками и рухнул на отполированную тысячами ног гранитную брусчатку плаца. Проведённое в этот же день расследование результатов не принесло — никто из охраны не стрелял. А вечером, на закате, из вышки серо-зелёным мешком картошки выпал охранник, перевалившись через колючую проволоку ограждения. Напарник, выбежавший к нему из будки, отправился следом.

Очевидным стало, что на охоту вышел снайпер. Теперь ежедневно то там, то здесь пуля, словно жгучий свинцовый шершень, догоняла очередную жертву, впиваясь ей точно в сердце. Прочёсывание леса с собаками ничего не дало: никаких следов немцы обнаружить не смогли. С пробитыми колёсами или с застреленными водителями летели под откос грузовики с солдатами охраны, взрывались бензовозы с топливом, продолжали падать на плацу офицеры гарнизона, и в то же время в дуплах деревьев или под камнями в карьере узники лагеря неожиданно находили заботливо припрятанные кем-то лекарства, хлеб, овечий сыр, варёные баранину и картофель.

Вновь назначенный комендант лагеря Йозеф Крамер объявил за голову снайпера вознаграждение в размере десяти тысяч рейхсмарок. Стрелок же был неуязвим. Пасмурным апрельским утром только чудо спасло доктора Хирта. На поверке он наклонился к своему догу, и в тот же миг с его головы слетела продырявленная пулей фуражка. Теперь в охране лагеря никто и нигде не мог быть уверен, что не станет мишенью беспощадного охотника. Эсэсовцы ответили

террором, и за каждого убитого охранника стали казнить двадцать узников, а за офицера — пятьдесят. Эта мера остановила стрелка, однако продолжали сыпаться под откос немецкие эшелоны с боевой техникой, взлетать на воздух грузовики вермахта и мосты. Каждое дерево в лесах, каждый куст, каждый валун теперь вселяли в нацистов смятение и ужас. Партизаны были вездесущи, неуловимы и беспощадны к врагу. После высадки в Нормандии американских и британских войск французская земля загорелась под ногами гитлеровцев.

Двадцать третьего ноября тысяча девятьсот сорок четвёртого года под натиском американского «Шермана» с треском рухнули опутанные колючей проволокой ворота концлагеря Нацвейлер-Штрутгоф. Охрана сдалась без боя. Эсэсовцы сложили оружие и, понунив голову, сидели возле стены казармы охраны, безучастно следя за происходящим. С брони танка практически на ходу спрыгнул высокий седовласый мужчина в гражданской одежде. Прихрамывая на правую ногу и не обращая никакого внимания на охранников, он бежал впереди танка, указывая водителю дорогу к лабораторному корпусу.

— Где Хирт? Где эта сволочь? — схватив за грудки попавшегося ему на пути санитаря, на ломаном немецком выкрикнул Андрей.

— Я не знаю, его здесь нет. Он уехал два дня назад. Только не убивайте, я всё расскажу. Я санитар, я узник. Ящики с музейными экспонатами Хирт приказал погрузить в машины, а всё остальное, что хранилось в подвале лаборатории, сжечь.

— Опоздали, на пару дней опоздали! — Андрей выругался.

Со всех сторон к танку уже спешили, ковыляли, ползли истощённые, измученные голодом и неволей люди; они плакали, гладили дрожащими пальцами пышущую жаром броню, обнимали американских солдат, целовали им руки.

— Свобода, свобода, спасибо, спасибо! — доносилось отовсюду на всех европейских языках.

Андрей шёл по территории лагеря, вглядываясь в лица людей. Ни одного знакомого, никого... Надолго здесь не задерживались. Нацисты бесчеловечны. Муторная вонь нечистот, разлагающейся плоти, горелого мяса всколыхнула гнетущие воспоминания. Андрей присел на корточки возле стены шестого барака, закрыл глаза. Вспомнились последние дни в плену. «Егор, я вернулся... Ты видишь меня? Я знаю, ты помогаешь мне. Помоги мне вернуться домой, к моей Альке. Помоги...»

Часть 2

ГЛАВА 1

Дубовые перекладки рамы, выкрашенные белой, уже слегка растрескавшейся эмалью, словно перекрестье прицела, сходились на уровне глаз, а дальше — там, в законе, — накладывались на массивную гранитную фигуру вождя мирового пролетариата. Накладывались ровно под призывно вытянутой рукой, в области его каменного сердца. Алька неподвижно стояла у окна, в который раз прокручивая в голове свой план. На первый взгляд всё было достаточно просто, но почему-то внизу её живота словно ворочался ледяной булыжник и руки ооченели и мелко дрожали. Наконец, отчаянно выдохнув, она решительно сдёрнула с вешалки куртку, надела её, накинула на голову капюшон. Сунула в карман детский металлический совок, полиэтиленовый пакет, обула потрёпанные кеды. Ещё на секунду задумавшись, не глядя взяла с лакированной, покрытой вязаными кружевными салфетками этажерки учебник и решительно захлопнула обитую коричневым дерматином дверь. На её выпуклой спинке гвоздиками с рифлёными шляпками было набито восходящее из нижнего левого угла солнце с длинными, диагонально расходящимися лучами. Алька привычно быстро сбежала по обшарпанной деревянной, скрипящей каждой ступенью лестнице. За спиной громко хлопнула, взвизгнув ржавыми петлями, покосившаяся фанерная дверь их двухэтажного старинного флигеля.

Когда-то очень давно, лет сто назад, в этом доме располагались хозяйственные помещения большой барской усадьбы: прачечная, столярная мастерская, каретный сарай и конюшня. Наверху, в мансардных комнатах, жила обслуживающая господ челядь. После революции поместье национализировали и несколько лет в графском доме заседал ревком; затем туда заселилась рабочая молодёжь, увлечённая идеями строительства светлого коммунистического мира, создав один из первых в СССР домов-коммун.

В начале тридцатых годов апологетов обобществления быта публично осудили и признали вредителями, а организаторов общежития на чёрных воронках быстро отправили в места не столь отдалённые. Вскоре под сводчатыми потолками бесконечных анфилад и бальных залов, перегороденных фанерой и досками на отдельные комнаты, зазвенели детские голоса. Сюда, во вновь открытый приют, посчастливилось попасть детям с вымирающего от голода Поволжья. Под липами старого парка прошло их детство, здесь же, в разросшемся вокруг усадьбы посёлке, многие из них остались насовсем, получив профессию и создав семьи. В годы войны детдом успели эвакуировать в Ташкент, а в опустевшем здании развернули военный госпиталь. Линия фронта пролегла в полусотне километров от этих мест, и по счастливой случайности ни одна бомба не взорвалась в окрестностях бывшего дворянского гнезда. Война отгремела, а госпиталь продолжал работать ещё долгое время: через умелые руки врачей, медсестёр и санитарок прошла не одна тысяча инвалидов. Тогда же часть здания перепрофилировали под интернат для ветеранов, потерявших не только руки и ноги, но и свои семьи. Постепенно все они, как говорила Вера Ивановна, переселились на «крестовые хутора» — тихое сельское кладбище на окраине парка, на зелёном взгорке в излучине неширокой, заросшей кувшинками речушки. Персонал больнички продолжал лечить местных не избалованных цивилизацией жителей.

Алька торопливо обогнула пруд, пробежала по боковой аллее, вышла на главную. Сбавив шаг, медленно,

будто прогуливаясь, направилась в сторону больницы, обошла клумбу, заросшую высокими георгинами, пока ещё цветущими разноцветными шарами и звёздами, вдохнула горьковато-полынный аромат бело-розовых игольчатых астр и нежно-лиловых октябринок. Сдерживая сердцебиение, присела на садовую скамью с извитыми чугунными лапами, невероятным образом уцелевшую здесь ещё со времён галантных кавалеров и окринолиненных барышень. Невидящим взглядом Алька некоторое время смотрела на страницы наугад взятой с полки книги. Монумент вождя с простёртой в светлое будущее дланью укоризненно нависал над Алькой, тень его всё удлинялась и наконец графично расплзлась по округлым ступенькам парадного входа в больницу, головой упёршись в колонну, и легла к ногам одного из обшарпанных жизнью и временем атлантов. Статуя Ильича появилась здесь в конце двадцатых годов, а раньше на изящном светло-сером постаменте стояла молочно-розовая мраморная копия античной Гебы, гармонично вписываясь в ансамбль старинной русской дворянской усадьбы.

Не поднимая головы от книги, Алька проводила взглядом вышедших из здания людей. Закончился ещё один рабочий день, и, тяжело переваливаясь на отёкших ногах, заковыляла по аллее парка вечно чем-то озабоченная Марья Дмитриевна, сестра-хозяйка больницы; рядом с ней по-гренадёрски вышагивала повариха тётя Варя — высокая, осанистая, с крупными мужскими кистями рук. В отблесках заходящего солнца фантастическим фиолетовым одуванчиком светилась её химически-кудрявая шевелюра. Чуть поодаль по мощенной отшлифованными булыжниками дороге цокала каблучками процедурная медсестра Любочка. Алька подружилась с ней прошлой весной. Почти ровесницы, девушки делились своими секретами, планами на будущее, книгами. В больнице Любочка была любимицей и у коллег, и у пациентов. Несмотря на юность и очень малый опыт, она оказалась на удивление сноровистой. Её хрупкие, почти прозрачные пальчики безошибочно и безболезненно находили даже самые тонкие и увёртливые вены, а звенящий бубенцами голос успокаивал и вселял оптимизм.

ГЛАВА 2

Алька откинулась на спинку скамьи, прикрыв глаза. Снова всплыли в памяти их последние с мамой прогулки в этом парке. Вот здесь, под этим дурацким громоздким монументом, мама рассказала красивую легенду о цветах, которые белоснежным облаком покрывали всё подножие статуи.

— Когда-то давным-давно из Англии в Ост-Индию отправилась изящная яхта. Владелец судна, молодой красавец лорд Генри вместе с женой Мюриэл направлялись в свои новые колониальные земли. Они только что обвенчались, и путешествие для молодожёнов было свадебным подарком отца Генри. Леди Мюриэл, совсем юная девушка — ей едва исполнилось шестнадцать, — невысокого роста, хрупкая, с нежными чертами лица и пышной копной золотистых волос. Ну вот совсем как ты, — улыбнувшись, добавила мама. — В те времена замуж выдавали очень рано, восемнадцатилетние девушки считались старыми девами. Путешественники, преодолев основную часть пути, уже предвкушали счастливую жизнь в тропической Калькутте, когда у берегов Абиссинии яхту взяли на абордаж пираты. Команда героически оборонялась, но силы оказались неравны, в жестокой схватке погибли и капитан, и молодой лорд. Всех выживших членов команды и юную леди Мюриэл пираты захватили в плен, а затем продали в рабство на невольничьем рынке; содержимое трюмов корабля они разграбили. Вскоре сама яхта с новым названием на борту, новой командой и уже под новым, пиратским, флагом стала бороздить океан в поисках новых жертв. Бедную девушку купил для дальнейшей перепродажи богатый абиссинский работороговец и вместе с другими невольницами увёз к себе в поместье. Потянулись безрадостные месяцы плена. Побег казался невозможным: поместье находилось в нескольких днях пути по кишасей дикими зверьями саванне. Единственной отрадой для Мюриэл была возможность выходить ранним утром к берегу залива на высокий утёс, где, встречая рассвет, она слёзно молилась о своём освобождении из неволи. И однажды чудо

произошло — в лучах восходящего солнца девушка увидела парусник, от которого к берегу уже направлялись несколько шлюпок с вооружёнными людьми. Это отец лорда Генри организовал поиски пропавшей яхты и смог выйти на след работоторговца. По всей видимости, старый лорд и его спутники были очень убедительны, поэтому торговец живым товаром освободил всех пленниц, и в этот же час корабль покинул враждебные воды Абиссинии. А на высоком утёсе, там, где на землю падали горькие слёзы юной леди Мюриэл, ранней весной выросли нежные белые цветы, которые называли ацидантера.

Мама немного помолчала, а потом добавила:

— Это, конечно, всего лишь красивая легенда, но ты только представь: сначала вся земля рыжая, растрескавшаяся от адского африканского солнца, а потом накатывают грозовые тучи, захлёстывают штормовые ливни и под трескучие всполохи молний в толще спёкшегося песка просыпаются тонкие, нежные росточки этих цветов, словно отрицающих смерть. Вот так каждый год весной абиссинская саванна за один день покрывается изумрудной зеленью, а потом вскипает белизной цветков ацидантеры. И хоть отпущено им на это буйство всего несколько дней в году, они терпеливо ждут своего часа триумфа, стойко переносят все тяготы засухи. Посмотри, какие нежные и в то же время сильные эти цветы.

Алька часто вспоминала этот разговор. Изнуряющие процедуры вконец вымотали маму. Она похудела, чёрные полукружья под глазами оттеняли и без того бледное её лицо. Остро выпирающие из-под облезло-вылинявшего больничного халата треугольники лопаток и серая вязаная шапочка, скрывающая совершенно облысевшую голову, сделали её похожей на угловатого мальчонку-пятиклассника, который вдруг, в одно лето, неожиданно для всех вымахал в рост на десяток сантиметров и пока ещё не обжился в новом теле и не понял, как ему со всем этим теперь управляться. Мамины шикарные пшеничного цвета волосы, которые она

каждое утро бережно скручивала тяжёлым жгутом и узлом укладывала на затылке, пришлось состричь, и теперь они усталой змейёй лежали в комод, завёрнутые в белый ситцевый платочек. «Ничего, доча, волосы не зубы — отрастут, — шутила мама. — В крайнем случае сделаем из этого добра парик. А что, в этом есть свои плюсы: протёр утром лысинку влажной тряпочкой, натянул паричок — и не парься: никаких тебе бигуди и начёсов».

Алька никогда не видела маму унылой. Она бывала разной: и весёлой, и уставшей, и озабоченной, и задумчивой; знала сотни анекдотов на любой жизненный случай. Порой казалось, что это она сама сочиняла их на ходу, экспромтом, и громко, раскатисто смеялась, закидывая голову, как смеются люди открытые, бесхитростные.

— Не держи на людей зла, доча. Особенно на тех, кто тебя ненароком обидел. Тот, кто в душу нагадил, обычно уже и не помнит об этом. Ты же не размышляешь, как чувствуют себя отбросы в канализации? Вот так и обидчики. Душа — это место для любви и света, не позволяй никому превращать её в отхожее место. А того, кто целенаправленно пакостит, обходи стороной, не подпускай к себе близко. Единожды обидевший потом дважды продаст. Так твой папа всегда говорил.

Отца Алька не помнила совсем. Или почти совсем. Мутным эпизодом крутился в памяти кусочек то ли кино, то ли сна: она, ещё совсем маленькая, перебирается по большим округлым камням и их очень много, ими устелен весь берег быстрой и шумной речки, а на другом её берегу прямо из вертикальной скалы растут тоненькие берёзки, как подсвечники на стене рыцарского замка. Отец ставит её на громадный розовый валун прямо в середине реки, и холодные брызги попадают ей на жёлтое в коричневых горошинках платье. Под валуном в совершенно прозрачной воде плавают огромные, серые, тоже в коричневых круглых горошинах, рыбины. А вот самого отца она никак вспомнить не может. Когда однажды Алька рассказала об этом маме, та только ругами всплеснула:

— Ты ж маленькая совсем была, только-только ходить научилась. Это мы ездили в отпуск к родственникам твоего отца в верховья Енисея. И платьице тебе такое из штапеля мягонькое, уютное бабуля сшила. А рыбины на самом деле чуть больше моей ладони — хариусы называются, — весело рассмеялась мама.

ГЛАВА 3

Багровое солнце удобно устраивалось на ночлег в раскидистых, по-осеннему вызолоченных кронах вековых лип. С реки потянуло прохладой, суетливые галки устало переругивались и деловито сновали по жестяной крыше больницы, старый грач удобно уселся на обсиженную птицами лысину вождя и оттуда с любопытством рассматривал Альку. Тяжело отворилась дубовая дверь, солнце полыхнуло начищенной медью в узких стрельчатых стеклянных вставках, и на крыльцо вышла высокая, статная, как на подбор, пара: Сергей Михайлович, главный врач больницы, и его жена, Ольга Николаевна, тоже доктор. Ещё на минутку задержавшись, они о чём-то поговорили с провожавшей их санитаркой Верой Ивановной.

— Аль, ты чего здесь?

— Да вот, — мельком взглянув на учебник, — физику зубрю. Контрольная завтра.

— Пойдём домой? Темнеет уже, скоро ужинать будем.

— Я картошки начистила, тётъ Оль, в кастрюльке на плите стоит.

— Да ты ж наша умница! Что бы мы без тебя делали! А Пашка опять болтается где-то?

— На тренировке он, в школе. Юрьмаксимыч оставил. У нас неделя волейбола, завтра с «бэшками» играем. Вы идите, я скоро. Ещё чуток посижу и приду. Бабуля сегодня в ночь дежурит?

— Что поделать? Её смена сегодня.

Для Альки они были не просто соседями и очень близкими людьми, но теперь и единственной роднёй. Когда не стало

мамы, все они: и бабуля, и дядя Серёжа с тётёй Олей — сказали суровым дамам из комитета по опеке, приехавшим забирать Альку в детский дом, что являются Альке близкими родственниками, бабушкой и тётёй. Для пущей убедительности дядя Серёжа, никогда в церковь не ходивший, назвал Альку своей крестницей, дочкой лучшего друга детства. Их младший сын, Пашка, её ровесник, вместе они с пелёнок — и в яслях, и в детском саду, и в школе, где с самого первого класса сидели за одной партой.

Тем временем Вера Ивановна, деловито орудуя деревянной лентяжкой, домыла крыльцо, выплеснула под куст пожелтевшего жасмина грязную воду и, оглядев окрестности больницы, махнула Альке рукой.

— Замерзла, поди? Забегай в гости, чайку попьём. В приёмное заходи, я тут запрю сейчас.

— Ладно, зайду. Минут через пятнадцать, — Алька помахала в ответ учебником, — дочитаю параграф и зайду.

Всё затихло, лишь галки шебуршили на крыше опавшими листьями. Алька посидела ещё, словно прислушиваясь к чему-то, затем решительно поднялась, сунула учебник за пазуху, быстро пересекла дорожку, раздвинула заросли астр и октябринок и, шагнув к подножию памятника, опустилась под тёмно-рубиновые шары георгин. Детским совочком она копала засохшую землю, выковыривая из-под переплетения корневищ маленькие луковички. Сердце колотилось воробышком, губы от волнения пересохли. «Ещё бы пару луковичек найти, мне совсем немного нужно. Только для мамы, её любимые, всего несколько штук. Господи, а если это воровство? Но я ж не для себя, мне ж только несколько цветочков, и всё. Ну, может, это не воровство всё-таки?» — мысли роем крутились в её голове, а руки лихорадочно продолжали искать среди комьев земли маленькие, уже совсем высохшие луковички ацидантеры.

— Стой, стой, сука! — услышала она чей-то громкий окрик, и в тот же миг раздались один за другим два сухих щелчка, словно совсем рядом кто-то через коленку ломал доски штакетника.

«Попалась!» — сердце бухнуло и сжатым кулаком подкаатило к горлу. Алька инстинктивно прижалась к холодному постаменту. Сверху на капюшон посыпались кусочки гранита. Истерически вопя, взвились с крыши больницы галки и суматошно закружились над парком. Спустя несколько мгновений чёрная тень метнулась над астрами и что-то тяжёлое рухнуло справа от Альки.

«Ой, мамочки, вот вляпалась-то!» — Алька, отшвырнув пакет и совок в сторону, уже готова была бежать прочь, как услышала тяжёлый топот ног и чьё-то свистящее дыхание.

— Где он, пада? В больницу забежал? Здесь закрыто. Может, туда? — Сквозь заросли георгин Алька увидела силуэты двоих: по дорожке парка метались амбалистого вида коротко стриженные агрессивно-растерянные мужики в широких спортивных штанах и чёрных куртках. В руке у того, что повыше, вороновым крылом бликнул ствол пистолета. Алька в ужасе зажмурилась: «А вдруг они сейчас заметят меня? И ещё — кто там, справа? Это его ищут эти двое?»

Смачно высморкавшись, второй в ярости пнул ногой ворох опавших листьев.

— Долбанный француз! Я думал, что он рухлядь совсем, а он, сука, как заяц скачет. Амплей говорил, что этот лох у него дорогу к докторскому дому спрашивал. Туда, скорей всего, он лыжи и наострил. Там есть где спрятаться, в этих руинах. Давай туда. Я этого лягушатника из-под земли достану.

— Чтоб снова туда зарыть? Или за жабры его и в воду? — заржал второй, сунул за пазуху пистолет, и они вразвалочку побежали в сторону флигеля. С колотящимся сердцем Алька готова была броситься за ними следом, домой, чтобы предупредить родных, но передумала и резко повернулась в сторону памятника. Там, под разлапистым тёмно-зелёным кустом георгины с кроваво-красными шарами цветов, прижавшись спиной к постаменту, сидел мужчина и сосредоточенно смотрел на Альку. Едва слышно он прошептал:

- Беги отсюда, девочка. Это бандиты.
- Они... Они вас ищут?
- Да.

— Идите за мной, пока они к дому побежали. Я знаю, где вас спрятать.

Завернув за угол больницы, Алька распахнула дверь приёмного отделения. В коридоре пахло хлоркой, чистотой, свежевывмытыми полами и было пусто, только где-то в глубине рокотал телевизор.

— Сюда, прикройтесь халатами. — Алька открыла узкую фанерную дверку стенного шкафа. — Я вернусь, мне позвонить нужно.

— В милицию? Не звони. Не нужно. Я сюда дорогу там, на автостанции, у вашего милиционера спрашивал.

— Дядь Серёже нужно позвонить, предупредить его, он мой дядя. Он врач. Они к нашему дому пошли.

Дрожащими пальцами Алька крутила диск телефона, цифры срывались, несколько раз она ошибалась и начинала набор снова. Наконец раздались гудки. Короткие, номер был занят. Ну да, это дежурный тёти Олин звонок Володьке, старшему сыну. «О, это надолго!» — обречённо вздохнула Алька. Бежать домой было опасно. Алька метнулась по коридору на звук телевизора. В кабинете сестры-хозяйки чаёвничали Вера Ивановна и дежурившая в этот вечер медсестра Анна Семёновна; они неотрывно смотрели на мерцающий полосами мутный чёрно-белый экран маленького телевизора, стоящего в углу на тумбочке.

— Пришла? Куртку снимай, сейчас чаю налью, — не поворачивая головы, проговорила Вера Ивановна. — Смотри, чё в Москве-то делается, война будто. Ой, чё делается-то. Вон танки-то прямо с моста по Дому Советов стреляют.

— Потом чай. И танки потом. Дело есть. Бабуль, выйди на минуточку.

— Ну куда опять торопишься? Попей чайку, согрейся, замёрзла вон, колотишься вся, — повернулась к Альке Вера Ивановна. — Чего ты?

— Дело есть, выйди, пожалуйста.

Тяжело поднявшись со стула, Вера Ивановна вышла в коридор и прикрыла дверь. Невысокого роста, хрупкая на вид, она шагнула в пору поздней осени жизни, когда,

как в хозяйстве, все дела переделаны, запасы на долгую зимовку заготовлены и можно уже просто жить, лишь подерживая огонь в очаге и наслаждаясь результатами своего труда. А трудов на её век выпало немало, и потому саднили по ночам застуженные в молодости руки и ноги, не знавшие покоя всю её долгую жизнь.

Алька взяла её за руку и потянула за собой по коридору: «Только тихо, послушай меня, помощь твоя нужна. Человека одного нужно спрятать».

— Ты что, рехнулась? Какие прятки? Какого человека? Не наиграетесь всё?

— Тут уже не игры, бабуль. Человека убить хотят. Бандиты. — Алька перешла на шёпот: — Они говорят, что он француз. Я не знаю его. Он у тебя в шкафу сейчас, за швабрами.

— О Господи, час от часу не легче. Где ты его взяла?

— Под георгинами, в клумбе. За ним бандиты гнались и даже стреляли.

— Ой, уморила ты меня! Выдумщица! Опять книжек начиталась?

— Да какие книжки, посмотри сама, — и Алька рывком открыла дверку шкафа. Там, в сумеречной глубине, за деревянными черенками швабр и метёлок, прикрывшись тёмно-синим фланелевым халатом, стоял человек.

— Выходи, — коротко скомандовала Вера Ивановна. — Ты кто?

— Турист я, — слышался хриплый от волнения голос.

— Ты мне сказки-то не рассказывай, туристы по Европе гуляют, а в нашем захолустье их днём с огнём не сыщешь. Почему за тобой бандиты гнались?

— Не знаю. Ограбить, наверное, хотели.

— Пошли, турист, версии потом обсуждать будем.

Тем временем Алька, отогнув краешек марлевой занавески, прильнула к окну, вглядываясь в глубину парка: «Идут, они сюда идут!»

— Ну-ко, турист, быстро за мной, в клизменную. Так, ботинки скидай и платочек на голову надень-ко. На кушетку ложись, лицом к стенке, ноги подожми, а я тебя простынькой

накрою. Ну и благослови, Господи, неожиданных гостей отвадить, — перекрестилась Вера Ивановна, задвигая под кушетку туфли мужчины. — А ты, Аля, пойди-ко к Семёновне, почаёвничай с ней. Нечего ей здесь делать, мы сами управимся. Без посторонних глаз.

ГЛАВА 4

С треском распахнулась входная дверь приёмного отделения, по коридору затопали две пары ног. Слышно было, как пришедшие открывают двери кабинетов, щёлкают выключателями. Шаги приближались.

Держа правой рукой корнцанг с зажатым в него длинным, как змея, резиновым шлангом с пластмассовым наконечником, а высоко поднятой левой, словно вымпел, ярко-оранжевую кружку Эсмарха, Вера Ивановна шагнула навстречу ночным гостям.

— Куда прётесь? Кто разрешил? Здесь больница, а не проходной двор! Чего грязи натащили?

— Слышь, мать, не шуми. Мы человечка одного ищем, друга своего. Он к вам не заходил случайно?

— У нас тут и друзей, и подруг человек сорок, может, и больше. У кого понос, а у кого золотуха. Вам какого надо?

— Ну, мужик такой — с бородкой, высокий, в чёрном плаще, с портфелем.

— А, ну знаю. С бородкой, в плаще. И высокий, метра четыре. Вон стоит перед больницей. Его, что ль, потеряли?

— Ты, старая, не умничай тут! Иностранец он, француз.

— Да вы чё, какой француз? У нас тут не Франция. Не дурите мне голову, она и так дурная. Некогда мне с вами тут беседы водить. Идите отсюда подобиру-поздорову, нечего здесь шляться.

— Слышь, калоша худая, я тебе непонятно сказал? Последний раз спрашиваю: был здесь мужик с бородкой?

— Это ты кому грозишься? Мне? Да я щас внуку позволю, он быстро и француза твоего, и тебя найдёт!

— А внук твой кто будет? — напрягся второй.

— Оперативник он. В угрозыске служит. Таких, как ты, он на раз-два берёт. И меня он в обиду не даст, у любого спроси.

— Ладно, замётано. Считай, что нас тут не было. Ты только внуку-то не говори ничего, ладно?

— Топайте отсель, пока целы.

Когда ночные пришельцы, не оглядываясь, ушли, Вера Ивановна перекрестилась, не выпуская из руки корнцанга, и быстро заперла входную дверь.

— Кому надо — постучат, а всем остальным нечего здесь шляться.

Алька тенью выскользнула в коридор, прижалась к Вере Ивановне.

— Как же я испугалась. Неужели тебе не страшно было?

— Я своё отбоялась, девочка моя. Сначала — когда от карателей в лес драпали, а потом — когда от своих Ольку в ботах прятала. А уж эту гопоту бояться? Пусть они теперь за свою шкуру трясутся. Да с этими урками только по-ихнему и нужно разговаривать, они человеческой речи не понимают. Ну а что ж нам с туристом-то делать? Не было печали, свалился на голову.

— Может, дяде Серёже позвонить?

— Для начала спрячем понадежнее. Принеси-ко из шкафа халат, да выбери, какой побольше, маскарад будем устраивать, — подмигнула Вера Ивановна. — И коляску прикати, бабушка-то у нас ходить не умеет, старенькая она.

Не включая в комнате свет, Вера Ивановна помогла незнакомцу надеть поверх плаща больничный фланелевый халат, по самые глаза повязала белый в голубую крапинку ситцевый платок и усадила в инвалидную коляску.

— Ох, что-то старушка наша небритая, — засмеялась Алка, — непорядок. Сидите, мы вас сейчас прятать будем. Есть тут один будуар, вам понравится.

Петля по узким переходам, они вскоре оказались в глухом, без окон, коридоре. Вера Ивановна порылась в кармане, извлекла связку ключей, отперла дверь, щёлкнула выключателем.

— Вот здесь до утра побудешь, а завтра решим, что дальше делать. Располагайся, турист, здесь мой кабинет, сюда никто не придёт.

Это была небольшого размера кладовка без окон с выкрашенными зелёной краской стенами и сплошь заставленная матрёшками вёдер, коробками, стеклянными бутылками. У стены на гладильной доске виселась горка постиранных простыней и массивный утюг с перемотанным чёрной изолентой проводом. В дальнем углу, возле стеллажа со стопками постельного белья, стояла накрытая серым солдатским одеялом колченогая кушетка с тощей подушкой. На голубой фанерной тумбочке под марлевым лоскутком на тарелке лежал маленький кипятильник и перевернутый кверху дном гранёный стакан.

— Голодный, поди, сейчас сообразим чего-нибудь.

— Воды бы. Пить хочется. Побегать пришлось сегодня.

— А поговору ты вроде и впрямь неместный. Эстонец, что ли? — пытливо спросила Вера Ивановна.

— Нет, не эстонец. Француз я.

— Вот это чудеса! Француз? А по-нашему где ж научился так хорошо говорить? Не пудри мне мозги, а то и правда Володьке — внуку — звонить придётся.

— Не переживайте, я сейчас всё объясню. Я действительно француз, но корни из России. Зовут Пьер, по-русски Пётр. И паспорт у меня в порядке. Только портфель бы найти, я его под памятником оставил. А там всё: и фотографии важные, и документы.

— Ну, за портфелем сейчас ходить не стоит, вдруг твои закадычные «дружки» поблизости отираются. До утра по кустам шарить никто не будет, а на рассвете я дорожки подметать пойду, вот незаметно и поищу в клумбе.

— Вы плащ вот сюда повесьте, на крючок, — Алька указала на дверной косяк. — Располагайтесь.

При свете неяркой электрической лампочки Алька наконец-то рассмотрела неожиданного гостя.

Тёмно-синие джинсы и серый, тонкой шерсти, свитер подчёркивали стройную, подтянутую фигуру мужчины; густые, тёмные с проседью волосы, словно припорошенные

инеем, обрамляли высокий лоб, прорезанный тремя глубокими морщинами, мягкая бородка и прямой нос делали его похожим на ожившую статую атланта, подпирающего крыльцо больницы. А глаза... Ах, как дрогнуло Алькино сердце, когда встретились они взглядом. Насыщенно-коньячного цвета, смеющиеся тонкими лучиками морщинок, с пушистыми, по-девичьи длинными ресницами... Будто всю жизнь видела их перед собой, такими знакомыми и до боли родными показались они Альке.

— Мы с вами уже встречались где-то? — смущаясь, спросила она.

— Вряд ли. Ну, может, в Нанте. Или в Париже? — Мужчина мягко улыбнулся.

— Шутите. Я там никогда не бывала — где мы, и где эта Франция. Только во сне разве.

— Жизнь длинная. Чудеса случаются. Я сам до недавнего времени не надеялся, что смогу приехать в Россию, в Москву и, тем более, сюда.

— Ну в Москву-то — я понимаю, столица всё-таки. А к нам вас чего занесло, в нашу глухомань? Что у нас здесь смотреть?

— Человека я одного ищу, женщину.

— Всё за русскими невестами гоняетесь? — нахмурилась Алька.

— Нет, я сюда не за невестой приехал. Да и женщина эта даже не догадывается о моём существовании. Длинная эта история, запутанная.

— Аля, разговоры потом будем разговаривать. А сейчас как в сказке: ты гостя сначала накорми, напои, баньку истопи да спать уложи, а потом уже и расспрашивай. Сходи в кабинет к Михалычу, принеси оттуда графин с водой, тут стаканом не обойдёшься. Вот постельное бельё. — Вера Ивановна протянула мужчине наволочку, пару выдавших виды простыней с надписями «Минздрав» и синими печатями «Оплачено» и потрёпанное вафельное полотенце, серое от бесконечных стирок в дезинфицирующих растворах. — Бельишко-то у нас, стыдно сказать, десятый год в ходу, позабыли уже, когда в последний раз новое получали.

Вот, чиним-латаем-перелатываем. Вроде и войны в стране нет, а жить стали не в пример хуже, чем двадцать лет назад. Но ты не брезгуй, всё после стирки в автоклаве прожарено, всё стерильное. Рядом туалет, там и умыться можно. Мы с Алей пойдём чего-нибудь покушать организуем.

Пока возвращались в приёмное отделение, Вера Ивановна приобняла Альку за плечи.

— Натерпелась страху? Да, как под памятником оказалась-то?

Алька покрылась коралловым румянцем, потупила глаза, тяжело вздохнула:

— Я луковички ацидантеры искала. Маме на могилку посадить.

— Ой, горе ты моё луковое! Да мы ж через неделю всю клумбу перекапывать будем, георгины убирать. Там этих луковиц ведра три будет, всё кладбище засадить можно. И в зиму не сажают их, помёрзнуть могут. Весной, к пасхе, и посадим тогда.

В это время кто-то настойчиво забарабанил в окно. Вера Ивановна приподняла занавеску, прильнула к стеклу, вглядываясь в темноту.

— О, Пашка пожаловал, будто услышал. Сама про нашего гостя незваного дома расскажешь.

Через несколько минут Вера Ивановна вернулась в кладовку и принесла на шоколадно-коричневом пластмассовом подносе два стакана холодного кипячёного молока с желтовато-кремовыми пеночками на его поверхности, несколько ломтиков уже зачерствевшего чёрного хлеба, блюдец со щепоткой заварки и тремя кусочками рафинада.

— Вот, угощайся, чем богаты, уж не обессудь. Скучные времена настали, больничка наша на последнем издыхании — ни лекарств, ни продуктов. Вертимся как можем, а как будет дальше — никто ничего не говорит. Зато у нас демократия теперь и хошь её грызи, хошь на сухари намазывай. Вспомним мы ещё Брежнева, ох вспомним. Да поздно будет. Вон докатились до чего — танки в Москве, свои по своим стреляют. Господи, что ж такое уделалось-то? А ты

не стесняйся, кушай и отдыхай. Все разговоры до утра оставим, оно всегда мудреней ночи. У меня выходной завтра, будет время всё обговорить.

ГЛАВА 5

Утром, едва занялся рассвет, Вера Ивановна вооружилась граблями, метлой, тележкой и отправилась подметать дорожки вокруг больницы и памятника. Огляделась вокруг, незаметно юркнула под георгины, и уже через минуту тяжёлый кожаный портфель оказался в тележке под ворохом листьев.

— Слава Богу, нашла, — с облегчением вздохнула Вера Ивановна.

Француз не спал и, судя по всему, не ложился совсем; он задумчиво шагал по комнате. На тумбочке стояли чисто вымытые стаканы и блюдец.

— Спасибо за ужин, мне кажется, я ничего вкусней не пробовал ещё. И за портфель спасибо, теперь мне проще будет всё вам рассказывать.

— Чем смогу, помогу. А что не знаю, у других спросим. Я петушка аннулирую — уже подросли летошние, да к обеду борща наварю. У тебя там, в твоей Франции, борщ-то поди не готовят?

— Не готовят, — засмеялся Пьер. — Французы, что с них взять.

По коридору, на ходу надевая белый халат, размашистым шагом двигался высокий плечистый мужчина.

— Сергей Михайлович, — представился он, протягивая широкую крепкую ладонь. — Здравствуйте, Пьер. Я уже в курсе ваших вчерашних приключений. Пойдёмте ко мне в кабинет, там удобней разговаривать будет.

— Вот всю ночь думал, с чего начать. Я так долго шёл к этому моменту, можно сказать, всю жизнь, а сейчас растерялся. Но тем не менее от чего-то нужно оттолкнуться. Зовут меня Пьер Арно. Родился и вырос во Франции. Своей профессией и, можно сказать, образом жизни выбрал русский

язык, русскую культуру и её влияние на культуру Франции. Докторскую диссертацию защитил на тему роли советских военнопленных – участников Сопротивления в борьбе с немецкими оккупантами на территории Франции в годы Второй мировой войны. Такой выбор не случаен. Да, в общем-то, и выбором это назвать нельзя, оно как-то само собой сложилось, всем образом жизни нашей семьи. Мои родители – русские, волею судьбы, если выразиться пафосно, выброшенные штормами русской истории на берег Франции. Мама родилась уже в эмиграции, но всю жизнь мечтала вернуться в Россию. С моим отцом они встретились во время войны, в сорок третьем, после его побега из концлагеря. Вот об отце я и хочу многое узнать сам и многое поведать женщине, любимой им до последнего его дня. Для неё я привёз письмо отца, которое он писал ей, но так уж сложились обстоятельства, что отправить его он не смог.

– Так кто ваш отец?

– Мой отец – Орлов Андрей Фёдорович. До войны он воспитывался в детском доме в вашем посёлке. Отсюда в июле сорок первого он ушёл на фронт. А ищу я Третьякову Альбину Сергеевну, тоже воспитанницу этого детского дома, его одноклассницу.

– Про детский дом и его воспитанников я мало что знаю. Марья Дмитриевна, наша сестра-хозяйка, сможет помочь.

Пока Пьер доставал из портфеля папку с документами, в кабинет главврача тяжёлой поступью вошла невысокого роста пожилая женщина, испытующе покосившись на незнакомца.

– Здравствуйте. Звали?

– Доброе утро. Да, Марья Дмитриевна, звал. Присаживайтесь. Помощь ваша нужна. Познакомьтесь, это Пьер Арно, наш гость из Франции. Он ищет информацию о выпускниках детского дома довоенного периода. Может, вы что-то вспомните.

– Что можно у нас искать? Тень отца Гамлета разве что. Сколько лет прошло, за это время никто про детдом не вспомнил. Да и к чему это быльё ворошить?

— Тем не менее, может, вы что-то знаете об Орлове Андрее Фёдоровиче?

Марья Дмитриевна выпрямилась, собралась, как перед прыжком, в прищур своих пронзительных тёмных глаз внимательно посмотрела на Пьера. Рука в кармане белого халата, плотно сидящего на её фигуристом теле, нервно зазвенела связкой ключей.

— Простите, господин Чичиков, не признала вас сразу. Почём же теперь мёртвые души котируются в европах? И в какой валюте за них нынче платят, позвольте полюбопытствовать?

— Дмитриевна, вы поаккуратнее со своими выражениями, не позорьте нас перед серьёзным человеком, — хлопнул ладонью по столу, словно муху прибил, Сергей Михайлович.

Пьер удивлённо смотрел на Марию Дмитриевну.

— Я ничего не понимаю.

— А что понимать? Война закончилась почти полвека назад. Об этом человеке никто никогда ни разу не вспомнил, будто и не было его вовсе. А тут вдруг является некто, называет себя французом и какого-то лиха собирает информацию. Как в кино про шпионов. Вот только шпионить не за кем. Андрей простым солдатом на фронт ушёл и как в мясорубке пропал. Убили его ещё в сорок первом.

— А вам это точно известно? И похоронка была?

— Нет. Не было никакой похоронки. Сирота он был. Нekomу было похоронки слать.

Пьер был явно обескуражен таким поворотом в разговоре:

— А вы могли бы его по фотографии узнать?

— Откуда ж фото у вас? Не понимаю, с чего это у французов такой интерес к нему.

— Всё просто и одновременно сложно. Если в СССР Андрей Орлов — рядовой красноармеец, один из миллионов убитых на этой войне, то для Франции Андрей Орлов, он же Анри Арно, — герой Сопротивления, и его именем названа школа, воинское подразделение. На его примере выросло не одно поколение.

Пьер открыл конверт, достал оттуда пожелтевшее фото, протянул его Марье Дмитриевне.

— Это снимок сделан в августе сорок третьего года. Вы узнаете Андрея?

Мельком взглянув на протянутый снимок, Марья Дмитриевна хмыкнула.

— Я что-то не понимаю, кто тут из нас двоих идиот. Андрей ушёл на фронт в сорок первом, и было ему семнадцать лет. В сорок третьем, если б дожил, ему исполнилось бы девятнадцать. Андрюшка наш красавец был. Ростом высокий, волосы волнистые, ямочки на щеках. Чисто Алёша Попович. А этот ваш, на карточке, по возрасту явно полтинник разменял. Он больше на Фёдора похож, отца Андрея. Лысый, угрюмый, лицо как печёное яблоко. Зэк какой-то. Пескоструйный аппарат.

— Эта фотография сделана через месяц после его побега из концлагеря. Сами понимаете, не в пансионате целый год пробыл, да и до этого горя хлебнул.

— Я думаю, что этот зэк и убил нашего Андрея, а документы его присвоил.

Пьер, будто вспоминая что-то важное, задумчиво смотрел на взволнованную и потому раскрасневшуюся Марию Дмитриевну.

— Мурашка, — неожиданно для всех произнёс он. — Помните, как на берегу Медведицы под старой черёмухой вы с Андреем хоронили мёртвого дятла и двух жуков-оленей? И как Андрей в первом классе облил вас чернилами? Ведь только Андрей вас Мурашкой называл, правда?

Марья Дмитриевна отшатнулась, взмахнула рукой, будто отгоняя от лица назойливую муху. В наступившей тишине оглушительно звякнула упавшая на пол связка ключей.

— О Господи, откуда вы это знаете?

— Отец маме моей рассказывал. А она записывала, чтоб ничего не забыть. А ещё вот здесь, — Пьер достал сложенный вдвое листок, — письмо Андрея к его любимой девушке. И, пожалуйста, не нужно мне говорить, что вы ничего не знаете о Третьяковой Альбине Сергеевне.

— Не теребите душу ни себе, ни мне. Вам, заезжему туристу, любопытство, а для меня это — вся жизнь, — устало отмахнулась Марья Дмитриевна.

— Напрасно вы так. Альбина должна знать, что он не трус, не дезертир, не власовский предатель. Вы можете мне сказать, где она?

— Не могу. И никто не сможет, — севшим голосом еле слышно произнесла Марья Дмитриевна, — нет её. Сгинула Альбина.

— Как? Когда? — Пьер подался вперёд.

— В сорок третьем. Больше ни о чём не спрашивайте.

Пьер оглушённо молчал, прижимая к груди раскрытый портфель, будто пытаясь заслониться им от дурных вестей. Марья Дмитриевна рассеянно вертела в руках фотографию Андрея.

— Подождите, — Сергей Михайлович развёл руки, будто хотел тем самым погасить накал в разговоре, — насколько я понял, речь идёт о родителях Анны?

— Да, о них. Только вот одного не пойму, как Андрей во Франции оказался и почему после войны не вернулся? Кстати, вы о письме говорили, — повернулась Марья Дмитриевна к Пьеру, — можно почерк сверить. Альбина берегла фотографии школьные и Андрюшкино письмо с фронта. Почерк не подделаешь. У Веры Ивановны нужно спросить, она хранила все документы Альбины.

— Я могу узнать, как она погибла? И потом, вы сказали, что Анна — дочь Альбины и Андрея. Значит, она моя сестра по отцу? Где она?

— Поздно спохватился искать родню, голубок. Где ж вы полвека были, когда Альбина тут горе горевала да за любовь свою такую страшную смерть приняла? Сергей Михальч, увольте меня от этого разговора. Разбередили душу. У Веры спрашивайте, — уже на пороге договорила Марья Дмитриевна.

В кабинете повисла хмурая тишина. Сергей Михайлович обескураженно ходил из угла в угол, Пьер сидел, вжавшись в кресло, и как-то вдруг в одночасье осунулся и постарел.

Днём вся семья собралась в гостиной за накрытым льняной скатертью круглым обеденным столом. Хлопотливая Вера Ивановна за утро успела приготовить на бульоне из домашнего петуха наваристого борща насыщенно-рубинового цвета, щедро посыпанного зеленью укропа и петрушки, подала к столу блюдо рассыпчатой картошки с зажаренным до карамельного хруста репчатым луком и прозрачными шкварками свиного сала. В глиняных, облитых глазурью плошках золотились янтарно-солнечные диски рыжиков, глянцевые гвоздики опять, тёмно-коричневые бочонки боровичков, приправленные мелко нарубленным свежим чесночком, маринованные пупырчатые огурчики и алые, словно фонариком изнутри просвечиваемые, бочковой засолки помидоры. В центре стола красовался румяный, пышный, витиевато заплетённый капустный пирог.

Аля хлопотала вместе с Верой Ивановной: ловко расставила тарелки, разложила столовые приборы, салфетки, в прозрачных креманках принесла густой домашней сметаны, ядрёного душистого хрена и острой горчицы, затем внесла запотевшую трёхлитровую банку домашнего кваса: кусочки ржаной корочки продолжали курсировать в нём вверх-вниз вместе с пузырьками углекислого газа.

— Ну, милости просим нашей деревенской снеди ответить. Как говорится, чем богаты. Всё со своего огорода, сметанку только у соседки покупаем, она корову завела на старости лет.

— Вот тем французы от русских и отличаются: там полки в магазинах ломятся от избытка продуктов, а у людей на столах хоть шаром покати, здесь же при пустых магазинах — такое изобилие. Вот они — настоящие труженики, ещё и ещё раз в этом убеждаюсь. Красота-то какая, куда уж французским рестораторам за вами гнаться! — чуть грассируя, с восхищением произнёс Пьер. — Я после сегодняшнего лёгкого, как сказала Вера Ивановна, завтрака, ещё не успел проголодаться, а тут уже такой царский обед поспел.

За столом говорили о житейском, расспрашивали гостя о французских обычаях, о том, как и чем живут простые деревенские жители.

Когда трапеза окончилась, Аля в паре с Пашкой быстро убрали и помыли посуду; все снова собрались в гостиной, за тем же массивным дубовым столом, накрытым теперь тёмно-вишнёвой бархатной скатертью, обрамлённой золотисто-жёлтой бахромой.

— Вы были близко знакомы с Альбиной? Вы тоже из детского дома? — спросил Пьер Веру Ивановну немного погодя.

— Не, я не детдомовская, с Альбиной в госпитале познакомилась. Девчонки наши почти ровесницы, две недели разницы, и по сменам нам удобно было, друг дружке помогали. Раненые очень любили малых, кто свистульку вырежет, кто сахару кусок сунет, кто сказку расскажет, кто убаюкает. Вот в той самой кладовке мы и жили, там два топчана поставили, из ящиков снарядных две люльки соорудили, в них Оля и Аня спали. Альбина санитаркой работала, меня к ней в пару и поставили. Ох, как её раненые любили! Кто дочкой называл, кто сестрёнкой, и она днём и ночью не отходила от них. А уж если кто безнадежный был и помирал, так она как родного оплакивала, такое у неё сердце было. перевязки раненым делала и каждого жалела, будто с маленькими разговаривала. Помню, один солдатик совсем плохой был, пуля через позвоночник прошла, и парализовало мужика. С горя он решил, что домой не вернётся, не хотел жене обузой быть. Так Альбина в разговоре выведала, откуда он, как его супругу зовут, и тайно письмо ей написала. С самого Дальнего Востока приехала жена того солдата и забрала его домой. Мне, говорит, не нужно, чтоб ты работал, мне нужно, чтоб ты детям ума-разума дал, чтоб сиротами они себя не чувствовали. А какая Альбина безотказная в работе была! За всё бралась, всё делала. Говорила, что после войны отдохнёт и что на фронте куда как тяжелее. А уж как Аню, дочку, любила, не передать словами. Радовалась, что она на папку своего похожа. Всю красоту, говорила, с него, с Андрея, собрала: и глаза, и ямочки на щеках, даже смех — и тот скопировала. Имя-то дочке дала в честь матери Андрея. «Вернётся, — гово-

рила, — папка твой с войны и радоваться будет, какая у него красавица тут выросла». Вот ни минуточки не сомневалась, что Андрей вернётся. «Ну и что, что писем от него нету, но и похоронку ж не прислали, значит, жив. Вернётся, — говорила, — не может он не вернуться. Может, раненый в госпитале каком-нибудь лежит, может, в партизанах воюет, а оттуда ж не напишешь».

Вера Ивановна встала, вышла из комнаты. Через минуту вернулась с двумя детскими ажурными шапочками и накрахмаленной кружевной салфеткой, протянула их гостю.

— Это Альбина по ночам вязала, когда минутка выдавалась спокойная. Чтоб на дежурстве не заснуть. Бинты использованные, которые уж совсем растрепались, отстирывала и на тонкие полоски резала. Вот из них такую красоту и плела крючком. Девчонкам шапочки сотворила, хотела ещё и платья им сплести, да не успела. Вот всё, что осталось. Много салфеток раздарила, очень уж любила подарки делать, — Вера Ивановна нежно разложила их на плюшевой скатерти, — и всё было хорошо, пока на нашу голову это невзгодье не свалилось. Прислали к нам в госпиталь нового начальника контрразведки. Мужик, как нам, девчонкам, тогда казалось, уже в возрасте, контуженный либо был, всё щека у него дёргалась. И на беду глянулась ему Альбина. Стал он ей всякие знаки оказывать. Горы золотые обещал. Она ему сразу объяснила, что муж у неё на фронте и ребёнок есть. Альбина-то наша скромница была, глаза, бывало, в пол опустит да мимо проскользнуть пытается. Только майор этот совсем стыд потерял, начал руки распускать. Видать, ещё тот крендель был и не привык к отказам. Начались у Альбины чёрные дни. Проходу ей не давал, стал собирать компромат. Только никто ничего плохого про Альбину не говорил, все в один голос её хвалили. Тогда майор где-то раскопал, что бабка Альбины по матери была немкой и фамилия у неё то ли Блок, то ли Бланк. Сейчас уже забыла я. Сама Альбина об этом не знала, она ж маленькой в детский дом попала. Родителей-то плохо помнила, что уж о бабушке говорить. Не удивлюсь, если немецкую бабку ушлый майор сам выдумал. Ко всему прочему дотошный контрразведчик выяснил, что Андрей воевал

в армии Власова и без вести пропал в Волховском котле. Стал майор Альбину шантажировать, что арестует её как шпионку, раз она скрывала свои немецкие корни и спуталась с власовским предателем.

Вера Ивановна замолчала, потом пристально посмотрела на Альку, будто раздумывая, продолжать ли рассказ. Её искривлённые болезнью пальцы с крупными, чуть припухшими суставами нервно перебирали золотистую бахромку скатерти.

— Ну да чего уж, начала говорить, нужно всё тогда и рассказывать. Ты, Аля, уже большая, думаю, всё правильно поймёшь. Как-то днём Альбина в кладовку нашу пошла, бинты гладить. Мы бинты стирали, кипятили, а после ещё утюгом прожаривали, чтоб снова использовать можно было. Девчонки наши спали, я в палатах полы мыла. Майор Альбину выследил, зашёл в комнату и надругаться хотел. Косу на руку намотал, повалил Альбину на топчан. Одного не учёл. Утюг был тяжёлый и докрасна раскалён. Вот Альбина и припечетала его к наглой сытой морде. Орал майор — весь госпиталь сбежался. Арестовали нашу Альбину. Переодеться даже не дали, прямо в разодранном халате и увели. Выставил этот подлец дело так, будто он шпионку разоблачил, а она его убить пыталась.

Побледневшая Алька пичужкой прижалась к Ольге и судорожно сжала её руку. Пьер, опустив голову, пальцем рисовал на скатерти замысловатые зигзаги и многоугольники. Голос Веры Ивановны дрожал, она будто снова переживала этот страшный момент. Пашка вышел на кухню, подал два стакана воды Альке и Вере Ивановне.

— Заставляли Альбину показать, что и начальник госпиталя, и врачи с ней в сговоре были, что раненых они специально неправильно лечили. Очную ставку устроили. Живого места на ней не было, так её били, голубушку несчастную. Никого Альбина не оклеветала, молчала на допросах. Только начальника нашего попросила, чтобы об Ане позаботился, пока Андрей с фронта не вернётся. Согласно законам

военного времени, отправили Альбину под трибунал и сразу расстреляли. Где её могилка, мы так и не смогли узнать, военная тайна, сказали. Скотину же этого в чине повысили, медальку повесили и на повышение отправили. Другие судьбы калечить. Когда Альбину арестовали, начальник госпиталя, Иван Порфирич, вызвал меня к себе и попросил вещи Альбины просмотреть и все письма, фотографии, документы, какие найду, принести к нему. На всякий случай, говорит, спрячем в надёжное место. И Аню тоже. А как уляжется вся эта история да вернётся Альбина... Только вот не судьба.

Вера Ивановна прерывисто вздохнула и, отрешённо глядя в окно, продолжила:

— Нам на общем собрании приказ зачитали. Как сейчас помню: зачитывал нам его сам Мадыго, ухмылялся так недобро. Полморды в бинтах, одним глазом на нас косил. Чисто дьявол. А два его помощника, или как ещё их назвать, уж и не знаю, внимательно на нас смотрели, изучающе. У кого какая реакция будет, кого ещё можно в шпионы записать. Выдержала я, виду не подала, как сердце моё разорвалось на кусочки. После этого я решила, что надо мне Аню к себе забрать: она ко мне привыкла, буду растить их с Олей как сестёр. Где одна, там и двое. Подговорила Марью, она у Ивана Порфирича всеми бумажными делами ведала, и записала она Аню на фамилию Андрея, Орловой. Будто подкидывш она в госпитале. Слава Богу, что никто больше не интересовался. Мадыго перевели от нас, и шумиха успокоилась.

— А Марья — это кто? — подняла голову Алька.

— Да Марья Дмитриевна же. Они с Альбиной, твоей бабушкой, значит, подружки, одноклассницы были, а с Андреем так вообще с одной деревни в детский дом попали.

Пьер, хмурясь, сосредоточенно перелистывал привезённую им папку с документами. Наконец, найдя нужные, уже пожелтевшие от времени листки, пробежал по ним взглядом и спросил:

— Вы помните, как звали вашего контрразведчика?

— Да разве ж забудешь? Мадыго, Антип Пахомович. Помирать буду, а Альбину ему не прощу.

— Есть у меня вот такие официальные ответы. Я получил их, когда писал диссертацию и сделал запросы в Москву об Андрее и Альбине. В одном как раз утверждается, что Третьякова Альбина Сергеевна в июле 1943 года вышла замуж и выбыла в неизвестном направлении, а в другом, что Орлов Андрей Фёдорович пропал без вести в мае 1942 года. Оба эти документа подписал полковник КГБ Мадыго А. П. Получается, это один и тот же человек.

— Дай-ко мне глянуть. Почерк у него маленький такой был, буквочки одна к одной, будто сороконожка проползла, а в конце подписи завиток со стрелочкой. Я ни с чем не спутаю. — Вера Ивановна, протерев передником стёкла, надела очки и внимательно рассмотрела поданные ей листы. — А как же, его рука, Мадыги. Вот же зараза какая. Соврал и глазом не моргнул. А с другой стороны, поди, на его совести столько душ загубленных, разве ж всех упомнишь?

— Значит, это он... А что случилось с Анной?

Аля порывисто встала, дёрнула за рукав Пашку:

— Не могу больше, — и, хлопнув входной дверью, быстро выбежала на улицу.

— Я побуду с Алькой, позовёте, если что. Мы тут на лавочке посидим, — и Пашка выскочил за ней следом.

— Слишком всё больно ещё, три месяца не прошло, как мы Анну похоронили. Острый лейкоз. И обнаружили вроде рано, и лечение проходила, а за полгода он её сожрал. Всё, что могли, мы делали, только вот время лихое выпало — ни денег, ни лекарств. Всё, что было, собрали, чужие люди последние крохи для неё несли. Она детским доктором здесь работала. И каким доктором была, скажу я вам: диагнозы ставила с первого взгляда, и анализы её слова подтверждали стопроцентно. Мечтала здесь, на базе нашей больницы, детский санаторий открыть, ради этого рябиновую аллею посадила. От Бога доктор. Даже местный авторитет свои услуги предлагал и денег давал на её лечение, только Анна наотрез отказалась. Сказала, что не нужны ей несправедные деньги, они, мол, закончатся, а позор останется. — Сергей Михайлович развёл руками. — Согласись она эти деньги хотя бы в долг взять, можно было б в клинику в Израиле попасть,

там бы вылечили, но Анна и нам запретила это делать. Вот Алька и злится на всех: и на себя, и на нас.

— Опоздали мы, — сокрушённо покачал головой Пьер. — Все запросы делали по поиску Третьяковой Альбины Сергеевны, а искать нужно было Орлову. Аля в честь бабушки названа?

— Она у нас Алевтина. Не очень хорошо называть ребёнка в честь погибшего человека. Да и не именем памятен человек, а делами.

— А что же отец Али, он-то где? — поинтересовался Пьер.

— Пропал. Это самая большая загадка: рок какой-то над женщинами этого рода, что ли? — заговорила Ольга, не проронившая до этого ни слова. — Мы все однокурсники были, специализации только разные: я на терапевта пошла, мой Серёжа хирургическое отделение выбрал, Анин Миша неврологом стал — кстати, большие надежды подавал. Пожились почти одновременно, уже перед получением дипломов. Мы с Серёжей в нашу больницу распределились, а Аня к Мише уехала, в Забайкалье, но скучала очень, каждый отпуск к нам приезжала. Жили вроде дружно, она на Михаила никогда не жаловалась. У нас уже Володька в школу пошёл, а у них детей не было. Мама к ним в гости ездила пару раз, они денег на дорогу ей присылали, подарками заваливали. Потом вот в один год у нас Пашка родился, а у них — Аля, радости было — не передать словами. Мне кажется, я за себя так не радовалась, как за Аню с Мишкой. Мама тогда платьюшек нашла и в гости к ним поехала, малышку проводить. А через два года, по весне, Михаил с друзьями на Енисей рыбачить поехал, и вышла меж ними, как потом говорили, какая-то ссора, Михаил психанул и пешком к трассе ушёл. Вот с тех пор ничего про него не известно. Анна помаялась там ещё год, всё ждала, что Михаил найдётся, а потом мы с Сергеем поехали и забрали их сюда. Вместе полегче всё-таки.

— Значит, куда ни повернись, Аля везде сирота?

— Чего это сирота? — в один голос возмутились Ольга и Вера Ивановна. — Разве ж только по крови родство бывает? Мы её в обиду никому не дадим, и лучший кусок ей подкладываем. Только она принципиальная, как Аня, ни в какую

не хочет, чтоб её жалели. И вы, Пьер, виду не показывайте, что всё теперь про Алю знаете. Сейчас вот Серёжа договаривается, чтоб в медицинский институт её приняли, весной они с Пашкой школу заканчивают. Хочет она, как Аня, педиатром быть. Кстати, и в Сибири родственников много, у Михаила ещё две сестры и брат живы. Отец-то его на фронте пропал без вести, и старший брат воевал, погиб уже в конце войны. Я не знаю, как там у вас, во Франции, а в нашей стране война в каждой семье отметину оставила.

— Так, обед обедом, а без чая нельзя. Вы, Пьер, когда-нибудь пробовали наш русский чай? Нет? И не слышали? — прервала разговор Ольга и, поднявшись, выглянула в окно. Внизу, на скамейке под высокой, раскидистой рябиной, украшенной лимонно-жёлтыми пальчиками листьев и монистами коралловых ягод, словно два нахохлившихся птенца сидели Аля и Пашка. Аля отрешённо смотрела в сторону, Пашка держал её за руку и что-то горячо ей говорил, пытаясь в чём-то убедить. — Дети, идёмте чай пить, — крикнула Ольга в приоткрытую форточку и прошла на кухню.

Вера Ивановна снова расстелила светлую льняную скатерть с вышитыми по канту курочками и колосками, поставила чайные чашки, розетки для варенья, принесла ложечки. Скоро в центре стола уже парил расписанный под хохлому электрический самовар; в китайском, тонкого фарфора, заварном чайнике настаивался ароматный травяной сбор из листьев кипрея, лесной душицы, сушёных ягод земляники и черники. Солнечный луч заходящего солнца пронзил стеклянную вазочку с густым вишнёвым вареньем и расплескался по скатерти малиновой мозаикой.

— А почему так недоверчиво ко мне относится Марья Дмитриевна? — недоумевая, спросил Пьер.

— Натура такая. Она со всеми так. Скажет — как отбреет. А с чего вообще ей быть простушкой, когда вся жизнь мимо прошла, замуж выйти война помешала: жених на фронте в первый день погиб. Вся радость — больница, да вот Аня

была, теперь Алька. Марья Дмитриевна помогала её растить, крёстной матерью себя считает. Она, кстати, скоро придёт.

ГЛАВА 7

Солнце давно закатилось за золотистые кроны лип, прозрачная кисея сумерек сменилась плотным бархатом ночи, а в небогато обставленной, но уютной комнате, где в каждой детали чувствовалась заботливая женская рука, за массивным круглым столом под большим кружевным абажуром шёл долгий, напряжённый монолог. Все внимательно слушали гостя, который рассказывал собравшимся историю полувековой давности, разложив на скатерти пожелтевшие от времени вырезки из газет, архивные справки, фотографии и аккуратно прошитый дневник, исписанный убористым почерком.

— Я вот хотел уточнить, когда Альбина погибла? — слегка охрипшим от волнения и усталости голосом спросил Пьер.

— Десятого июля сорок третьего её арестовали, а через пять дней приговор привели в исполнение.

— Значит, пятнадцатого? Невероятно... какое совпадение: Андрей сбежал из концлагеря семнадцатого июля сорок третьего, а накануне Альбина ему приснилась в водопаде, с ребёнком. Значит, уже мёртвая она ему дорогу указала.

— Наверное, Господь через её ангельскую душу Андрею путь к спасению дал. Вот как не верить в Бога после таких случаев... — задумчиво произнесла Марья Дмитриевна. — Они ж с детства неразлучные были, Андрей к Альбине близко никого не подпускал, с местными столько раз за неё дрался. Да и она никого не видела, кроме Андрюшки.

— Отец с документами на имя Анри Арно в составе Седьмой американской армии закончил войну в Мюнхене, высокие чины агитировали его на переезд в Штаты, предлагали остаться на военной службе, сулили обеспеченную жизнь. Но он рвался домой, об эмиграции слышать ничего не хотел. И тут передали ему советскую «Правду», как раз

вот эту самую, со статьёй о суде над изменниками Родины, так называемыми власовцами, попавшими в плен и прошедшими через концлагерь. Вот тогда стало ясно, что перспективы возвращения домой у отца очень туманные, а если ещё добавить его побег из концлагеря, участие во французском Сопротивлении и службу у американцев... Это гарантированно влекло за собой обвинение в шпионаже и однозначно — высшую меру наказания. Была ещё надежда на амнистию, все ждали её. Вышел июльский указ, а в нём про военнопленных ни словечка. Отец готов был на всё, считал, что он честен и чист перед всеми; добрался до советской комендатуры, и там ему один капитан недвусмысленно намекнул, что всех, кто был в плену, сначала в фильтрационных лагерях проверяют, и такая проверка не один год может длиться. К концу войны отец уже с трудом ходил, концлагерь здоровье подорвал окончательно. Пострадать могла и Альбина. Отец вернулся во Францию, к Мари. Она отца любила очень, только он долго этого не видел, относился к ней как к сестре или как к другу. За участие в партизанском движении отцу оформили французское гражданство и назначили пособие от правительства де Голля. В сорок пятом, на Рождество, родители поженились. В январе сорок восьмого родился я, а в марте отец умер, и мы остались вдвоём. Замуж мама больше не вышла, меня растила как русского: очень хотела, чтоб мы в Россию вернулись.

Пьер полистал дневник, нашёл в нём вдвое сложенный листок из блокнота и протянул его Альке:

— Это письмо по праву принадлежит тебе. Мама нашла его в документах отца.

Алька осторожно развернула листок, пробежала взглядом первые строчки и подняла глаза на замершую в ожидании семью.

— Это же не только мне важно?

«Здравствуй, дорогая моя, любимая Алечка! — тихо начала читать Аля. — Наверное, ты уже не ждёшь меня и мои письма. Возможно, ты давно получила на меня похоронку. Вполне возможно, что ты уже вышла замуж. Жизнь продолжается, даже если кругом война, разлуки и смерть.

Из письма, которое получил в декабре сорок первого, я знаю, что ты ждала нашего ребёнка. Не знаю, как сложилась ваша жизнь, кто у нас родился, но я хочу, чтоб вы знали – я не предатель. Я любил, люблю и буду всегда любить нашу родину и вас. Если родился сын, то пусть он вырастет настоящим мужчиной, а если дочка, то пусть она будет счастливой.

Аля, я не буду писать тебе о том, что мне пришлось пережить за эти годы. Война закончилась, нужно учиться жить заново. Обстоятельства сложились таким образом, что я не могу вернуться в Советский Союз. Я не могу подвергать опасности вашу жизнь, поэтому я хочу, чтобы ты вышла замуж и была счастлива. Не ищи меня.

Прости меня за всё. Прощай. Андрей. 22 августа 1945 года».

ГЛАВА 8

В комнате ещё некоторое время стояла тишина, и только слышно было, как в оконное стекло скреблась ветка рябины, словно искала защиты.

– Это всё? Жестокое письмо. Разве можно так поступать с человеком, которого действительно любишь? – Аля перевернула лист, подняла взгляд на Пьера. Снова защемило её сердце от сходства этого, до недавней поры неизвестного и чужого ей человека, с мамой, чей портрет висел прямо за его спиной, над старинным деревянным диваном. Будто наяву Аля увидела маму, сидящую на нём с рукоделием и погружённую в какие-то свои затаённые думки.

– Это, девочка моя, называется «резать по живому». В жизни иногда приходится так поступать. Каково ему было там, на чужбине, обрывать последнюю ниточку надежды? – ответил Але Сергей Михайлович.

Вера Ивановна, опершись на круглый валик подлокотника громоздкого дивана, достала из маленького шкафчика, устроенного неизвестным умельцем над высокой выпуклой спинкой, сшитую из новогодних открыток шкатулку и, как

редчайшую драгоценность, извлекла из неё треугольник солдатского письма и две пожелтевших фотографии; бережно передала их Пьеру. На первой, совсем маленькой, карточке был снят белобрысый коротко стриженный с ямочками на щеках мальчик, а на другой — размером с почтовую открытку — двое: в объектив фотокамеры наивно-встревоженно смотрела худенькая девушка в тёмном с белым кружевным воротничком платье. Светлая, туго заплетённая коса девушки широкой змеей спускалась по плечу и кольцом сворачивалась на её коленях. Рядом, развернувшись вполоборота и обнимая девушку за плечо, сидел высокий, счастливо улыбающийся худощавый юноша в новенькой, не по размеру большой гимнастёрке и неумело сдвинутой на бровь пилотке со звёздочкой. На обороте карточки аккуратным женским почерком было выведено: «Альбина и Андрей. Перед отправкой на фронт. 7 июля 1941 год».

— Это ж надо, какое сходство, — Вера Ивановна подняла со стола карточку и поднесла её к лицу Пьера. — Марья, правда же? — обернулась она к Марье Дмитриевне.

Та, тяжело вздохнув, согласно кивнула:

— Похож, ох похож. Я, как увидела вас в кабинете у Михалыча, думала, что с ума сходить начала. Откуда, думаю, Андрей явился, да ещё такой молодой.

— Да, все однополчане отца так говорят. А теперь вот вижу, что и с сестрой мы на одно лицо, — повернувшись к портрету Анны, ответил Пьер. — А письмо можно прочитать?

— Конечно, и руку заодно сверим.

Пьер аккуратно развернул уже ветхий тетрадный листок:

— «Здравствуй, дорогая и любимая моя Аля!

Пишет тебе твой друг и жених Андрей. Во первых строках своего письма хочу сообщить, что я жив и здоров, чего и тебе желаю. А ещё сообщаю тебе, что мы бьём фашистов и будем бить до последнего их вдоха и с победой вернёмся домой. Победа будет за нами. А ещё сообщаю горькую весть. Наш незабвенный друг Всеволод пал смертью храбрых от коварной пули врага 9 июля возле станции...» Название зачёркнуто, цензура не пропустила. «...и похоронен в лесу севернее железной дороги. Клянусь отомстить фашистам

за смерть своего лучшего друга. Кланяйся Маше, пусть она навсегда запомнит геройски погибшего Севку. На этом прощай, моя дорогая и любимая Аля! Жди меня с победой. 25 июля 1941 год».

— Да, писал он, — взглянула на письмо Марья Дмитриевна.

— Судя по дате, Андрей писал это письмо из медсанбата и ни словом не обмолвился о ранении, — сворачивая обратно во фронтовой треугольник письмо, заметил Пьер. — Есть ещё один важный момент, и я хочу, чтоб вы поняли меня правильно. Отцу, как участнику движения Сопротивления, была назначена пенсия. После его смерти эту сумму выплачивают его вдове, то есть моей маме. Но она считает — и я её поддерживаю, — что нечестно пользоваться этими средствами, когда, возможно, где-то бедствует Альбина и ребёнок Андрея. Мама неплохо зарабатывала переводами, нам было достаточно. Таким образом, на счёте в банке накопилась довольно приличная сумма. Поскольку ты, Аля, являешься единственной наследницей Андрея, а я, естественно, не претендую на этот вклад, мы с мамой хотим передать эти деньги тебе. Не мне рассказывать, насколько тяжела сейчас обстановка в России: на улицах Москвы танки, да и в целом по стране небезопасно и очень сложно. Аля, этих денег хватит, чтобы купить хорошую квартиру в спокойном районе Парижа, оплатить учёбу в любом престижном университете Европы или США, а на проценты от остатка можно безбедно жить, вообще не работая. Можно вложить их в любой бизнес. В общем, вариантов много. Тебе решать.

Все недоумённо смотрели на Пьера, не вполне понимая, шутит он или говорит совершенно серьёзно.

— Ого, — присвистнул Пашка, — во дела...

— Деньги? Франки? Я вас впервые вижу, дяденька. Когда мама умирала, я готова была всю себя на органы продать — на запчасти богатым буратинам, а теперь я уж как-нибудь без вас и ваших денег проживу. Покупайте себе квартиры в парижках и где вам угодно, а мне и здесь хорошо! — Аля резко отодвинула стул и, закрыв лицо ладонями, опрометью выскочила из комнаты.

— Я что-то не то сказал? Я ж как лучше хотел, — растерялся Пьер.

— О девка, вся в мать. Не купишь её за бриллиантовые россыпи и золотые горы, — всплеснула руками Марья Дмитриевна. — И ведь по-своему права. Куда, глаза вылупимши, кидаться? От добра добра не ищут.

— Права-то права, только правда о нашей действительности нынче совсем неприглядно выглядит, — задумчиво произнёс Сергей Михайлович. — Интересный сегодня день. Аля, вернись, пожалуйста, к столу — разговор окончить.

Заплаканная, с опухшим от слёз носом, Алька молча вернулась, села с краешка; дрожащие пальцы вертели тонкий батистовый, с кружевной каёмкой, платочек. Все внимательно смотрели на Сергея Михайловича, а он, положив на стол крупные руки со сцепленными в замок пальцами, сосредоточенно молчал, затем заговорил без предисловий.

— Меня утром вызвали в наше управление и объявили, что с января прекращается финансирование больницы...

— Ой, можно подумать, что они её сейчас финансируют, — язвительно вставила Марья Дмитриевна. — Зарплаты с февраля не видали; ни шприцов, ни бинтов, лекарства больные себе сами покупают, постельное бельё уже своё приносить начали, и кормёжка вся давно с огорода больничного; Вера вон все закрутки с погреба перетаскала, и Варвара сумки в больницу прёт; мыши — и те разбежались.

— Ты, Дмитревна, на язык-то у нас остра, в следующий раз я тебя с собой к начальству возьму, вот они испугаются. Шутки закончились, здание нашей больницы передают под гостинично-развлекательный комплекс. Сегодня я имел, так сказать, честь беседовать с новым хозяином. Он любезно согласился подождать до тридцать первого декабря, а первого января сюда завозятся стройматериалы и начинаются ремонтные работы. Так что к Новому году мы должны освободить и здание больницы, и флигель. — Сергей Михайлович тяжело вздохнул и обречённо продолжил: — Он за три копейки купил и больницу, и всё руководство района, по всей видимости. А мы в эту сумму не входим, поэтому нас вытряхивают на улицу. Хотя не со-

всем так: этот делец предложил мне должность управляющего.

— Интересное кино! — покачала головой Вера Ивановна. — Из больницы бордель сделать, а хирурга с золотыми руками на побегушки определить? Может, пожаловаться куда?

— Мама, куда и кому жаловаться? Верховный Совет из танков расстреляли, раненых и убитых грузовиками из Москвы вывозят, а тут какая-то больничка — кого она волнует... Уедем к Володе, как-нибудь устроимся. Детям только школу менять, ну да ладно, как-то утрясётся, — сокрушённо отмахнулась Ольга.

— Послушайте, есть же закон, суд, права человека, как же так? Или я чего-то не понимаю? — удивлённо спросил Пьер.

— Именно — не понимаешь... — пробарабанила пальцами по бархатной скатерти Марья Дмитриевна. — Тамбовский волк у нас сегодня законы устанавливает, он же и судья на этом волчьем суде. Демократия нам объявлена, свобода слова — куда хочешь, туда и иди, что хочешь, то и говори. Только никому до тебя дела нет. Хоть обкричись. Нету будущего ни у страны, ни у детей. Нам-то уж понятно, мы своё, как говорится, отжили. А молодёжи один путь — уезжать отсюда нужно. Фашисты нас не одолели, а балаболы эти в два счёта страну развалили и к рукам прибрали. Дед Аркадий кровью своей землю полил, а его внучок Егорка теперь ею торгует стаканами, как бабка на базаре семечками. Вот тебе и сказка про мальчиша-кибальчиша на современный лад. Так что, голубушка моя Алевтина, принимай предложение заграничного родственника. Не каждый день богатые дядюшки наследство предлагают. Уезжай отсюда, пока молодая; пообвыкнешься, пооботрёшься, всё у тебя хорошо будет. Не к чужим же людям ехать, чай вы родня. Чем ты хуже француженок?

Аля растерянно смотрела на взрослых, обвал разной и очень серьёзной информации в пух и прах разнёс привычный уклад, и сегодня, сейчас, требовал от неё принятия важных решений, переворачивающих жизнь.

— Вы все так считаете? Мне действительно нужно ехать? Бабуль, а ты что думаешь?

— Да, Аля, соглашайся, — тяжело вздохнула Вера Ивановна. — Хотя и не представляю пока, как тебя отпущу.

— Дядя Пьер, вы правду про деньги говорили? И они действительно будут мои? — встревоженно спросила Алька.

— Деньги, все до последнего франка, принадлежат тебе. Я хоть сейчас готов подписать необходимые документы об их передаче. Ты согласна?

— Да, — еле слышно произнесла Алька.

Эпилог

Как обычно стремительно, Алька взбежала по округлым ступенькам, мельком взглянула на помолодевших после рестаурации атлантов, с усилием потянула на себя тяжёлую дубовую дверь с узкими стрельчатými стеклянными вставками.

В просторном, сверкающем начищенным паркетом холле под высоким сводчатым потолком, расписанным безбрежно голубым небом и лёгкими кружевными облаками, звенели голоса; с шумом и гиканьем детская озорная лавина растекалась по коридорам и светлым, уютным комнатам.

Алька заглянула в просторный кабинет физиолечения, где мерно гудели и тихо пощёлкивали аппараты; возле них хлопотала округлившаяся и невероятно похорошевшая в последнее время Любочка. Алька обняла её, чмокнула в щёку, вручила ей замшевый солнечно-румяный персик и так же быстро пошла по коридору дальше — мимо оборудованных по последнему слову технической мысли медицинских кабинетов и спортивного зала с бесконечно повторяющимися зеркальными отражениями тренажёров.

В ординаторской, присев к столу, Алька пододвинула стопку санаторно-курортных карт. «Вот и наступил он — мой первый настоящий рабочий день. Эх, мама, как бы ты гордилась мной, сколько всего мы бы сделали вместе», — Алька достала из сумочки мамин дневник — толстую общую тетрадь в коленкоровом переплёте, погладила рукой её шершавую поверхность.

Ветерок тихо шелестел лентами жалюзи. Алька встала, отодвинула их, распахнула створки окна. В кабинет ворвалось тепло яркого летнего дня, наполненного медвяными ароматами, горькими оттенками рябины, разогретой земли и прохлады заросшего кувшинками пруда. Мохнатая пчёлка с ярко-оранжевыми шариками пыльцы на лапках устало приземлилась на сморщенный тёмно-зелёный лист глоксии и деловито поползла по бархатному граммофончику сиреневого цветка. Стрижи, лавируя меж деревьев, молниями проносились над парком. В бесконечно синем небе реактивный самолёт, сверкающий отражёнными солнечными лучами, серебряным ткацким утком пронзил белёсую кудель облака и потянул, потянул за собой тоненькую шёлковую нить, вышивая неповторимые узоры в гобелене нового дня.

— Господи, хорошо-то как! — выдохнула Алька.

С высоты второго этажа она видела, как, переваливаясь утицей, осторожно спустилась по ступеням Любочка, бережно поддерживаемая под руку Пьером, а навстречу им, спотыкаясь и рискуя расшибиться, бежал их пятилетний Максимка.

Алька вернулась к столу, раскрыла очередную карту, и в этот момент с улицы раздалось громкое: «Аля!!! Алечка!!!»

Она выглянула в окно, на мгновение зажмурилась, словно не поверив своим глазам, и счастливо рассмеялась. Внизу, возле клумбы с распускающимися георгинами и ацидантерами, буйствующими вокруг изящного светло-серого постамента с молочно-розовой мраморной копией античной Гебы, стоял в новенькой форме пилота Аэрофлота и с охалкой белых роз в руках высокий, плечистый, улыбающийся Пашка.

* «Эрика» – (нем. Erika) – одна из наиболее известных маршевых песен германской армии.

** «Friss, Schwein!» – «Жри, свинья!» (нем.)

*** «...песенку о летящем вороне и ветре свободы» – «Песня партизан» (фр. «Le Chant des partisans») – песня французского Сопротивления. Автор Анна Марли.

Екатерина Володенко

г. Люберцы, Московская область

ПИСЬМО ДЕДУШКЕ

Памяти Вагима Павловича Володенко

Временами мне кажется, что я однажды сяду за компьютер и напишу тебе письмо. Но Почта России к тебе не дойдёт, электронной почты там тоже нет, и тебя нет со мной вот уже почти четырнадцать лет.

И тогда я беру в руки твой портрет, ставлю его на стол перед собой и говорю, говорю, говорю с тобой, как делал когда-то ты...

Шёл 1941 год. Стояли тёплые июньские дни. Меня не было с тобой рядом в это молодое, беспечное для тебя время — я родилась спустя почти полвека. Но я ясно представляю вас, ребят довоенной поры, выпускников Люберецкой школы № 1 — талантливых, серьёзных мальчишек и девчонок, мечтающих о самом светлом и заманчивом. Например, стать лётчиком, как Миша Трофимов (самолёт, которым он управлял, был сбит фашистами под Киевом, он был взят в плен и повешен), или гимнастом, как Володя Киселёв (после ранения у него были ампутированы обе ноги, но он выучился и стал директором пушного хозяйства в Карелии). Это были твои самые близкие школьные товарищи. Помнишь, ты мне о них рассказывал?

А ещё ты мне много раз говорил, что хотел стать инженером, отдавая всё свободное время любимому занятию — футболу. Юноши и девушки тогда были очень спортивными.

Грянула война, превратив вас, восемнадцатилетних, в солдат, воинов — защитников, идущих на встречу с врагом и смертью. Вчерашние школьники вступали в бой, так и не познав любви. И место романтики и планов оказалось занято. Теперь были окопы, голод, ранения и возможный конец: мечтам, беззаботной молодости, футболу — жизни...

У тебя было много всяких тетрадок и листочков, испи-
санных таким родным и понятным почерком. В основном это
были записи о характеристиках и особенностях самолётов,
в конструировании и испытании которых на вибрацию ты
принимал участие. «Тетрадь для потомков» — так ты это на-
зывал. Но однажды мне встретились заметки другого харак-
тера...

Из воспоминаний о войне

*«В самом начале войны, летом 1941 года, меня, только
окончившего среднюю школу, направили в Московское Крас-
нознамённое пехотное училище имени Верховного Совета
СССР.*

*Нас, молодых парней, оторванных от мирной жизни, в ко-
роткий срок необходимо было выпустить из училища коман-
дирами стрелковых взводов.*

*В памяти у меня сохранились все мои грузья-курсанты.
Подтянутые, с хорошей строевой выправкой, в меру сил
и возможностей познавшие военное дело.*

*Располагалось училище в Лефортовских казармах. Каж-
дый день из ворот училища с песней отправлялись мы на за-
нятия в Лефортовский парк.*

*Белоруссия родная, Украина золотая,
Наше счастье дорогое
Мы стальными штыками оградим! —*

разносилось по Красноказарменной улице.

*Весной 1942 года я в звании лейтенанта вместе с группой
других молодых офицеров был отправлен на Северо-Запад-
ный фронт в район Демянска. Моя служба началась в 22-й
гвардейской стрелковой дивизии командиром стрелкового
взвода.*

*В памяти остался жестокий бой за деревню Васильевщи-
ну. Потом многомесячная окопная война.*

*Глубокой осенью 1942 года, уже в составе 5-й гвардейской
мотомеханизированной бригады ведём бои с фашистскими*

войсками Манштейна, рвущимися к окружённой группировке немцев под Сталинградом.

25 декабря 1942 года я получил ранение и попал в госпиталь.

Лето 1943 года. В разгар боёв на Курской дуге наш фронт перешёл в наступление, прорвав немецкую оборону. Я командовал мотострелковым взводом. Фашисты непрерывно контратаковали нас. Бомбили с утра до вечера, пытаясь остановить наше продвижение вперёд. В одном из боёв с танками я был тяжело ранен разорвавшимся снарядом. Затем многомесячное лечение в госпитале. Больше в действующей армии мне быть не пришлось».

До конца жизни ты оставался лейтенантом — тем юным лейтенантом, который не любил говорить о своих трудностях, ранениях, переживаниях: в жизни, мол, всякое случается, и всё проходит. Наверное, это и в самом деле так, но мы-то по документам знали, что 25 декабря, в день окончательного провала немецкой операции «Зимняя гроза» по деблокированию 6-й армии Паулюса, ты получил осколочное ранение в область левого виска. Случилось это на Сталинградском фронте.

Дело молодое — после ранения быстро поправился и снова в строй.

...Там же, под Сталинградом, произошёл такой удивительный случай, который как будто подсказал, что погибнуть на войне тебе не суждено. 5-й гвардейский мотомеханизированный корпус, где ты был командиром взвода, пришёл на помощь солдатам, сдерживающим армию Манштейна, как и описано было позднее в романе Юрия Бондарева «Горячий снег». Во время боя ты только перелез через высокую стену здания и готов был уже поднимать своих бойцов в атаку, как почувствовал, что на тебя наставил автомат «пожилой» немец (хотя ему было не более 40 лет, наверное). Противник в недоумении отвёл автомат, увидев, что перед ним совсем юный мальчишка...

«Последний бой — он трудный самый». Это точно. Последними боями гвардии лейтенанта Володенко были бои в Донецкой области на кургане Саур-Могилы. С этого кургана

просматривался весь Донбасс. Ожесточённо дрались советские солдаты за каждый метр нашей земли и выбили фашистов из села Саур-Могила. Здесь ты получил тяжелейшее ранение в левую ногу и после долгих скитаний по госпиталям был отправлен в запас. Впоследствии на этом кургане был установлен мемориал, который уже в наше время националисты не раз оскверняли — наши сердца обливались кровью, когда мы узнавали об этом. И мы очень радовались, когда ополченцы освободили этот курган и мемориал был восстановлен: он ведь в память о тех, кто, как и ты, сражался за Родину до последнего — вздоха, патрона, ранения.

А вот ещё одна запись, сделанная твоей рукой.

В мирное время

«После демобилизации по ранению, работая, окончил машиностроительный институт. Работал в ЦАГИ, в конструкторском бюро В. Н. Челомея, затем в конструкторском бюро А. Н. Туполева в должности ведущего конструктора, занимался вопросами экспериментального исследования динамических характеристик самолётов.

Имею следующие награды: орден «Красная Звезда», орден Отечественной войны I степени, медали «За оборону Москвы», «За оборону Сталинграда», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941 — 1945 годов», а также медали Жукова и «50 лет Вооружённых Сил СССР».

Кроме этих наград и заслуг у тебя было самое главное в жизни — прекрасный тыл: с бабушкой, Ниной Михайловной, ты прожил в счастливом браке 57 лет. Вместе вырастили вы дочерей Ирину и Любовь, вместе и обо мне хлопотали, помогая маме.

На всю жизнь я запомню твою безграничную доброту и трогательную заботу обо мне. В любую погоду ты провожал и встречал меня после занятий в школе, когда я училась в начальных классах, да и потом, потому что уроки были во вторую смену и заканчивались, когда уже становилось темно. Как настоящий джентльмен ты нёс мой портфель (сопротивление было бесполезно), немного сутулился

и наклонялся ко мне: был высокого роста, но беседовать со мной любил негромко, не для посторонних ушей. На подходе к дому ты уже полностью владел информацией о том, как прошёл мой день, что я узнала интересного и нового.

Ты не отходил от меня, когда я болела. Был рядом, и всё. Ходил в аптеку за лекарствами, покупал самые лучшие фрукты и сладости. Ты всегда много говорил со мной: о политике, истории, физике, литературе, самолётостроении. И по сей день ты остаёшься для меня одним из самых интересных собеседников, с которыми мне приходилось общаться.

Не смейся, бабушка, но именно ты для меня пример настоящего мужчины: умного, красивого, заботящегося, весёлого и невероятно доброго ко всему живому. В доме всегда были кошки и собаки, подобранные с улицы, больные или травмированные птицы, которых ты выхаживал и потом отпускал на волю. У тебя было много друзей, которым ты всегда был готов прийти на помощь, ничего не ожидая и не требуя взамен.

Ты обладал прекрасным чувством юмора. Когда случались проблемы или было плохое настроение, я знала, что ты всегда поддержишь, будешь опорой, да и просто рассмешишь — тепло, по-домашнему, с любовью, — а ведь это так важно. Для всех членов семьи ты собрал обширную библиотеку, которой мы пользуемся по сей день.

По твоему совету я поступила в МГТУ имени Н. Э. Баумана, стала программистом и продолжила семейную традицию, работаю в авиационной промышленности на Московском вертолётном заводе имени М. Л. Миля.

Я знаю, что до войны ты играл в футбол в юношеской команде города Люберцы. В феврале 41-го года прошёл отбор в юношескую команду «Динамо» (Москва), очень популярную в то время. Тренер сказал тебе: «Вадим, окончи школу, мы тебя подождём». Мечтам твоим не суждено было сбыться из-за войны. Но ведь это же здорово, что ты у меня был — бабушка, благодаря храбрости, отваге, офицерской чести которого сбываются мои мечты.

САПОЖНИКОВЫ. ВМЕСТЕ СО СТРАНОЙ

Каждое испытание из тех, что выпали на долю страны, моя семья испробовала на себе; хватило бы их вполне на долю десятка семей. Впрочем, если ты часть страны, то её беды — твои беды. Мой дед (по линии отца) Финоженок Нестер Мелентьевич занимал руководящий пост на железной дороге, был репрессирован, реабилитирован, защищал Ленинград. Моя бабушка Финоженок Нина Васильевна с детьми прошла концлагерь, фашистский плен, её родители были убиты из-за коровы после освобождения... Но время рассказа о них ещё не настало.

Другой мой дед (по материнской линии) Сапожников Яков Алексеевич, потомственный сапожник по профессии, на момент начала Великой Отечественной войны был главой большого семейства, у них с бабушкой Маней за совместную жизнь родилось 10 детей. Когда дед Яков ушёл на фронт, у бабушки на руках осталось четверо ребятишек: Фаина, Коля, Саша и маленькая Тамара. Младшей не было и года, а двое старших ходили в школу. На солдата-новобранца начинающий седесть тридцатилетний отец семейства подходил мало, однако судьбе не противился.

Не прошло и полугода его службы, как все сослуживцы знали, что Яков Сапожников отменный сапожник: может починить ещё годные сапоги, восстановить почти не годные, а на смену развалившимся пошить новые. И в мирной жизни хорошая обувь — большое дело, а уж на фронте вдвойне, поэтому рядовой боец Яков Сапожников был переведён в роту управления 19-й танковой бригады. Так и прошёл с ней всю войну, награждён был лишь однажды медалью «За боевые заслуги», до высоких званий не дослужился, да и не старался, домой вернулся ефрейтором, правда, с массой благодарностей.

В июне 1942 года 19-я танковая бригада, входившая в состав 5-й танковой армии Брянского фронта, участвовала в нанесении контрудара по танковой группировке противника под Воронежем. Это было одно из тяжелейших встречных танковых сражений. В районе Землянска от сотни танков, подбитых на поле боя, несколько дней стелился по земле чёрный дым.

А в ноябре того же года перед очень важным сражением был назначен смотр боевой готовности, принимать который приехал сам Г. К. Жуков с генералами и офицерами командования. Проверяли даже НЗ личного состава. Естественно, Георгий Константинович обратил внимание, что обувь на всех солдатах и офицерах в хорошем состоянии, если и починена, то очень аккуратно, это было удивительно для того времени и обстоятельств. За работу в особо сложных условиях дед Яков удостоился личной похвалы Жукова. Танковая бригада была признана готовой к спецоперации. Далее воспользуюсь мемуарами Н. М. Филиппенко, командовавшего бригадой.

«Вечером 21 ноября бригада достигла окраин станицы Добринка. Разведка установила, что в станице расположена большая пехотная часть. Танки остановились в двух километрах от станицы, чтобы шумом моторов не выдать своего присутствия. Один мотострелковый батальон окружил станицу, а второй ворвался в село и уничтожил фашистов. Ни одному «фрицу» не удалось уйти. Танкисты расквартировались по домам.

Утром следующего дня военфельдшер Тамара Кукушкина подошла к колодцу, чтобы набрать воды для приготовления пищи. Забросила ведро вниз, но оно там обо что-то глухо стукнулось. Воды не было. Принесли «кошку». Из колодца вытащили трупы 19 наших мальчиков в возрасте от двух до тринадцати лет. Зная, что подходят советские войска, немцы их утопили. Наши воины в гнев неистовствовали. Они клялись отомстить проклятому врагу.

В это время к Тамаре Кукушкиной подошли жители станицы:

— Доктор, помогите одной женщине. Ей плохо.

Наш военфельдшер пошла со станичницами. Они привели её в дом, где отчаянно рыдала молодая женщина. Она вся дрожала. Глаза были безумными.

— Что случилось? — спросила Кукушкина.

— Перед вашим приходом немец-постоялец бросил её двухлетнего ребёнка в печку, потому что тот плакал.

Узнав ещё про одно зверство, танкисты стали рваться в бой. Я отдал приказ атаковать станицу Плесистовскую. На максимальных скоростях танкисты рванулись вперёд и к часу ночи овладели ею. Немцы в панике бежали, бросив машины, склады, оборудование. Нашими трофеями стали не менее 400 машин и 300 мотоциклов. Мы освободили около 300 наших военнопленных, большинство которых сразу же влились в нашу часть».

Бабушка Маня отправляла деду Якову на фронт коротенькие письма и фотографии с детьми. Она была малограмотна, писала как современный дошкольник, но все послания неизменно начинала с обращения: «Уважаемый Яков Алексеевич!». Дед отвечал ей ровным каллиграфическим почерком, но тоже скупно. Некогда было беседы вести, нужно было дела делать. Бабушка в отсутствие деда выучилась шить обувь: самыми востребованными были парусиновые и брезентовые тапки на картонной подошве. Этим и выжили, а ещё огородом, картошкой, грибами и ягодами. Дети во всём помогали, но, бывало, и до слёз доводили.

Мальчишки из железнодорожной школы, в их числе был и сын Коля, выменяли на станции у бойцов, едущих на фронт, боеприпасов (менялись на овощи с огорода) и заложили их под угол школы. Разоблачил их военрук, демобилизованный по ранению, вышедший во двор покурить. Стали расспрашивать. Зачем? Мальчишки, не таясь, ответили: чтобы взорвать школу, а когда её не станет, уйти на фронт, воевать вместе с отцами. Баба Маня, когда её вызвали в школу, Колю трепала так, что учителям его отнимать пришлось. Да и остальным воякам попало изрядно. С тех пор в обязанности паванов входило за маленькой Тамарой смотреть и брать её везде с собой. Однажды мальчишки гурьбой отправились

на угольный склад на станции, Тамара послушно поковыляла с ними и на куче угля уснула, когда проснулась, вышла к работникам склада, голося: «Мама!» С трудом разобрались, чей ребёнок. Сейчас моя мама, та самая «потеряшка», вспоминает об этом с улыбкой, а тогда, говорят, ревела на весь посёлок, за что бабушка устроила знатную выволочку незадачливым нянькам.

Когда дед Яков вернулся с войны, моей маме, его младшей дочке, было почти пять лет. Она увидела входящего в дом мужчину в длиннополой шинели и спряталась за ситцевую занавеску. Все вокруг говорили: «Тамара, это твой папа, походи к нему, поцелуй папу», — а она твердила «дядя, дядя, чужой дядя». Лишь только то, что старшие дети льнули к нему, растопило недоверие.

В 1947-м у Якова Алексеевича и Марии Александровны Сапожниковых родился самый младший ребёнок — сын Минька, Михаил. Для такой большой семьи нужен был новый дом. Строительство заняло больше 10 лет. Дом получился добротный, крепкий, просторный, продуманный до мелочей. Только дед вскоре после переезда в новый дом умер, спустя годы умерла и бабушка, дети их разлетелись по свету.

Казалось бы, жили люди — и нет их. Такое бывает. Что осталось от них? От бабушки — старые вышивки и несколько церковных книг. А от деда? Неужели совсем ничего? Не совсем. На шестом десятке лет у моего старшего брата проявилось вдруг умение чинить мастерски любую обувь. Абсолютно без подсказок он сам освоил домашний ремонт обуви. Сколько каблуков было им восстановлено, сколько пар детских ботинок подновлено, ободранных «носов» исправлено. Вот и думаю я: может, гены старого сапожника деда Якова дали о себе знать? Может, это как раз и есть то, что остаётся нам от них, тех, кто ушёл и не вернётся...

АЛЬБОМ ПАМЯТИ

«Мы, выпускники Моршанской ФАШ, ветераны-медработники, прожили большую, полную ярких воспоминаний жизнь. Она была наполнена любовью к Родине и посвящена гуманнейшей из профессий – беречь жизнь и здоровье мужчин, женщин, детей, стариков... Нам есть что пожелать грядущим поколениям медиков: любите свою Родину. Любите людей, свою профессию, не считаясь со временем, настроением, собственным самочувствием, спешите на помощь страждущим и будьте милосердны!» Такие строки написали в альбоме, посвящённом истории Моршанской фельдшерско-акушерской школы, её выпускники.

Так получилось, что эта тема стала мне неожиданно близка. Моя мама, и всегда-то занимавшая активную жизненную позицию, когда у неё появилось свободное время после выхода на пенсию, стала внештатным корреспондентом газеты «Согласие». В 2000 году к ней обратились несколько человек, окончивших в военные годы Моршанскую фельдшерско-акушерскую школу, с просьбой написать статью к юбилею первого выпуска школы. Она с радостью взялась за дело. В итоге материал, собранный для статьи, в статью весь не вмещался, не давал покоя, перед глазами проходили судьбы, сильные духом люди, трудности, лишения и преодоление преград. Моя мама решила взять на себя миссию непростую, но благородную. Собрать всех оставшихся в живых выпускников и устроить вечер встречи и воспоминаний о школе. Встреча превзошла все ожидания. Столько вдохновлённых, радостных пожилых людей я ещё не видела. Каждому хотелось что-то рассказать, поделиться, поздороваться за руку с приехавшим издалека товарищем, расцеловаться с фронтовой подругой, обняться с медсестричкой, что была столь терпелива к больным. Пришли даже несколько преподавателей, во время войны они сами были немногим старше учеников.

Эта встреча состоялась в 2002-м, в год 70-летия со дня основания фельдшерско-акушерской школы. Напоминает сегодня о том и другом событиях лишь большой красный альбом,

хранящийся в нашем музее. Практически никого из выпускников и учителей школы не осталось в живых, не осталось и памяти в городе о подвиге этих девчонок и мальчишек. Я хочу исправить положение, напомнить о них, внезапно повзрослевших, взваливших на свои плечи груз, иногда совершенно непомерный.

Моршанск – районный центр в Тамбовской области. В 1932 году здесь была открыта фельдшерско-акушерская школа с трёхгодичным курсом обучения. Я считаю, что решение об открытии ФАШ в Моршанске было гениальным, и время неоднократно подтвердило его актуальность и правильность. Отлично подготовленные кадры спасали население в 30-е годы от тифа, участвовали в Великой Отечественной войне, лечили, учили, работали в прифронтовых и тыловых госпиталях. Это они урывали от своих скромных стипендий и заработков деньги на строительство самолётов, танков, на подарки фронту. А ещё вчерашние, не по годам повзрослевшие девочки и мальчики, строили узкоколейку, рыли канал-шлюз, снабжали город топливом, сдавали кровь для раненых, охраняли военнопленных. Полагалось им в сутки на подкрепление сил всего-навсего 0,5 кг хлеба по карточкам.

Медиков среднего звена в глубинке не хватало и в мирное время, а во время войны каждый военврач или фельдшер, медсестра для страны нужен был не меньше снарядов и бронетехники. «Когда началась война, нам осталось сдать один экзамен – саноборону. 27 июня его принимал доктор Сендак – можно сказать, у всех сразу... Директор уже держал в кармане повестки из военкомата. Мы должны были туда явиться в тот же день, к четырём часам... Так и не было у нас выпускного вечера, даже свидетельства установленного образца не вручали – несолидные удостоверения, мол, учился, изучал, закончил. Только в 1945-м я обменял его на положенный документ...» – вспоминал Сергей Иванович Милованов, участник Великой Отечественной войны.

Большая часть выпуска ФАШ 1941 года после экзаменов отправилась на фронт, о старших и говорить нечего, некоторые из них уже успели пройти финскую войну и, конечно же, стали участниками Великой Отечественной. Выпускница

1939 года М. П. Игонина на вечере встречи выпускников рассказывала: «После мобилизации из военкомата в Пензу нас пешком отправили. Молодые были! На Юго-Западном фронте фельдшером была, на Северо-Кавказском. А когда моя дивизия переформировывалась, — предлагали остаться в тыловом госпитале, а я не согласилась, на фронт вновь отправилась...»

Выпускница 1940 года Юлия Конобеева (Ю. Д. Ковалёва) в сентябре была мобилизована в 325-ю (90-ю) гвардейскую стрелковую дивизию, которая формировалась в Моршанске. В составе дивизии воевала до августа 1943 года. В Полтавской области попала в плен, прошла лагеря в Смеле, Умане, Шепетовке, Люблине, Майданеке (Польша). После освобождения из плена сражалась в составе 69-й армии, была фельдшером.

Выпускница ФАШ 1941 года Тамара Смирнова (Т. Т. Прошина) в первые дни войны ушла на фронт. Принимала участие в форсировании Днепра. На фронте встретила свою любовь. В 1944 году была ранена и демобилизована из армии.

Вера Минаева (В. Е. Аронова) была призвана в армию 17 июля 1941 года. Служила в 325-й стрелковой дивизии. До 1942 года — фельдшером в полку, потом была переведена в медсанбат на должность старшей операционной сестры. Дни и ночи помогала хирургам бороться за жизнь раненых. Запомнились Вере Ефремовне бои на Курской дуге, так как раненых было очень много. Запомнился и главный хирург Георгий Николаевич Назаров, спасший не один десяток жизней. Это же надо было на фронте встретиться с земляком-моршанцем, который к тому же работал с легендарным хирургом Быстровым (Михаил Васильевич Быстров — известный хирург, чьим именем была названа Центральная районная больница в Моршанске). Вера Ефремовна вместе с мужем-хирургом дошла до Берлина и оставила свою роспись на Рейхстаге.

Николай Брюхов со студенческой скамьи ушёл добровольцем на фронт. В составе 358-й стрелковой дивизии Калининского фронта участвовал в обороне Москвы, был военным фельдшером, получил ранение.

Елизавета Юрченко не попала на свой выпускной по причине мобилизации – в апреле 1942 г. ушла на фронт. Воевала на 1-м Белорусском фронте. Победу встретила в Витебске. Вера Сергодеева ушла добровольцем на фронт в том же 1942-м, дальнейшая судьба её неизвестна.

Виктор Степанов после окончания школы уехал на фронт в санитарных маршевых поездах. Сопровождал пополнение новобранцев на передовую. Исколесил Россию, Монголию, Дальний Восток.

Кто не подходил по годам или здоровью, работал в сельских фельдшерско-акушерских пунктах подчас за врача, фельдшера, медсестру и санитарку в одном лице. Кто-то днями и ночами дежурил в госпиталях. Кстати, удобное расположение тылового населённого пункта и наличие железнодорожного узла, а также необходимого количества медицинского персонала сделало Моршанск городом госпиталей. Принято считать, что в разные годы во время Великой Отечественной войны в Моршанске действовало порядка 30 эвакуационных госпиталей. Не обо всех есть данные, лично мне известно о 14. И в каждом из них трудились наравне с дипломированными врачами учащиеся фельдшерско-акушерской школы, её выпускники. Преподаватели школы (медицинских дисциплин) тоже все были практикующими врачами.

В школе преподавали анатомию с гистологией, физиологию, патологию, микробиологию, латынь, глазные болезни, педиатрию, гинекологию, акушерство, терапию, физиотерапию и массаж, фармакологию с рецептурой, кожно-венерологические заболевания, хирургию и военно-полевую хирургию, травматологию, болезни уха, горла и носа, нервно-психические болезни, гигиену, внутренние болезни и уход за больными. Помимо медицинских предметов учащиеся осваивали организацию здравоохранения и санитарного просвещения, военное дело, математику, физику, химию, биологию, географию, историю народов СССР, русский язык и литературу и другие предметы. В годы войны всё это совмещали с работой в госпиталях, на полях, лесозаготовках, строительстве. Сначала, пока у девочек, что пришли

учиться, не было медицинских навыков и знаний, их привлекали к работе на подсобных участках городской больницы. Да, у больницы были свои грядки, свой сад-огород, и там были тоже необходимы рабочие руки. Потом, когда появлялись специальные знания и умения, эти девочки принимали вахту в госпиталях и больнице.

По воспоминаниям А. И. Шараповой, выпускницы ФАШ, в годы войны в школе учились 1100 девочек. И эти девочки выносили раненых из вагонов санитарных поездов и доставляли их в госпитали, дежурили в госпиталях и помогали медицинскому персоналу, которого не хватало, обрабатывать раны, в прачечных стирали бинты и успевали готовить для раненых концерты. В 1943 году в городе сложилась напряжённая обстановка с топливом, которого катастрофически не хватало. Городской комитет партии и горком комсомола приняли решение строить силами учащихся фельдшерско-акушерской школы железную дорогу протяжённостью два с половиной километра в районе станции Вяжли и Фитингоф, а по ней доставлять дрова в город. И эти 1100 девочек взялись за лопаты, ломы, носилки. Сами носили тяжёлые рельсы и шпалы. Итог: руки и плечи в кровавых ссадинах и мозолях, но железная дорога сдана в срок. Дрова нужно было заготавливать тем же самым девочкам, они выдержали и это. Первые три тысячи кубометров дров погрузили в вагоны и отправили в Моршанск. Госпитали, предприятия, детские учреждения, пекарни были спасены — не остались без топлива.

Испытания для девочек-медиков не закончились, их по заданию партии и комсомола перебросили на Вьонский лесной кордон. Здесь нужно было заготовить ещё три тысячи кубометров дров и оправить их плотами по реке Цне в город. Девочки справились и с этим. Им полагались стипендии, но свои скромные денежные средства юные медики отдавали на строительство санитарного самолёта и радовались, когда узнали, что их самолёт уже участвует в транспортировке раненых.

Известный ныне профессор Михаил Иванович Дробжев, а во время войны худющий, маленький новоиспечённый

фельдшер Миша, в своей книге рассказывал о первом дежурстве в госпитале. Когда его, и так шатающегося от голода, сразил наповал запах хлороформа, применяемого для наркоза. После того как однокурсники вывели Мишу подышать и умыться, он снова пришёл в операционную и с задачей, которую поставил перед ним оперирующий врач, справился.

Опытные врачи понимали, что рядом с ними почти дети, и относились, где могли, по-отечески, при таких нечеловеческих нагрузках, когда по несколько суток не получалось вырваться домой, грани стирались, и с этих девочек и мальчиков спрашивали как со взрослых, требовали ответственности и полной самоотдачи. Впрочем, отношения между врачами и юными медиками были хорошие. Старенького хирурга-гинеколога доктора Зимина домой провожали под руки, вели бережно и осторожно. С трепетом смотрели за работой хирурга Быстрова, опередившего время. Учились делать переливания крови, различные манипуляции и, главное, брать на себя ответственность принимать решения. Так, Владимир Иванович Марудин, полковник, в кители, тяжёлом от наград, говорил, что самой главной его школой жизни стала фельдшерско-акушерская школа.

Клавдия Кистанова в 1943 году окончила ФАШ и по призыву Моршанского военкомата работала до августа 1945-го в эвакогоспитале Моршанска. А Толстопятлова Мария мобилизована в 1943 году в госпиталь № 5960 г. Мичуринска, оттуда в эвакогоспиталь № 5957 г. Киева. Настя Мишурова заведовала сельским ФАПом, Анна Шелепова работала с военнопленными, разоблачила диверсию, чуть не погибла от руки фашиста, бывшего эсэсовца.

Историй и судеб этих прекрасных людей в моём компьютере (и разрозненных бумажных записях) накопилось на целую книгу. Как вы понимаете, на перелистывании альбома я не остановилась. Личные встречи, архивы, музейные фонды, военкомат, воспоминания родственников, наградные документы и трудовые книжки, личный мини-архив, накопленный за время работы на региональном телевидении, сюжеты о ветеранах...

Со многими из выпускников мне удалось познакомиться лично, о ком-то прочитать, в кого-то успеть влюбиться, о ком-то скорбеть. Так, заочно и совершенно случайно я познакомилась с судьбой Валентины Натальиной, выпускницы 1942 года. Со школьной скамьи в составе 7-го отдельного батальона воздушного наблюдения, оповещения и связи (ВНОС) Валя отправилась на фронт. Прошла всю войну, вернулась на родину и в мирной жизни, проработав всего четыре года акушеркой в селе Рысли, после сложных родов умерла. Ей было неполных 26 лет. Оказалось, у неё был порок сердца...

Не останавливайте меня, пожалуйста, ведь я хочу написать о каждом из них, я хочу, пусть запоздало, поклониться силе духа и мужеству этих людей. Я хочу каждому из них сказать, что на земле остался его след и подвиг – трудовой, военный, медицинский. Понимаю, это нереально – рассказать обо всех. Поэтому просто листаю красный памятный альбом «Моршанская фельдшерско-акушерская школа 1932 – 1958 гг.». Спасибо вам, дорогие.

Пока так.

И всё-таки когда-нибудь я обязательно напишу книгу. О вас. Обещаю.

Я ПОМНЮ

Я обожала слушать их рассказы о любви. Впрочем, о чём бы они ни говорили, а рассказ получался о любви. Они были просто пропитаны этим чувством, светились им. Каждая история – как серия фильма под названием «одна жизнь на двоих». Спасибо, дорогие, что позволили мне посмотреть и восхититься.

Я пришла к ним в дом корреспондентом местного телевидения с просьбой рассказать о Моршанской фельдшерско-акушерской школе. Владимир Иванович и Анастасия Матвеевна оба учились в ней, с неё-то и начался этот фильм о любви, верности, чести и долге. Я не разбрасываюсь словами, я возвращаюсь снова и снова к кадрам, подаренным мне Марудиными.

Настя родилась в Карелях, в патриархальной семье Матвея Мишурова. Её дед на доходы от своих мельниц построил церковь в селе, не один, конечно, тогда всем миром принято было строить, но вклад его одним из самых значительных оказался. Кому, как не ему, в новом храме стать церковным старостой? Он и не отказывался, не знал тогда, чем всё обернётся. Новые власти ему припомнили и мельницы, и церковь, и дом кирпичный, железом крытый. Настиного отца хоть и избрали односельчане в Совет, депутатом от крестьян, о происхождении помнили, он и сам не забывал, боялся, что не успеет детей на ноги поднять. Настя, несмотря на возраст, всё понимала и росла девочкой серьёзной не по годам. Родителей уважала безмерно, но, уехав учиться в город, старалась лишний раз о семье не упоминать. Училась вдумчиво, старательно, о шалостях не думала, как и обещала отцу.

Возможно, приглянулась Настя Владимиру именно своей серьёзностью, внимательным взглядом и тяжёлой русой косой, в которую туго заплетала свои красивые кудри. Может, было ещё что-то, но как увидел её комсорг Володя Марудин, предмет тайных вздыханий и явных влюблённостей чуть ли не всех девчат своей группы, так и понял: только она ему нужна, одна и на всю жизнь.

Я пыталась найти подвох: ну как мальчишка шестнадцати лет мог понять такое? Не любопытство ли это было? Не додумал ли потом себе сам про большую любовь навеки? Не во время боёв на фронте осознал? Неужели правда — сразу навсегда?! Владимир Иванович неизменно говорил, что кроме его Стаси никто ему с той поры не был нужен. Стася тем временем ухаживаний не поощряла. Всячески избегала влюблённого парня, она же учиться приехала, а не в любовь играть. Как-то раз, после репетиции к школьному балу, когда уже были сшиты костюмы из марли, нарисованы плакаты и украшен зал, Настина подружка пришла в комнату не одна. В дверях радостно улыбался Владимир. Настя пообещала, что выпрыгнет из окна, если он к ней приблизится. И ведь распахнула створки! Владимир, так же улыбаясь, вышел. А непри-

ступная красавица Настя поняла, что сердце её принадлежит теперь только ему и каждым ударом отстукивает его имя.

Им бы влюбляться и радоваться жизни, совершать безрассудные поступки и смеяться по каждому поводу, но им кто-то приготовил другую судьбу. Путь к счастью для них получился неблизким. Близкой была война.

Мальчишки выпускного курса, сдав последний экзамен, уходили на фронт. Володя тоже рванул в военкомат, но военком лично сказал: «Приноси пользу Родине, сынок, пока здесь». Как он был прав, тот военный комиссар, прошедший Первую мировую войну и гражданскую! Нашлось дело для Владимира Марудина и в тылу: хотя ему не исполнилось ещё и 17 лет, была прекрасная подготовка – фельдшерско-акушерская школа – за плечами. Он с жаром молодого сердца спасал людей в тыловом Моршанске и пригородах. Люди бежали от войны, эвакуировались из Москвы, Подмосковья, из-под Воронежа. В городе организовывались госпитали, поступали раненые, работы для медиков было много. Наиболее сложную работу взяли на себя врачи, а выпускникам фельдшерско-акушерской школы доверили второстепенную, но не менее важную. И те, и другие, бывало, не выходили из госпиталей и больниц сутками. От одноклассников Владимира Ивановича я слышала, что до ухода на фронт тот успел принять более двухсот родов и все они прошли благополучно.

Моршанская фельдшерско-акушерская школа готовила медиков среднего звена с усиленной физической подготовкой. В число обязательных дисциплин входили занятия спортом, развивающие силу, выносливость, быстроту реакции. Будущие фельдшеры должны были уметь провести первичную диагностику, оказать экстренную помощь, принять роды, работать на пределе сил и не растеряться в любой внештатной ситуации. Такая подготовка позднее выручала выпускников неоднократно.

1941 год не развёл судьбы Насти и Володи в разные стороны, напротив, он их сблизил. Они поняли, что любовь нужно ценить и беречь, а когда простились возле военкомата

5 мая 1942 года, поняли, что бесконечно дороги друг другу. С этого времени комсомолка Настя Мишурова начала молиться Богу.

1 сентября 1942 года Настя места себе не находила от тревоги, мысли вновь и вновь возвращались к Володе. Причину она поняла гораздо позднее, когда пришло письмо от любимого. 1 сентября он получил первое настоящее боевое задание. Командование оценило серьёзную физическую подготовку парня и направило для прохождения службы в 1-ю отдельную лыжную бригаду, на Брянский фронт, в тыл противника. В составе бригады были в основном моряки Тихоокеанского флота, Владимир Марудин – самый молодой среди них, единственный новобранец. Перед бригадой поставлена цель: уничтожение живой силы противника. Необходимо сковать действия неприятеля, громить штабы, узлы связи, срывать подвоз военных грузов, раскрывать замыслы противника на участке Курско-Орловской дуги района, где предположительно должно было произойти крупное сражение.

Для выполнения поставленных задач бойцам бригады нередко приходилось вступать с врагом в рукопашный бой, в ход шли штыки, ножи, приклады автоматов. Немцы называли их «чёрной смертью» (из-за бушлатов), а немецкое командование обещало кратковременный отпуск за каждого убитого члена бригады (сведения из документов, захваченных у противника). Выполнив боевое задание, бригада в 1943 году соединилась с основными частями. После расформирования бригады Владимир Марудин был направлен в Черниговскую орден «Красного знамени» и Богдана Хмельницкого 211-ю стрелковую дивизию, 896-й стрелковый полк, 3-й стрелковый батальон (13-й армии).

Вот тогда он и написал милой Стасе. Нет, никаких подробностей, он и после войны о боевом пути рассказывал всегда сжато и схематично, но из письма Стася поняла причину своего беспокойства 1 сентября 1942-го. Беспокойство и тревогу она будет испытывать и дальше, чувствуя интуитивно, когда у Володи что-то не так, когда он ранен, когда ему плохо, когда особо опасно. Тогда Настя начинала истово молиться,

и ей, атеистке, молитвы сами приходили на ум, никто не подсказывал, не учил.

Когда я, сидя за столом с чашкой чая в руках в уютной квартирке Анастасии Матвеевны и Владимира Ивановича, расспрашивала о войне, они вроде бы и не скрывали, но выходило опять как в красивом фильме. О ранениях, контузии и славном боевом прошлом Владимир Иванович говорил едва ли не стесняясь. Подробности я нашла в наградных листах, выложенных в интернете, сейчас это сделать легко. «...Младший лейтенант медицины фельдшер санитарной службы 896-го стрелкового полка 211-й стрелковой дивизии в группе ППМ В. И. Марудин проявил отвагу и мужество, выполняя боевое задание, под огнём противника оказал первую помощь 202 бойцам и командирам. За что Приказом № 043/н от 29.08.1943 г. был награждён медалью «За отвагу»».

«В наступательных боях с 14 по 19 июля 1944 г. в районе с. Альбиновка и Кудиновцы, Тернопольской области, находясь при санитарной роте, Владимир Марудин оказал медицинскую помощь 207 раненым бойцам и офицерам. С 19 июля находится на передовом пункте медицинской помощи и на КП полка, оказав помощь 96 раненым (за несколько дней — Т.Г.). В редкие перерывы между боями организует помывку бойцов, а потом, при первой же возможности, эвакуацию раненых с поля боя до санитарной роты».

19 октября 1943 года — она навсегда запомнила этот день. Настя, придя с работы, уснула, не раздеваясь. Вечером пришла с дежурства соседка по комнате Сима и испугалась: всегда спокойная и рассудительная Стасечка кричала: «Володя, падай, в тебя стреляют! Володя! Володя! Нет! Не умирай!» Сима разбудила подругу, с расспросами не приставала, давая прийти в себя, напоила водой. Оказывается, Насте снилось, что Владимир, спасая раненых, погиб. Она слышала злобный смех фашистского лётчика, который расстреливал с воздуха её Володю, она была там, с ним на поле боя, сначала пытаясь предупредить, потом прикрыть собой. Сима предложила сама: «Давай помолимся, Стасенька, чтобы эти гады паршивые ничего не могли сделать нашим парням!» Вскоре Сима легла спать, а Стася до утра молилась, чтобы сон

оказался неправдой и Володя выжил. В этот день Владимир Марудин был тяжело ранен, коллеги признавали, что жив он остался чудом и чудом же невероятно быстро восстановился, вернулся в строй и принял участие в наступательных боях в районах Винницкой, Каменец-Подольской, Тернопольской, Станиславской областей.

«...С 11 марта по 11 мая 1944 года, находясь на передовом пункте медицинской помощи, под вражеским огнём и бомбёжкой вражеской авиации лично оказал помощь 102 раненым бойцам и офицерам и, несмотря на весеннюю беспутницу, организовал их отправку в медико-санитарный батальон дивизии». Несмотря на молодость, Владимир Марудин показал себя энергичным и в то же время рассудительным командиром санитарного взвода, грамотным медработником и отважным парнем. О нём писали: «Начиная с момента наступательных действий, т.е. с 15.01.1945 г.т. Марудин проявил мужество и доблесть. Находясь непрерывно в боевых порядках батальона, умело руководил деятельностью личного состава санвзвода батальона по оказанию первой медицинской помощи тяжелораненым и контуженым бойцам и офицерам и вынося их с поля боя в укрытие. Всего личным составом санвзвода оказана первая помощь 132 тяжелораненым бойцам и офицерам, в том числе лично т. Марудиным оказана медпомощь и вынесен с поля боя 31 человек. Своим мужеством и ответственностью он способствовал сохранению многих жизней». Так, спасая жизни, он принял участие в боях Курско-Орловской дуги, в форсировании рек Десны, Днепра, Вислы, в боях за Чернигов, Киев, Львов, в боях за освобождение Польши, Чехословакии. Дважды был ранен, один раз получил серьёзную контузию, которая и в мирной жизни, много лет спустя, периодически давала о себе знать. На рефлексию времени не было, но в редкие минуты отдыха вспоминал родные края, друзей по учёбе в Моршанске, тяжёлые косы своей любимой Стаси — Анастасии, её лучистые добрые и внимательные глаза, спокойную улыбку.

Стася после окончания фельдшерско-акушерской школы получила распределение в сельский ФАП и работала, много работала. Она не знала, что Володя награждён орденом

Красной Звезды, орденами Отечественной войны I и II степени, множеством медалей. Она знала, что любит его, ждёт и верит: он жив.

Начали возвращаться потихоньку с фронта ребята, что учились с ними, начали в Моршанске играть скромные послевоенные свадьбы, заканчивался победный 1945 год, а Володи всё не было. Однажды рано утром Настя услышала стук в окно. Подумала, что кому-то срочно нужна её помощь, и вскочила, быстро, на ходу, накинув пальто. Открыла дверь — никого, но на свежем снегу — следы.

Так и вижу перед глазами это деревенское крыльцо. Деревянные ступеньки припорошены снегом, а на белом пушистом снежном покрывале чёрные, чуть подтаявшие следы от мужских сапог.

Ничего не зная, не слыша, не видя, Стася сердцем поняла — Володя. Да, это действительно был он, её любимый. Он вернулся. Вернулся к ней, за ней, чтобы никогда уже, вплоть до самой смерти, не отпускать её от себя, чтобы, как говорится, в горе и в радости, всегда вместе. Поженились они в начале 1946 года, и закружило их по городам и весям. Владимир Иванович служил по линии МВД, много учился, получал новые знания и звания, назначения, и везде с ним была она — его Стася, с глазами, лучащимися добротой, сердцем, дарящим любовь, и душой, наполненной заботой и участием. Где бы они ни находились, что бы ни происходило, Владимир Иванович знал, что у него есть бесценное богатство — его жена и две дочки, что Стася всегда поддержит, успокоит или подбодрит, что она — его тихая заводь в бурном жизненном море.

Когда мы с Марудиными подружались, я, не стесняясь, приглашала их к участию в программах на разные темы: о семье, о любви, об истории, о войне. Они не отказывали, всегда говорили просто, душевно и тепло. Как-то в разговоре о чувствах Владимир Иванович прервался, встал со своего места и пригласил Анастасию Матвеевну на танец. Она легко, будто и нет восьмидесяти лет за плечами, поднялась и протянула ему руку. Они закружились по комнате в вальсе, напевая какой-то старый мотив. Я успела их «щёлкнуть» на телефон.

Этот снимок живёт теперь в моём семейном альбоме. Нет уже в живых ни красавицы Стаси, ни её любимого Володи, а фотография напоминает о них, впрочем, о них невозможно забыть. Их образы легко всплывают в памяти: Владимир Иванович с его выправкой, Анастасия Матвеевна с шапкой седых кудрей, они улыбаются, приглашают обязательно заходить, только вот заходить уже некуда. В 2017 году не стало Владимира Ивановича, настоящего полковника и скромного героя, годом раньше — его Стаси.

Я благодарна судьбе за то, что мне было позволено увидеть ваш необыкновенный свет, настоящие чувства, поверить в бесконечную любовь. Я помню о вас.

ТАТЬЯНА ГУРКОВА

Алла Данилина

г. Могилёв, Республика Беларусь

СУДЬБА МОЕЙ СЕМЬИ

В моих руках пожелтевшая от времени открытка, на ней отчётливо видны розы, стоящие в незатейливой вазе. 75 лет назад эту весточку с фронта получила моя мама Кирпиченко (в девичестве) Вера Филипповна от старшего брата.

На обороте аккуратным мелким почерком написано: «Вера! Прими от меня на память обо мне, хотя это изображение цветов вместо фотографии. Ты знаешь, что на поле битв нет фото-ателье или фото-мастерских. Здесь смерть и разрушение. Взглянув на эти цветы, вспоминай своего брата, который любит тебя. Михаил» *(орфография и пунктуация автора сохранены – А. Д.)*.

Трудно передать те чувства, которые наполнили мою душу, когда я прочла эти строки. За ними – и огромная любовь и безмерная тоска по сестре и семье, родным местам, и желание скорее завершить войну, остаться живым и вернуться домой. Однако этому не суждено было сбыться, он остался навечно в братской могиле в одном из небольших немецких городков.

Сколько их, белорусов, русских, армян, украинцев, казахов нашли свой последний приют вдали от родного дома? Сколько потомков никогда не узнают, куда можно прийти поклониться памяти павших, потому что с полей сражений пришли не они, герои, а скорбные извещения: «Пропал без вести»? Сколько семей и по сей день не смогли залечить раны, нанесённые той войной?

Мне хочется поделиться рассказом о простой белорусской семье, судьба которой схожа с тысячами, миллионами других.

В семье нашей бабушки Ани с её мужем Филиппом было шестеро детей: три мальчика и три девочки. Жили они в деревне Шестеровка, Климовичского района Могилёвской области – это недалеко от границы с Россией. В школу

ходили за несколько километров в Звенчатку. Как рассказывала мама, перед войной она окончила десять классов в Климовичах, но для этого ей пришлось жить там на квартире.

Степан, самый старший брат, учился в Москве и стал скульптором. Он писал стихи, по стилю очень похожие на стихи Сергея Есенина, и поэтому Союз писателей СССР разрешил ему взять псевдоним Степан Есенин. В доме на чердаке был большой сундук с его стихами, однако во время войны они сгорели вместе с домом.

Когда началась война, Степану дали бронь и эвакуировали во Фрунзе. Недолго поработав там, он отказался от брони и ушёл на фронт, участвовал в боях на Северном Кавказе. Все эти годы он считался пропавшим без вести, и только недавно нам удалось найти в Центральном архиве Министерства обороны, что он умер в госпитале 02.10.1942 и захоронен на старорусском кладбище в г. Махачкала (Дагестан).

Второй старший брат мамы, Михаил, тоже уехал в Москву и стал артистом цирка. Он любил музыку и очень хорошо играл на аккордеоне. Он также отказался от брони, был призван Дзержинским РВК г. Москва и воевал на 1-м Белорусском фронте в 11-м гвардейском отдельном тяжёлом танковом полку 1-й гвардейской танковой армии. Погиб 07.03.1945, по роковому совпадению в день рождения нашей мамы, и захоронен в г. Лебус (Германия).

После войны мама долго занималась поисками братьев и получила ответ только о месте захоронения Михаила. Однако съездить туда не смогла, так как ей после смерти отца пришлось одной поднимать троих детей, а потом адрес затерялся. Спустя много лет после окончания войны она узнала о том, что её брат Кирпиченко Михаил Филиппович был награждён орденом Красной Звезды и посмертно орденом Отечественной войны II степени, который с орденой книжкой был передан семье и хранится нами до настоящего времени.

Старшую сестру мамы, Марию, немцы угнали в Германию, где ей пришлось быть до окончания войны. Такая же судьба была уготована и нашей маме, однако бабушке удалось, подкупив охранника, освободить её и спрятать до тех

пор, пока не закончилась насильственная отправка молодежи на принудительные работы.

Бабушка вынесла на своих плечах все ужасы войны и оккупации, всячески помогая партизанам продуктами и одеждой. Она была рада, что смогла уберечь своих троих младших детей, спасла их от болезней и смерти во время голодовки. Уходя, немцы сожгли хату, и им пришлось жить в землянке, но это её не пугало. Однажды, работая с дочерьми на огороде, она увидела на тропинке от речки ковыляющего, опирающегося на палку старика. Подойдя, он попросил воды и присел отдохнуть после долгой дороги, так как небольшая деревенька в 20 дворов находилась далеко от районного центра. Немного поговорив о жизни, он протянул бабушке повестку, где значилось, что её дочь Вера направляется на восстановление Сталинградского тракторного завода, и добавил, что ей надо завтра быть на железнодорожной станции с вещами и документами.

Назавтра наша мама вместе с девушками из других деревень в товарняке уже ехала на юг, в далёкую неизвестность. Проезжая по освобождённым районам, они видели разрушенные города, заросшие поля, их сердца переполнялись печалью, некоторые плакали. В Сталинград прибыли вечером. В лучах заходящего солнца руины наводили ужас, на их стенах были надписи: «Мы возродим тебя, город-герой!». Люди, а это были подростки, старики и женщины, жили в блиндажах, землянках, на лестничных площадках домов, в подвалах. Они терпели нужду во всём – в пище, одежде, обуви, мебели, топливе. Это было лето 1944 года.

Привычная к труду, мама быстро освоила профессию и стала работать разметчицей. Фронту нужны были танки, поэтому работали днём и ночью.

Наш отец Данилин Николай Михайлович был призван в действующую армию с первых дней Великой Отечественной войны, 23 июня 1941 года, Сталинградским РВК г. Грозного. Участвовал в обороне Сталинграда. Был награждён медалями «За отвагу» и «За оборону Сталинграда». А иначе и быть не могло, ведь он потомок донских казаков. Ещё наш прапрадед в составе войск Суворова участвовал

в высокогорном Швейцарском походе, в котором донские казаки выдержали все невероятные трудности и опасности на обледенелых склонах альпийских хребтов. За проявленную в Альпийском переходе доблесть ему было присвоено офицерское звание есаула. Его шашку и форму в роду хранили на протяжении нескольких веков.

Отец во время войны был механиком — водителем танка Т-34. Он рассказывал нам о своём последнем бое: «Получив приказ о наступлении, в ходе передвижения мы встретили большую группировку немецких танков «Тигр». Несмотря на их численный перевес, мы пошли в атаку. Экипажу удалось подбить два танка, и вдруг откуда-то сбоку появился вражеский танк, от прямого попадания снаряда которого загорелся наш танк. Внутренний отсек наполнился дымом и гарью, весь экипаж потерял сознание. От резкой остановки танка меня бросило вперёд, видимо, голова ударилась о люк и приоткрыла его. Приток свежего воздуха вернул мне сознание. Я не помню, как выбрался из танка, был контужен. В памяти остался только горящий танк и бойцы, которые тушили на мне горящую одежду». Потом был госпиталь, реабилитация в санатории Кисловодска, увольнение в запас в августе 1944 года и дальнейшая работа на Сталинградском тракторном заводе. Там наши родители встретились, полюбили друг друга, создали семью, а спустя время переехали жить в Грозный, где у них родились трое детей: двое мальчиков и девочка — автор этих строк.

С 1958 года мы стали жить в Могилёве. Непросто складывалась наша жизнь на белорусской земле. Сначала арендовали временное жильё, и одновременно родители сами строили дом. Были трудности и с трудоустройством.

Нам повезло с родителями, они были мастера на все руки и научили нас трудиться и не бояться трудностей. Счастью не было предела, нам всё нравилось. Однако отец не прожил в Могилёве и 10 лет. Осложнения от ран, полученных во время войны, обострившиеся от тяжёлой работы, привели к продолжительной болезни и смертельному исходу. Отец умер в 50 лет, а мне ещё не исполнилось и 16 лет.

Видимо, родовые корни проявляются в потомках и воспоминания родителей закладываются в подсознание детей. Отец и мать стали для нас примером в жизни, и это подтверждают наши судьбы.

Мой старший брат Геннадий посвятил себя военной службе в Военно-воздушных силах и ушёл в отставку в звании гвардии подполковника. Его служба началась в Прибалтике, а затем проходила в Заполярье, Закавказье и завершилась в Группе советских войск в Германии. После службы работал в Могилёве начальником штаба гражданской обороны района города, затем был назначен директором предприятия по дезактивации заражённых территорий области после аварии на Чернобыльской АЭС. Он увлекается музыкой, играет на баяне, хорошо рисует.

Второй брат Виктор выбрал гражданскую профессию, работал в Подмосковье и Могилёве. Ему, наверно, передались способности отца, который мог своими руками сделать всё от мебели до постройки домов в Грозном и Могилёве. Талант брата проявился ещё в резьбе по дереву, чеканке, росписи по стеклу.

Автор этих заметок по истории нашей семьи получила два высших образования, работала инженером, затем почти три десятилетия была председателем областного совета профсоюза работников химической промышленности.

Каждому из нас было бы не стыдно посмотреть в глаза своим героическим предкам, ратным и мирным трудом всегда подававшим нам пример. Сейчас уже взростеют наши внуки, и я верю, что родовую память мы передали в надёжные руки.

Надежда Казакова

г. Химки, Московская область

«РАЙОНКА».

КОММЕНТАРИИ НА ПОЛЯХ

Моей семье

У меня в архиве есть бесценные материалы — фотокопии подшивок районной газеты «За электрификацию» (г. Кашира Московской области) времён Великой Отечественной войны. Не буду сочинять долгое вступление — в нём нет надобности. Читайте газетные публикации той поры и современные комментарии к ним человека, которому близки и дороги и журналистика, и Каширский край, и история родной страны. Возможно, вам откроются интересные факты.

1941

В новогоднем выпуске была напечатана информация-обещание «Буду учиться ещё лучше».

«Я учусь в 9 классе «А» Каширской средней школы № 1. За первую четверть наш класс не имел полной успеваемости. Вступая во вторую четверть, комсомольцы, пионеры и все учащиеся нашего класса решили во что бы то ни стало добиться стопроцентной успеваемости. Для достижения этого мы развернули социалистическое соревнование, организовали помощь отстающим.

Проведённые мероприятия дали положительные результаты: вторую четверть класс 9 «А» закончил успешно. Новый год класс встречает полной успеваемостью, до 80 процентов учеников имеют отличные и хорошие отметки, в классе три отличника.

В числе отличников встречаю новый год и я. Таких успехов добился я потому, что серьёзно относился к своей учёбе.

В школе я веду общественную работу: являюсь группоргом комсомольской группы нашего класса.

Встречая новый год, я обещаю учиться ещё лучше, быть отличником в последующие четверти учебного года».

Под заметкой – подпись автора, голос которого я помню до сих пор. Его энергичное уверенное рукопожатие (левой рукой, «от сердца» – как он любил говорить) чуть выше запястья моей правой руки долго согревало и придавало импульс к движению, действию, хотя длилось секунду-другую.

Окончив школу, он 12 августа 1942 года со двора Каширского райвоенкомата отправится на фронт, станет связистом. О войне за всё время нашего знакомства расскажет лишь один случай:

– В апреле в Австрии погода уже тёплая. Солнце яркое, небо без единого облачка. Молодая трава, ещё клейкая листва на деревьях и кустарниках. Ничего этого не замечаешь, потому что ты устал, измотан, хочешь есть и спать. Но ты идёшь, потому что поставленную командиром задачу надо выполнить.

Поздним вечером взвод замедляет движение перед каким-то замком. Свет не горит. Вокруг ни души. Не сговариваясь, мы пересекаем парк (нужно же где-то переночевать), поднимаемся по лестнице и оказываемся среди такой роскоши, о которой мы не читали даже в книгах.

Я слушаю, затаив дыхание, и не предполагаю, чем это приключение наших красноармейцев может закончиться. Рассказчик, озорно блестя глазами, тем временем продолжает:

– Грязные, потные, обовшивевшие (да, да, обовшивевшие), мы первым делом ищем, где можно помыться, долго наслаждаемся водой и душистым мылом, а потом понимаем, что нет у нас желания и сил надевать снова свою выдавшую виды форму.

В комодах и сундуках сбежавших ещё до нашего визита хозяев пытаемся найти подходящую одежду, но ничего, кроме тонкого кружевного белого – до рези в глазах – нижнего белья у этих графов нет.

На следующее утро – представляешь картину? – взвод русских связистов в графском исподнем едет на велосипедах по пыльной просёлочной дороге.

Гвардии сержант Иванов, начальник радиостанции 193-го отдельного гвардейского батальона связи 106-й гвардейской стрелковой Краснознамённой ордена Кутузова дивизии, умолчал о том, что незадолго до вступления в Австрию и упомянутого приключения в замке он отличился в боях за овладение венгерским городом Мор и был награждён медалью «За отвагу». Он вообще был скромным человеком, как и большинство людей того поколения.

Потом будет день Победы, возвращение на Родину, работа, поступление на только что созданный журфак МГУ.

...Автором заметки был Анатолий Иванов, в 1941 году – ученик 9 «А» класса Каширской средней школы № 1, впоследствии ставший редактором газеты – мудрым Учителем для многих из нас.

Он отпустил меня из редакции со словами: «Как руководитель я должен сказать тебе: «Нет», – но как человек я говорю: «Да», – потому что это может быть твоей судьбой»...

Прошло много лет. Я жила в другом городе и не работала больше в журналистике, наши пути никак не пересекались. Бывало, я вспоминала его: то взгляд, то жест, то «Будь здорова» вместо «До свидания».

...Однажды он рассказал мне о том, что врач-рентгенолог, сделав ему снимок лёгких, спросил:

– Вы курите? Сколько сигарет в день?

Редактор ответил отрицательно, чем немало озадачил медика:

– И раньше не курили?

– Курил, доктор, по молодости, на фронте. Но скоро 40 лет как бросил.

– А срок давности не имеет значения. «Отметины» от никотина на лёгких остаются навсегда.

– Как и шрамы от войны в сердце каждого солдата, – подытожил Анатолий Александрович.

В День Победы, незадолго до его ухода, я набрала по памяти 849664... и – голос мне показался изменившимся, не до кон-

ца узнаваемым — произнесла насторожённо в трубку, не называя себя:

— Когда-то по этому номеру я могла услышать Анатолия Александровича Иванова.

— Здравствуй, Надя, это я, Анатолий Иванов.

Узнал...

Он всегда представлялся так, был немногословен, прозорлив, безошибочен в людях, словах и решениях, умел доверять и верить. Он поручал мне задания, из которых потом вырастали резонансные материалы, он мог на заседании бюро горкома партии заявить: «Под каждой публикацией, которая подписана «Н. Казакова», я готов поставить свою фамилию».

Не столько седой, сколько лысый, выше среднего роста, плотный, он, казалось мне (или так и было на самом деле?), был похож на Расула Гамзатова: высокий (бесконечный) лоб, решительно очерченные губы, очень умные глаза, которые в зависимости от настроения и ситуации выглядели то чёрными, то карими, то карамелевыми. Он был знаток литературы и заядлый рыбак. Фельетоны, написанные им и размещённые в рубрике «Каширский ёрш», были блистательны, поучительны и тонки. Их всегда ждали и мы, сотрудники, и читатели.

Однажды, когда моё повышение в редакции должно было вот-вот состояться, я засомневалась в себе и сказала редактору об этом, предложив на должность ответственного секретаря утвердить кандидатуру другой сотрудницы. Он выслушал мой детский лепет (я была самой молодой в коллективе), поднял мягкие камышовые глаза и, глядя куда-то внутрь меня, спокойно, тихо вернул к действительности: «Решения здесь принимаю я, и я за них отвечаю головой, и я решил — ответственным секретарём будешь ты».

С ним работалось интересно, легко, на одном дыхании. Никаких инструкций, директив, мелочного контроля. Просто живи рядом и делай так, чтобы редактору не было за тебя стыдно.

Вот обо всём этом я и сказала Анатолию Александровичу в последнюю нашу беседу. Он не перебивал. Потом, когда

услышал моё «Спасибо вам!» – ответил: «Мне очень приятно». Мы тепло попрощались, я положила трубку и почувствовала, что мы простились навсегда.

1942–1943

Последний номер «районки» за 1941 год, поступивший в Ленинскую библиотеку из Каширы, был датирован маем и посвящён планам на предстоящий урожай зерновых культур, картофеля, многолетних трав на семена, кормовых и овощных культур с семенниками и без них. Наверное, я не ошибусь, если предположу, что бóльшая часть читателей сочла выпуск скучным и пожалела о потраченных восьми копейках. Графы с названиями сельских советов и хозяйств, расположенных на их территории, колонки с прочерками и цифрами, перечисление сельхозкультур в шапке могли быть интересны только районному начальству да руководству соревнующихся хозяйств. Колхозники же и без того знали: чтобы больше получить на трудодень овса, пшеницы, ржи, картофеля, помидоров, огурцов, надо больше работать.

Здесь как раз и есть ключевая фраза. Нынче голоса с Запада обвиняют нас в развязывании войны наравне с Гитлером. Что же это за агрессор такой, который предполагает вести боевые действия на своей территории и на ней же, поруганной и сожжённой противником, планирует собирать высокие урожаи? Рядовой номер одной из тысяч газет СССР разоблачает этот нелепый вымысел: люди Страны Советов хотели жить в мире и стремились повышать уровень своей жизни за счёт увеличения производительности труда, дисциплины и взаимовыручки.

...И вот первые номера районной газеты следующего, 1942 года. Враг обращён в бегство практически с окраин моего родного города, несмотря на то, что наших войск, готовых дать достойный отпор фашистам, в Кашире и рядом не было к моменту прорыва врага. Тогда председатель райсовета Терентий Моисеевич Горб решил защищать город силами жителей: возвели баррикады, вырыли противотанковые рвы и окопы, установили «ежи», собрали истребительный

батальон и два партизанских отряда из молодёжи и проверенных партийцев и были готовы драться с гитлеровцами.

На помощь 25 ноября 1941 года пришёл второй кавалерийский корпус генерала Павла Алексеевича Белова. Пришёл в прямом смысле: корпус был переброшен на оборону Москвы по личному приказу Сталина. Лошади так устали, что почти весь путь их вели под уздцы не менее измотанные бойцы. Шли и ночью, практически не останавливаясь. Отборные силы противника были уже недалеко от Каширы. Верховному Главнокомандующему докладывали об этом, и он возлагал большие надежды на конногвардейцев.

Генерал П. А. Белов так писал о событиях того времени:

«"Скорей, скорей, скорей!" – торопили нас многочисленные распоряжения и указания сверху. Я не знал ещё причин такой спешки. Лишь спустя некоторое время убедился, какое угрожающее положение создалось в том районе, куда нас перебрасывали: 2-я танковая армия Гудериана быстро продвигалась на северо-восток, стремясь выйти к Оке и захватить переправы, чтобы затем наступать на Москву. Нависла непосредственная угроза над Каширой, где находились такие важные объекты, как ГРЭС, железнодорожный мост через Оку, Ожерельевский железнодорожный узел. Потеря Каширы открыла бы немцам прямую дорогу к столице. А на участке Кашира – Коломна не было крупных сил Красной Армии, способных остановить танковую лавину Гудериана»*.

26 ноября 1941 года 2-й кавалерийский корпус генерала П. А. Белова был удостоен звания гвардейского за предшествующие ратные дела на Украине и стал с того дня называться 1-м гвардейским кавалерийским корпусом. На следующий день на окраине посёлка Ожерелье бригадный комиссар Смирнов вручил командиру кавалерийского корпуса генерал-майору П. А. Белову гвардейское знамя, поздравил и пожелал новых боевых побед. Каждая кавалерийская дивизия выслала на торжественную церемонию по одному сводному эскадрону из лучших бойцов

* Белов П.А. За нами Москва. М.: Воениздат, 1963. – 336 с. – (Военные мемуары).

и командиров. Вместе с ними прибыли с передовой представители артиллеристов, связистов и сапёров.

Сразу же после вручения знамени сводные эскадроны направлялись в свои дивизии, ведущие бои с фашистами. Несмотря на снег и мороз, ледяной ветер, бесстрашные кавалеристы пели новую песню, только что родившуюся в корпусе:

Гнали немцев конники Белова.
Орудийный гром не умолкал.
От Каширы до ворот Венёва
Гудериан все танки растерял.
Мчались фрицы, пятками сверкая,
Удирала вшивая орда.
А гвардейцы — конники Белова
Занимали сёла-города...

3 декабря 1941 года принято считать критическим днём Московской битвы, так как фашисты приблизились к столице на кратчайшее расстояние, а генерал Белов со своими гвардейцами к этому моменту отогнал фашистов на 40 километров от Каширы.

Фактически под Каширой Гудериан потерял не только танки, но и доверие фюрера, который уже больше никогда не назначал его непосредственно командовать войсками, а 1-й гвардейский кавалерийский корпус П. А. Белова после успешной операции в районе Каширы был переведён в резерв Ставки.

1 февраля 1942 года газета «За электрификацию» опубликовала материал «Как враг был отбит от Каширы», это была запись беседы на центральной радиостанции имени Коминтерна с командиром первой гвардейской кавалерийской дивизии (она входила в состав корпуса П. А. Белова) генерал-майором Барановым. Вот что он говорил: *«Враг стоял на окраине города, а все предприятия его работали полным ходом. На передовые позиции Горб тоннами отправлял ветчину, свежий хлеб, горячие обеды. Горб позаботился даже о том, чтобы работали все бани города. Бойцы, защищавшие город, должны быть свежевыбритыми и чистыми».*

Спустя три недели, 22 февраля, в районной газете можно было прочитать статью Т.М. Горба «Разгром немецких захватчиков под Каширой», в которой автор подводит итог пребывания непрошенных гостей в городе: *«сожжено и разрушено около 150 зданий, выведен из строя водопровод, уничтожена баня и электростанция, все корпуса больницы. Разгромлены 26 школ (две из них снесены полностью), ликвидированы 20 тысяч книг, 18 мостов, 45 общественных колхозных построек. Кроме того, истреблено более 800 пчело-семей, уничтожено и похищено хлебов и кормов из скиргов на площади нескольких тысяч гектаров. Гитлеровцы резали личный скот колхозников, отбирали кур, гусей, хлеб, молоко, тёплые вещи и даже металлические ложки».*

Сегодня можно добавить, что авиаудары неоднократно наносились по городу начиная с 25 ноября; и только за один день 28 ноября 1941 года на Каширу было сброшено порядка двух тысяч зажигательных и пятисот фугасных бомб.

Гитлеровским захватчикам — а это свыше 100 танков, солдаты охраны и поддержки, несколько тысяч единиц автотранспорта и около сотни орудий, десятков тысяч солдат — были противопоставлены мужество и патриотизм красноармейцев и командиров. И, необходимо добавить, — участие и помощь местного населения. В ночь на 26 ноября жители города, к примеру, посыпали золой и песком затяжной крутой склон булыжной мостовой, ведущей от переправы на правом берегу Оки до центра Каширы. Если бы этого не было сделано, неперепокованным лошадям (а таких в корпусе было подавляющее большинство) потребовалось бы гораздо больше времени на то, чтобы просто войти в город. Что же касается подков, то тут выручили рабочие ступинских предприятий, которые оперативно изготовили их. Всех лошадей подковали заново, они были готовы перевозить орудия и всадников к местам боёв, обеспечивая внешнюю безопасность удара по врагу.

К 4 декабря 1941 года территория района была полностью освобождена от немцев и, сообщает Т.М. Горб, спустя два с половиной месяца восстановлен железнодорожный

транспорт, приводятся в порядок водопровод, разрушенные мосты, работает торговая сеть, сельхозпредприятия начинают готовиться к весенне-полевым работам. Гордость советской энергетики, первенец плана ГОЭЛРО Каширская ГРЭС-4 восстанавливается.

И это была особая радость для Терентия Моисеевича. Ещё в октябре котлы и турбины 2-й очереди демонтировали и вывезли на восток страны, станцию заминировали в соответствии с приказом, поскольку положение в городе складывалось тяжёлое и опасное. Всё чаще немецкое командование называло Каширу своей стратегической целью для переправы через Оку и продвижения к Москве с юга. Директору ГРЭС-4 А. И. Тараканову было предписано в случае угрозы захвата станции врагом вывести персонал и взорвать предприятие, которое обеспечивало на тот момент электроэнергией не только Каширу, но фактически и все населённые пункты до Тулы, включая и саму столицу русских оружейников.

Фашисты овладели железнодорожной станцией Ожерелье, что в шести километрах от города, танки Гудериана вышли к Зендиково, оттуда до города два километра. Что делать? Как быть с электростанцией?

25 ноября 1941 года Верховный Главнокомандующий И. В. Сталин отдаёт приказ: ГРЭС-4 не взрывать. Это означало только одно: под Каширой стоять насмерть.

При участии местного населения от стен древнего города, ведущего свою историю с 1356 года, силами конногвардейцев генерала П. А. Белова, при поддержке лётчиков 445-го, 176-го, 172-го истребительных авиационных полков, бойцов 352-го отдельного зенитно-артиллерийского дивизиона, 112-й танковой дивизии, 173-й стрелковой дивизии, Каширского истребительного батальона враг был остановлен и обращён в бегство. Советские войска перешли в контр наступление. Первое с момента начала Великой Отечественной войны. До Победы ещё слишком далеко, но здесь, на родной для меня земле, уверенный шаг к ней был сделан в ноябре 1941 года.

Но вернёмся к газете.

В № 33 за 1942 год была помещена небольшая заметка под заголовком «Колхозный подарок конногвардейцам генерала Белова». В ней сообщалось о том, что в колхозе имени Парижской коммуны (село Базарово) состоялось собрание, на котором *«товарищи Шмаров и Толкачёв внесли предложение отметить XXIV годовщину Красной Армии отправкой на фронт доблестным конногвардейцам генерала Белова колхозных подарков. Единодушно приветствовали колхозники внесённое предложение. Выступившие на собрании тт. Бурикова, Петрова, Бакотин и др. заявили, что каждый из них для праздничного обеда героев-бойцов готов дать из своего личного хозяйства по курице. Почин поддержали все 38 хозяйств колхоза. Собрание единогласно решило собрать и послать на фронт по курице из каждого хозяйства. Последовать своему примеру колхозники сельхозартели имени Парижской коммуны призывают все колхозы нашего района».*

В № 43–44 в рубрике «Письма на фронт» председатель колхоза «Дружба» В. Казакова, депутат Кокинского сельсовета А. Костромина, секретарь Пятницкой первичной организации ВЛКСМ В. Никоноров по поручению колхозников рассказывают о том, что от каждого колхозного хозяйства в 1-й гвардейский кавалерийский корпус будет отправлено по одной курице. *«Крепче бейте гадов, не давайте отдыха гитлеровской банде ни днём, ни ночью, а мы вам в этом поможем своим стахановским трудом на колхозных полях.*

В свободную минуту пишите о своих подвигах. До свидания, дорогие грузья», — так заканчивается письмо на фронт.

Я не знаю, как это назвать, объяснить, разгадать русскую душу, но люди, которые только что пережили жестокость и агрессию врага, не очерствели душой. Они стали добрее, милосерднее и сострадали другим так, как это могут делать только обладатели самых щедрых сердец, не тронутых завистью, жадностью, сварливостью.

В одном из январских номеров 1942 года встретилась мне публикация «Поможем населению районов, пострадавшему от фашистов», подготовленная М. Глаголевой, секретарём Исполкома Районного Совета депутатов трудящихся.

Хочется привести её полностью, потому что сказать лучше, чем это сделали мои земляки, сами ещё не оправившиеся от «знакомства» с гитлеровцами, у меня не получится.

«Дорогие братья и сёстры, дорогие товарищи колхозники и колхозницы!

Ваши родные места были временно оккупированы немецкими фашистами. Призыв колхозников Куровского района — это наши мысли. Мы также организовали сбор вещей и посылаем их Вам от всей глубины сердца, зная о том, что немецкие захватчики всё у вас ограбили, а что случайно осталось, пожгли, оставив вас без крова.

Вещи, которые мы посылаем Вам, не последняя наша вам помощь. Мы с вами будем делиться до тех пор, пока вы снова заживёте богатой колхозной жизнью».

Это тёплое трогательное своей отзывчивостью коллективное письмо послали колхозники сельхозартели «Вулкан» Руновского сельсовета братьям и сёстрам, пострадавшим от вторжения немецких оккупантов. Вместе с письмом они посылают многочисленные подарки: обувь, одежду, бельё, посуду.

В просторной комнате, где районная комиссия организовала приём вещей для пострадавших от немецких оккупантов, становится тесно. Колхозники, рабочие, служащие, домашние хозяйки — каждый с радостью делится своими личными вещами. Передавая их сборщикам, обязательно скажет:

— За всё отомстим людоёду Гитлеру, посягнувшему на нашу свободную жизнь.

14 января вместе с вещами в комиссию поступило письмо Архиповой Александры Матвеевны из с. Б. Руново. Она пишет:

— Привет незнакомой подруге! Когда проклятый немец подходил к нашему родному городу Кашире, я пережила это как огромное несчастье. У меня шестеро детей, старшему из них 14 лет, и я не знала, куда деваться. Ведь для германских захватчиков мы все чужие, пощады от них ожи-

дать не приходится. Только благодаря нашей родной Красной Армии, давшей отпор фашистам, мы не попали в когти кровопийцев.

Мы очень сочувствуем тому населению, которое было временно под игмом немецких разбойников. Прошу тебя, незнакомая подруга, когда получишь вещи, написать мне ответ. Буду с тобой делиться до последней вещи.

Остаюсь с горячим приветом Александра Архипова».

Обращаясь к районной комиссии по приёму вещей для населения, пострадавшего от немецких оккупантов, т. Архипова просила передать её вещи такой же многодетной, как и она. Просьба т. Архиповой будет исполнена.

Огромно стремление всего населения нашего района помочь пострадавшим. Ежедневно в комиссию приходят всё новые и новые организаторы этого большого патриотического дела. Позавчера зав. Тутыхинской избой-читальней т. Михалёва передала комиссии вещи, собранные ею среди колхозниц сельхозартели «Красный пахарь». Много женских и детских вещей, посуды и 104 рубля деньгами передают пострадавшим колхозницы «Красного пахаря».

За короткий срок районная комиссия приняла в помощь пострадавшим от немецких оккупантов более 3000 вещей, поток их не ослабевает. Трудящиеся нашего района горячо сочувствуют своим братьям и сёстрам, чьи жилища и личное имущество уничтожено ненавистными фашистскими варварами.

Но недалёк уже тот час, когда советский народ отомстит фашистам за все их злодеяния».

Более четверти населения Каширского района – порядка двадцати тысяч человек – ушло на фронт. Старики, женщины, малолетние дети – это тот тыл, который стал ответственным за чёткую работу промышленных, транспортных и сельхозпредприятий, обеспечение армии и собственных семей продуктами питания, одеждой, топливом. На помощь извне рассчитывать не приходилось, надеялись только на себя.

Эти бедующие, полуголодные, убитые горем от первых похоронок люди вели в тылу битву за победу и готовы были поделиться последним с теми, кто оказался в ещё более тяжёлом положении.

31 января районная газета даёт ряд материалов о том, как каширяне поддерживают пострадавших от фашистов жителей Московской области. Так, К. Петкевич, председатель правления трикотажной артели, информирует, что коллектив мотального цеха попросил правление отпустить за личный расчёт срыв-пряжу, из которой работницы в свободное время свяжут кофты, свитера, носки, чулки, перчатки и пошлют их тем, кто был в оккупации. Приводятся и другие факты: *«Тов. Яковлева сама побывала в руках мерзавцев и вносит в помощь пострадавшим 10 рублей деньгами. Тов. Фёдорова предложила провести воскресник, средства от которого передать населению пострадавших районов Московской области».*

Рабочие энского железнодорожного узла, расположенного на территории района, провели митинг в коллективе, на котором призвали продолжить сбор вещей в фонд помощи пострадавшим. Об этом — ещё одна заметка «районки» за 31 января 1942 года.

В том же выпуске газета «За электрификацию» информирует читателей, что коллектив Каширской вальцевой мельницы на митинге 28 января принял резолюцию, в которой, в частности, есть и такие слова: *«Чтобы помочь Красной Армии окончательно уничтожить немецких оккупантов, проникших на нашу священную советскую землю, мы обязуемся работать не покладая рук и не считаясь со временем, давать продукции столько, сколько потребуется для нашей доблестной Красной Армии и для полного уничтожения гитлеровских бандитов».*

Одновременно на подарки бойцам Красной Армии, освободившим Московскую область от гитлеровского зверья, мы отчисляем однодневный заработок».

Все военные годы трудящиеся Каширского района будут отправлять бойцам Красной Армии подарки к праздникам — Первомайским, ноябрьским, новогодним, к 23 февраля.

Читать без слёз и восхищения заметки, написанные моими земляками о подарках красноармейцам, я не могу.

Не было семьи, где бы не ждали писем с фронта от отцов, братьев, мужей. Их перечитывали многократно, знали наизусть и желали своим близким скорейшего возвращения с победой. Старались не рассказывать в ответных письмах о своих бедах, работе без выходных, отсутствии средств на покупку обуви и одежды быстро растущим детям. Мальчикам и девочкам, да и подросткам, у менял (городских жителей, преимущественно из Москвы, переходивших с котомками от деревни к деревне) выменивали изрядно поношенные пальто, кофты, платья на картошку, лук, морковь и свёклу со своих огородов. По первости стесняясь, а потом и привыкнув, торговались с менялами, просили уступить то, что по-русски называлось обносками, по сходной цене. Важно было, чтобы запасы питания в доме тоже остались. Не только для себя, но с небольшим «довеском»: для отправки защитникам Родины подарков к праздникам.

29 апреля 1942 года на первой полосе появилась подборка «Трудящиеся шлют бойцам первомайские подарки». Домохозяйка П. Елисеева написала: *«По предложению лучших активисток-домохозяек, проживающих на Мало-Красноармейской улице города Каширы, я взялась организовать сбор подарков дорогим бойцам. Все, к кому бы в дом я ни заходила, с готовностью поддерживали нашу мысль.»*

Домохозяйки Мало-Красноармейской улицы в подарок бойцам Красной Армии посылают 5 десятков яиц, 16 пар носков, 7 кусков туалетного мыла, полотенца, зубной порошок, бритвы, бельё, носовые платки и другие вещи. Кроме того, мы собрали 200 рублей деньгами, на которые хотели бы приобрести папиросы, спички и табак, и всё это послать на фронт».

П. Глухова из сельхозартели «Красная Нива» Токаревского сельсовета поделилась новостью о том, что *«т.т. Гусарова Е. П., Николаева Н. Г., Зиновьева Е. К., Калиничева, Гришина, Иванова, Семичаснова и другие (всего 16 человек) в подарок бойцам Красной Армии к 1 Мая собрали 242 яйца, несколько десятков литров молока. Кроме того, в подарок*

бойцам они сшили кисеты, написали тёплое материнское письмо».

М. Ефремов из Стародубского сельсовета сообщил, что колхозники собрали 1215 яиц и 1420 рублей на подарки воинам Красной Армии.

Пришли подарки в войска и из Барабановского сельсовета. По информации Воронковой, *«колхозники сельхозартели имени Чкалова отправили 440 яиц, 1,5 килограмма масла, 100 литров молока и 700 рублей деньгами. Кроме того, 500 литров молока будет продано государству сверх плана.*

По примеру чкаловцев шлют первомайские подарки бойцам все колхозы Барабановского сельсовета. В сельхозартели «Красный май» собрали 460 яиц, 150 литров молока; колхозники «Образцового труда» посылают 460 яиц, колхозники «Красного знамени» 440 яиц. Кировцы посылают 370 яиц».

Всё, что удавалось дополнительно к заданию получить с полей, заливных лугов, теплиц, ферм, цехов предприятий, артелей и заработать сверх плана, вплоть до Победы труженники села и города зачисляли в Фонд обороны, Фонд Красной Армии.

В отделениях Государственного банка СССР были открыты специальные счета, на которые принимались взносы. В Фонд обороны, созданный 1 августа 1941 года, передавались и личные денежные накопления, золотые и серебряные вещи, авторские гонорары и премии, облигации государственных займов, выигрыши по займам и денежно-вещевым лотереям. Сюда же перечислялись средства, заработанные на воскресниках и субботниках, от продажи урожая, полученного со сверхплановых «гектаров обороны».

По имеющимся сведениям, от советских граждан в период Великой Отечественной войны поступило свыше 17 миллиардов рублей наличными, 13 килограммов платины, 131 килограмм золота, 9519 килограммов серебра, на 1,7 миллиарда рублей драгоценностей, свыше 4,5 миллиарда рублей облигаций государственных займов и других взносов.

По данным Большой советской энциклопедии, на добровольные пожертвования населения было построено более

двух с половиной тысяч боевых самолётов, несколько тысяч танков, 8 подводных лодок и 16 различных военных катеров.

Каширяне не остались в стороне от участия в постройке боевой техники для родной Красной Армии за счёт собственных средств.

25 февраля 1942 года газета помещает заметку учителей начальной школы № 2 «Отчисляем однодневный заработок»: *«Учителя железнодорожной школы города Куйбышева через «Учительскую газету» обратились ко всем учителям Советского Союза с призывом построить танковую колонну «Народный учитель».*

Этот призыв куйбышевцев нашёл горячий отклик и едигушную поддержку в сердцах учителей Каширской начальной школы № 2, где заведующей Н. Н. Троицкая.

Учителя нашей школы обсудили почин своих товарищей и на строительство танковой колонны «Народный учитель» отчисляют однодневный заработок».

Без малого пять месяцев потребовалось на сбор денег по всему СССР и постройку танков: 22 июля 1942 года танковая колонна «Народный учитель» была передана бойцам Красной Армии.

А вот ещё сообщение, от 1 декабря 1942 года: *«На постройку танковой колонны «Московский колхозник», которая будет громить фашистских мерзавцев, — мы не пожалеем ничего, — так сказали лучшие люди МТС.*

Трактористы т.т. Князев, Глинянов, Савельев, Бардин, комбайнёр т. Новиков первыми внесли по 150 рублей.

На сегодня подписка составила 7500 рублей, собрано наличными около 2500 рублей» (Р. Стрибнер, зам. нач. политотдела Пурловской МТС по комсомолу).

Оперативная информация о перечислении денег на постройку танковой колонны «Московский колхозник» поступила из Каширской МТС и колхоза «Огонёк».

«Сообщаю читателям районной газеты и подписчикам на танковую колонну «Московский колхозник», что на текущий счёт № 14 в Каширском отделении Госбанка на строительство танковой колонны поступило 2 миллиона 365 тысяч рублей. Из этого количества колхозы

и совхозы Колтовского сельсовета внесли 159 тысяч, Кокинское 160 тысяч, Тарасовское 261 тысячу, Знаменского 140 тысяч, Аладьинского 90 тысяч рублей. Средства на танковую колонну продолжают поступать». Эту информацию по итогам 1942 года предоставил газете А. Жбанов, управляющий отделением Госбанка.

Прямо скажем, это весомая сумма: на деньги, собранные в Каширском, Коломенском, Кунцевском районах Московской области, построили 23 танка Т-34 и 16 танков Т-70. Колонна «Московский колхозник – 2» были передана в 60-й танковый полк, который был сформирован во Владимирской области и отправлен на фронт.

П. Аверьянов, председатель правления артели «Путь инвалидов», в заметке «На танковую колонну» 5 марта 1942 года написал: «Коллектив артели «Путь инвалидов» откликнулся на призыв переговых артелей о постройке танковой колонны имени кооперации инвалидов.

Мастер т. Якушева, выступая на собрании, заявила:

– Наша родная Красная Армия героически борется с озверелыми фашистами. Дать ей больше танков, вооружения, боеприпасов – такова задача, таковы стремления патриотов социалистической родины. Я поддерживаю предложение о постройке танковой колонны имени кооперации инвалидов и вношу 25 процентов своего месячного заработка.

С таким же одобрением внесённого предложения выступила т. Рыбакова, которая вносит на постройку танковой колонны 20 проц. месячного заработка, т. Селивёрстова вносит 30 проц.

Мастера-сапожники тт. Козлов, Карпов, Степанов на строительство танковой колонны отчисляют по 10–15 проц. месячного заработка».

Кооперация инвалидов СССР к осени 1942 года перечислила на счёт в Госбанке 1 миллион 13 тысяч рублей. 5 танков Т-34, построенные на эти средства, были переданы 36-й танковой бригаде 23 сентября 1943 года.

А в январе 1943 года 31-й танковой бригаде была передана танковая колонна «Москва», средства на постройку боевых машин регулярно поступали и из Каширского района. Ини-

циатива о перечислении денег на строительство танковой колонны «Московский тракторист» также была поддержана каширянами. Активисты Российского общества Красного Креста собрали среди трудящихся района 35 тысяч рублей на постройку эскадрильи санитарных самолётов для Красной Армии. Коллектив Коруыстовского спиртзавода получил телеграмму от И. В. Сталина, в которой говорилось: *«Прошу передать работникам Коруыстовского спиртзавода, собравшим 65500 руб. на постройку танковой колонны «Пищевик», мой братский привет и благодарность Красной Армии» («За электрификацию», 26 мая 1944 года).*

Тыл помогал фронту как мог. Изо всех сил.

1942, 1944

В подборке «Лучшие люди колхоза «Пламя»» 22 сентября 1942 года был опубликован материал «Выработала три годовых минимума».

«В часы короткого летнего отдыха, когда возвращаюсь домой с колхозной работы, с большим интересом слушаю я вести с фронтов Великой Отечественной войны. Там, на юге, сражается мой сын. Вместе с другими бойцами Красной Армии он уничтожает взбесившихся гитлеровских собак.

Мы — в тылу. Но каждый из нас считает своим долгом во всём помогать фронту. 4 тонны зерна сдал в фонд обороны наш колхоз, два с лишним десятка овчин, несколько килограммов шерсти и другие вещи собрали наши колхозники для передачи в подарок бойцам Красной Армии.

С большим упорством трудится каждый из нас, чтобы сельхозартель «Пламя» в районном соревновании колхозов не отстала от других.

Все снопы со 116 гектаров зерновых сложены в стога моими руками. Косила, вязала, скирговала, и на каждом деле хотелось как можно больше сделать за день. Знаю я, что ударный труд в колхозах нужен фронту.

293 трудодня выработала я в нынешнем году на колхозной работе. Это составляет три годовых минимума трудодней, установленных для колхозников. Буду работать ещё лучше,

чтобы наша Красная Армия могла быстрее разгромить ненавистных фашистов». Е. Ахазова, колхозница.

Это моя бабушка, Екатерина Степановна, бессменный член правления колхоза «Пламя», в который она вступила без колебаний и сомнений. Во многих источниках пишут о том, что в колхозы, мол, вступали «голодранцы», желавшие спрятаться за спины других, ибо своё собственное хозяйство вести они были не в силах из-за лени. Не буду судить обо всех — это невозможно. Но с детства помню рассказы бабушки о том, что местная барыня её очень любила за трудолюбие и усердие. Довелось ей в царское время работать, и владелица имениня не раз бабушку отмечала: к престольному празднику Рождества Пресвятой Богородицы (20 сентября), Рождеству и Пасхе подарки дарила. То отрез на юбку или кофту даст, то платок, то целый подол конфет.

Шестерых детей родила. Двое умерли в младенчестве. А когда младшей дочери было полтора года, умер муж, Кирилл Ефимович (так что мама моя, по сути, отца не знала, как память о нём игрушка — деревянный солдат — долго хранилась в семье). Осталась бабушка вдовой в тридцать восемь лет с четырьмя детьми на руках.

Никто не припомнит, чтобы она жаловалась на нездоровье, усталость, бедность, судьбу. Некогда было жаловаться. Работы и в колхозе непочатый край, и в своём хозяйстве: всегда держали кур, овец, корову; огород был 40 соток, и там тоже всегда должен был быть порядок. Иначе урожая высокого ждать нечего. Дети сорняки выпалывали, рыхлили, поливали грядки, окучивали картошку. Убирали выращенное все вместе.

В 1939 году на открытии Всероссийской сельскохозяйственной выставки в составе районной делегации была и моя бабушка, она представляла родной колхоз «Пламя». Так решило общее собрание.

В тот же год финская война началась, старшего сына Ивана, служившего срочную, на фронт отправили, а потом и 22 июня прокатилось грозой.

Сына Павла на войну не взяли — сердце больное, дочь Марию летом уже откомандировали на торфозаготовки,

младшей, Даше, только исполнилось 11 лет, но она во время каникул без выходных работала в овощеводческой бригаде наравне со взрослыми. А каникулы летние в войну заканчивались 30 сентября: взрослых рук не хватало в колхозе, чтобы убрать выращенное с полей, поймы, из садов, вот школьники и помогали.

Каждое утро друг за другом семья расходилась со двора на работу: сначала Павел (всю войну с ранней весны до первого зазимка стерёг деревенское стадо и колхозных коров; падал от усталости, но поднимался и снова от темна до темна уходил в дальние луга, чтобы накормить скотину посытнее), потом бабушка спешила в полеводческую бригаду, а мама моя направлялась на работу в овощеводческую бригаду. Возвращались все приблизительно в одно и то же время. И сразу за дела домашние. Спать ложились почти всегда за полночь. Подъём в четыре утра.

...Поле в 116 гектаров мне было представить сложно, пока я не разложила это число на множители: получился прямоугольник со сторонами 1000 и 1160 метров. Бабушка, будучи в возрасте 49 лет, **одна** на делянке указанных размеров **вручную** связала снопы из ранее скошенных хлебов, сносила их и уложила (опять-таки вручную) в копны. В основании – крестец из 15 снопов, а нередко и больше; крестцов в каждой копне четыре, да в центр ещё сноп ставили. Бывало, что в копну укладывали до 100 снопов зерновых с полными тяжёлыми колосьями.

Были в колхозе женщины помоложе, но на такую работу бригадир всегда ставила бабушку. Не знаю, был ли в том расчёт показать другим, как работают члены правления, но польза для колхоза была, безусловно, большая: иди вслед за Екатериной Степановной – на убранном поле не найдёшь ни единого колоса, лежащего поверх стерни.

...Заметка датирована 22 сентября 1942 года. За неполных три квартала колхозница Ахазова выработала три годовых нормы (этого ни до, ни после неё не сумел достичь в колхозе «Пламя» никто), в оставшееся до конца года время, надо полагать, её результат заметно увеличился.

Теперь бы её назвали трудоголиком, но бабушка, я уверена, такого слова не поняла бы и не приняла. Она работала хорошо, потому что с детства была приучена к этому, она работала лучше всех, потому что в тяжёлой физической работе уходили на задний план переживания и проблемы семейные, то есть в труде она забывалась. Слабые прикладываются к рюмке, сильные духом находят утешение в работе.

Она не была из стали, моя бабушка. Сердце болело за всех четверых детей.

Чистит колхозных лошадей, кормит их, а в ушах гул стоит, свист. Выйдет на улицу, небо пересекают снаряды. Самолёты летят низко. Потом взрывы бомб совсем рядом, на бугре за деревенской речкой. Звуки стрельбы. Это наши ведут бой за деревню Пятница. Стародуб фашисты уже взяли. Елькино тоже заняли, а от него по прямой дорожке до деревни нашей четыре километра. Что будет? Что? Темнеет. А младшая дочка за семь километров в Каширу за хлебом ушла ещё утром (тихо тогда всё было, спокойно), до сих пор не вернулась. Ой, бери-ка лучше вёдра с коромыслом и иди в колодец за водой, Екатерина Степановна, — лошади без воды не могут.

Наступай осторожно, под гору, чай, идёшь.

Приговаривает так сама себе, а дело делается, и о плохом думается меньше.

Перепуганное насмерть дитя вернулось с хлебом уже потемну домой и только тогда узнало, что враг к ним подступил почти вплотную.

Отогнали врагов, но продолжается война. Как там Иван? Жив ли? Не ранен? Всякие мысли в голову лезут: каждый день тысячи солдатиков гибнут. Уцелел бы, родимый...

Он уцелеет, но никогда не расскажет матери о том, что побывал в самом пекле Великой Отечественной. Младший сержант Иван Ахазов, военный водитель 18-го гвардейского миномётного Мгинско-Померанского Краснознамённого орденов Кутузова и Александра Невского полка, боевое крещение принял на южном берегу Крыма. Воевал под Керчью, Новороссийском, принимал участие в Сталинградской битве и окончательном снятии блокады Ленинграда. Освобождал Иван Прибалтику, Белоруссию, Польшу и закончил свой

боевой поход в городе Росток, в Германии. Не захочет старший сын волновать сердце матери, беречь былое. Но это будет потом, в 45-м, а пока Екатерина Степановна вяжет снопы и просит небесных заступников уберечь Ивана от беды.

От Маши никакой весточки нет. Девичье ли это дело — торф заготовливать? В резиновых сапогах да в чинёной-перчинёной одежонке, в рукавицах брезентовых. Слыхала, что живут там впроголодь, в дощатых сараях, приспособленных под общежитие. Ни выспаться, ни отдохнуть.

Пашина доля незавидная: от зари до зари на ногах. И под дождём, и в зной ни присесть, ни прилечь — за скотиной глаз да глаз нужен. Ноги болеть стали. Опухают суставы. От сырости, от потных портянок. Парить, старые люди говорят, с сеном требуется, и подольше. Господь даст, пройдёт всё.

Распрямит спину, остановится, пот оботрёт с лица — поднажать надо, уж день к вечеру клонится, а снопов ещё на пару копёшек...

Поднатужится, прибавит темп — да и управится вперёд всех. Сорвёт придорожных цветов, сложит в букетик и любит им — даром, что из цикория, зверобоя, мальвы и иванчая, яркий какой получился! Потом в избе на столе этот букетик будет стоять, глаз радовать. С ранней весны до поздней осени каждый день цветы в доме бабушка меняла — так любила природную естественную красоту.

...Устала от непомерной работы на уборочной, а ноги домой несут чуть ли не бегом. Позавчера Даша с поля пришла, руки-ноги красные, воспалённые. Поначалу думали, что на солнце обгорела. Холодной водой поливала их, поливала, полегчало, а к утру волдыри надулись и лопаться стали, жар начался. Нет, не от солнца это. Потом-то выяснилось: всему причиной сок пастернака.

Посеяли в колхозе пастернак. Много у него целебных свойств: и для сердца хорош, и при простуде, и при болях в желудке. Решило правление разводить пастернак на семена и семена те продавать другим хозяйствам, сдавать государству. Выросли когда посева, резали их серпом, охапками носили, в кучи складывали, потом семена собирали. Целая

бригада ребят деревенских на пастернаке работала, только у её дочери ожог от сока целебного растения случился.

Вот и у крыльца уже...

Обошлось всё. За месяц залечили болячки, но очень тяжело было. Какие в деревне врачи? Нет их, и не было никогда. Думали-думали деревенские старушки, чем Дашу лечить, присоветовали сливочным маслом смазывать обожжённые места. Так и делала в день несколько раз. Поскольку лишилась семья одного работника на долгое время, то распорядилась председатель колхоза ежедневно выдавать по пол-литра молока, на поправку.

18 августа 1944 года Д. Агапов, председатель Колтовского сельсовета, в заметке «Жатками и вручную» сообщил: *«Жатками и вручную убирают урожай в колхозе «Пламя» Колтовского сельсовета.*

С утра до позднего вечера работает звено косарей. Возглавляет его Митин Д. Ф. Вслед за ним идут Титова Ольга, Родина Евдокия, Ефремова Прасковья, Ахазова Екатерина. Каждый из них ежедневно перевыполняет норму. Если в первые дни они скашивали по 0,52 га, то сейчас ежедневно скашивают урожай с 0,70 га».

Сегодня вряд ли кто представляет, как можно косить зерновые косой-литовкой, да ещё с деревянными грабельками или металлическим крюком (они крепились на косе для того, чтобы скошенные зерновые ложились ровными рядами). Женщинам, оставшимся в колхозах основной рабочей силой, приходилось в военные годы делать и это. В поле были уже с рассветом, заканчивали покос не раньше десяти часов вечера. Помногу не отдыхали: погода быстро может перемениться, а начнутся дожди — жди потерь в урожае.

Однажды, вернувшись с поля, бабушка, по обыкновению, с вечера занялась подготовкой косы к следующему рабочему дню. Вымыла, досуха обтерла, взяла брусок и принялась точить лезвие. Натруженная рука не удержала брусок, он соскользнул, упал на землю. Правую ладонь защепаило, сердце от боли зашлось, в глазах потемнело... Вскрикнула.

Листья опорезанной травы (так в деревнях называют тысячелистник) моя мама скатывала в шарик, держа его над бабушкиной ладонью, она же сидела на тёплой траве под вишней и, казалось, прямо здесь готова была заснуть — из раны вытекала как будто не только кровь, но и остатки сил. Мама спешила, пальцы не слушались, но несколько капелек сока попали в рану, потом ещё, ещё. Бабушка согнула большой палец и прижала его к середине ладони, остальные крепко сложила в кулак.

Рана оказалась очень глубокой и сильно кровила. Как только рука была перевязана чистой тряпочкой, бабушка сразу же ушла в дом и легла. Вряд ли она крепко спала в ту ночь, но утром встала как обычно, с первыми петухами. Сама промыла порез соком тысячелистника и поменяла повязку, затянув потуже. Выпила стакан чайного гриба и пошла на работу.

В этот день, как и в предыдущий, Екатерина Степановна Ахазова скосила косой-литовкой с крюком пшеницу с 70 соток колхозной нивы.

Ей был 51 год.

Тысячелистник — трава чудодейственная, рана затянулась. Боль прошла не сразу, но была терпимой.

2 ноября 1944 года на первой странице районной газеты «За электрификацию» были опубликованы «Итоги социалистического соревнования по профессиям в сельском хозяйстве за 1944 год»: *«Звание лучшего косца района присвоено по Колтовскому сельсовету... членам колхоза «Пламя» Е. В. Митиной, О. Г. Титовой, Е. И. Прониной, П. Н. Ефремовой, Е. С. Ахазовой, О. Е. Гуськовой».*

Бабушка снова была названа в числе лучших.

Автор искренне благодарен **Михаилу Гаврилину** за помощь в подготовке и создании текста.

Продолжение следует.

При написании материала использованы:

1. Советский энциклопедический словарь / Гл. ред. А. М. Прохоров. 2-е изд. – Сов. энциклопедия, 1983. – 1600 с., ил.
2. Фонд обороны // Большая Советская Энциклопедия: [в 30 т.] / гл. ред. А. М. Прохоров. – 3-е изд. – М.: Советская энциклопедия, 1969 – 1978.
3. Газета «За электрификацию», 1941 – 1944 гг.

В газетных публикациях сохранены лексика, орфография и пунктуация авторов.

Лариса Калюжная

г. Санкт-Петербург

ПИСЬМА С ФРОНТА

Несколько пожелтевших листков бумаги хранила моя мама (Ольга Васильевна Ковалёва, урождённая Чичигина) всю жизнь. Теперь храню их я. Эти листки – письма с фронта от маминого брата Коли.

Николай Васильевич Чичигин пропал без вести во время войны. На двух последних его письмах стоит дата: 31 августа 1941 г.

Все мамины запросы в архивы, поиск через газеты и письма по месту службы брата не дали никаких результатов. А ей так хотелось узнать хоть что-то о Колиной судьбе, поклониться его могиле. И только совсем недавно, когда мамы уже не стало, мне удалось найти на сайте «Память народа 1941–1945» несколько строк о нём: «Донесение о потерях: пропал без вести 08.43 г. на Курской Дуге (танкист)».

Дата 08.43 очень странная и загадочная: почему за два года, со времени получения последнего письма от 31.08.1941 и до «пропал без вести 08.43 г. на Курской Дуге» не было от маминого брата ни одной весточки? Возможно, это какая-то ошибка? Но извещение о том, что Коля пропал без вести, семья, действительно, получила то ли в 43-м, то ли в 44-м году, точнее мама не помнит. А может быть, он попал в окружение или был тяжело ранен и потому не мог написать?

Наверное, для мамы там, в Вечности, это уже не тайна... А для нас, живых, она оставила воспоминания, многие строки которых посвящены дорогому любимому брату.

Коля, мой старший брат

«Мой старший брат Николай был лучшим учеником в школе, его любила учительница, даже дарила ему свои рисунки. Летом он играл с друзьями в лапту, городки, бабки, ходил в лес за грибами и за ягодами. Помогал родителям дома и в поле. В праздничные дни ходил в церковь. После окончания начальной школы он очень хотел учиться дальше, но в 1931 году нас раскулачили и как сына «лишенца» его не приняли в пятый класс. Перед своим арестом папа успел отправить сына из деревни Притыкино, где мы жили, в Москву, к свояку. Дядя Саша был сапожник и взял Колю в качестве подмастерья обучаться сапожному делу. А нас, маму, меня и мою младшую сестру, папа отвёз в город Кимры. Нас там приютила мамина сестра. Два года папа провёл в ссылке и тюрьме. Вернулся уже больным и слабым.

После учёбы Коля работал сначала в артели обувщиков «Промкооператор» города Кимры. Заработки там были небольшие и наша семья жила в то время плохо, мы голодали. Примерно в 1937 – 38 году Коля стал работать в обувной артели г. Москвы. Он брал там заготовки и шил дома туфли, а потом отвозил их в артель. В Москве заработки были получше, и нам стало жить легче. Коля купил себе костюм, у него появились красивые галстуки. А какие туфли он мне шил! У меня были модные туфли бежевого, чёрного, красного, синего цвета! Помню, как ранней весной он шил туфли на улице и пел песни: «Дуню-тонкопряху», «Коробейники» и другие.

Коля был добрым, общительным парнем, у него было много хороших друзей. Была у него любимая девушка Тоня.

Наш папа умер 2 мая 1939 года. Брата в это время дома не было. Когда он пришёл, папа уже лежал одетый в переднем углу, под иконами. Коля встал перед папой на коленки и очень плакал. После смерти папы Коля всеми силами старался поддержать семью. Часто шил обувь по ночам, ложился спать поздно. Он всех нас очень жалел.

В 1939 году, в ноябре месяце, брата моего призвали в армию. Организовал он проводы. Пригласил друзей. А я даже

за столом не сидела: весь вечер очень плакала. Как будто бы знала, что вижу его в последний раз.

Служил Коля в танковой части на Украине, у западной границы. Письма он нам писал часто. Они полны были заботой о нас.

Один раз, когда я уже работала учительницей, брат попросил меня прислать ему 20 рублей, чтобы поставить зубные коронки. А я не выполнила его просьбу... Написала, что все деньги отсылаю маме. Денег у меня, действительно, не было. Я получала 240 рублей зарплаты, из них 100 рублей платила хозяйке за питание и за квартиру. Выкупала сахар, хлеб и керосин. Оставшиеся деньги высылала маме, потому что она не работала, а младшая сестра ещё училась. У мамы Коля постеснялся попросить. Я до сих пор не могу себе простить, что не выслала ему эти деньги! Могла бы занять и послать.

Мы очень ждали возвращения Коли из армии. Особенно мама скучала о сыне, переживала за него. В мае месяце 1941 года я вернулась из Николо-Ям домой в свой очередной отпуск. Туфли мои требовали ремонта. Я написала об этом Коле. 14 июня 1941 года от него пришёл ответ: «Если в жизни моей будет счастье вернуться домой, то я сошью тебе красивые туфли, и не одни». Осенью 1941 года Коля должен был демобилизоваться. А 22 июня началась война. Эта страшная весть нас всех потрясла.

В первые же часы войны Коля участвовал в боях с фашистами. Немного писем довелось ему написать с фронта, из самого пекла жестоких схваток с врагом. С первых дней войны он верил в победу. На двух его последних письмах стоит дата: 31 августа 1941 г. Больше писем не было. А потом пришло страшное извещение: «Пропал без вести». Мама плакала и ждала, ведь надежду не убьёшь, как человека, она живёт долго-долго...

Письма, написанные рукой брата, не дают мне покоя. Кажется, что они взывают его голосом, чтобы мы помнили, какой ценой завоёвана Победа».

Письмо Николая Васильевича Чичигина от 6 июля 1941 года

«Привет с фронта.

Добрый день. Здравствуй, дорогая мама и сёстры Оля и Лида. Шлю я вам всем горячий красноармейский привет. Крепко вас всех обнимаю и целую и сообщаю вам, что я жив-здоров. Участвовал в первых боях первые 12 дней войны. Что я видел, даже описать не могу. Военные силы врага насыщены хорошей техникой, так что бороться с ним надо не спустя рукава, а засучив их по локоть, бить по озверелой бесстыжей свиной роже. Мама, разок я попал в окружение, так что насилиу из его кольца вышел. Жизнь моя была на волоске. Снаряды и пули свистели возле меня, но на сегодня, 6 июля в 8 часов вечера, жив-здоров, как и был раньше. Сейчас я нахожусь на отдыхе на советской стороне, местечко Сам-городок. Когда мы проезжали через сёла, жители встречали нас цветами и просили, чтобы мы быстрее отразили врага. Мы будем бить фашистов так, чтобы запомнили навсегда.

Мама, обо мне не тужи, видно, пришло такое время. И не расстраивайся, своим печалием ничего не сделаешь. Если быть живым, то, значит, буду, если не быть, так, стало быть, моя судьба такая.

С приветом, ваш сын, брат, Коля!

Целую я вас ещё раз и крепко-крепко обнимаю. За тем прощайте.

Адреса пока нет. Привет знакомым и родным. Н. Чичигин».

Письмо Николая Васильевича Чичигина от 31 августа 1941 года (маме)

«Привет с фронта!

Мама, прошу Вас, чтобы обо мне много не беспокоились и себя не расстраивали. Живите, работайте, как и прежде. А я был призван в армию учиться, чтобы бить врага. Время учёбы прошло, а теперь наступил тот час, когда нам выпало

счастье защищать нашу Родину. Будем бить фашистов и истреблять их до конца! Мама, я Вас заверяю: врага разобьём, победа будет наша. И надеюсь, что мы с Вами встретимся, и будем жить на славу. Целую я вас, мама, Оля, Лида. С приветом, Ваш сын Коля.

Адрес на 31.08.41 г.:

Действующая Красная Армия, почтово-полевая станция 76, п/я 15/6».

Письмо Николая Васильевича Чичигина от 31 августа 1941 года (сестре)

«Привет с фронта.

Добрый день!

Здравствуй, родная сестра Оля. Шлю я тебе свой горячий фронтовой братский сердечный привет. Оля, во первых строках моего письма сообщаю, что я жив-здоров, чего и тебе желаю. Оля, сообщаю, что письмо твоё получил 28.8.41 года, за которое выражаю тебе большую благодарность. Письму был безгранично рад. Сама знаешь: если кругом бьют снаряды, рвутся мины, раздаётся рёв моторов, а в руках твоё письмо. Меня очень обрадовала весточка со своей родины, из дома. Оля, ты бы знала, как я читал твоё письмо, каждое слово было слаще, чем ложка мёда. Дорогая сестричка, меня очень обрадовало, что ты помогаешь колхозникам убирать лён. Это трудовой фронт. Для армии необходим хлеб и лён. Ваш фронт неотъемлем от нашего, в этом и есть успех скорой победы над гнилым коварным фашизмом. Эта мразь грязная скоро будет уничтожена до конца, и фашизм никогда больше не возродится, и ему будет поставлен крест. Оля, новостей я особо не имею, а насчёт хода боёв наших с фашизмом вам ясно из газет. Я думаю, что ты человек грамотный, должна понимать. До свидания.

Оля, я получил письмо от мамы 24.8.41 года, а ей послал 28.8.41 года. Погода стоит у нас пока тёплая. Поздравляю тебя с праздником. Привет от меня всем вашим знакомым и товарищам по твоей работе.

Мой адрес:

Действующая Красная армия, почтово-полевая станция
76, п/я 15/6.

Н. Чичигин.

Жду ответа.

Оля, получишь письмо — сообщи маме, а то, возможно, письмо для мамы может где задержаться или ещё что. Я о ней беспокоюсь. Она, наверное, очень тоскует».

За полчаса до смерти

И ещё одно письмо с фронта, переписанное от руки в тетрадку, бережно хранила моя мама. Это письмо получила мамина подруга от брата, Сергея Моисеевича Пузыревича. До войны они все трое учились в Кимрском педучилище. Отец Пузыревичей был священником, настоятелем храма. За взятие города Кюстрин (Польша) ст. лейтенант Пузыревич Сергей Моисеевич был награждён Орденом Отчужденной войны II степени (приказ от 3 апреля 1945 г.) Это почти всё, что я знаю об авторе письма, которое он продиктовал за полчаса до смерти, в день Победы, 9 мая 1945 года.

«Дорогая сестричка! Завещаю тебе, как старший брат, все силы отдать учёбе. Слушайся маму, помогай ей. Она отдала нам свою жизнь... Не давай плакать маме. Хотел жить, но, видимо, не придётся. Вот сейчас за дверью палаты поздравления с Победой... Мечтал и я об этом дне. Физически я никогда не могу поздравить с Победой, для достижения которой я отдал все свои лучшие годы, молодость, мечты и жизнь. Я люблю нашу великую Родину. Она именно такая, какая нам нужна, другой такой нигде нет. Умирать я не боюсь, как не боялся с первых дней войны нигде и никогда... Ты знаешь, как это случается: просто не хватает воздуха. Лежишь и чувствуешь, как приближается смерть — последние минуты жизни. У Пушкина есть замечательные слова:

И пусть у гробового входа
Младая будет жизнь играть,
И равнодушная природа
Красою вечною сиять...

Так вот, за окном сейчас ласково светит солнце, веет ветерок. Только до меня им уже нет никакого дела... Я не верю, что проживу ещё час. Спасибо медсестре, которая пишет это письмо. Планы мои сорвались, а были они так богаты, как богата наша страна. Прощай, сестричка! Не забудь же свою жизнь отдать Родине, свой труд — утешению матери. Смерть не страшна: я честно жил и воевал за свободу нашей великой Родины. Прощай, Родина! Прощайте, все мои родные...»

Сергей Моисеевич был тяжело ранен осколком снаряда в правую сторону грудной клетки. Похоронен на восточной окраине госпитального кладбища г. Шверин (Германия) по дороге в Познань.

В тексте сохранены орфография и пунктуация авторов.

ВЫСОТА 173.1

В этом году наша страна отмечает 75-летие со дня Победы. Три поколения отделяют нас от священной даты 9 мая 1945 года. Уже нет в живых многих наших близких старшего поколения, которые ждали с войны своих отцов, мужей, сыновей, братьев, вопреки всему верили в чудо... Но в семейных архивах по-прежнему бережно хранятся пожелтевшие письма-треугольники, похоронки, фотографии погибших на войне родственников. Очень часто о них нет никаких сведений, кроме коротких строк «пропал без вести» или «погиб, место

захоронения не известно». И теперь уже их внуки и правнуки, сохраняя связь поколений, шлют запросы в архивы, ищут информацию в электронных банках документов, надеются и верят, что наступит день, когда можно будет поклониться могиле деда или прадеда.

В сентябре 2019 года в бояриновскую библиотеку был доставлен большой увесистый пакет. Заведующая библиотекой Татьяна Петровна Беляева сразу же созвала всех, кто с нетерпением ожидал эту посылку. Трудно описать волнение и трепет, с которыми мы вынимали и передавали друг другу то, что в ней находилось! Всем казалось, что самое важное попало именно в его руки, хотелось вслух поделиться своими открытиями и эмоциями. Что же содержалось в этом пакете? Но обо всём — по порядку.

Все жители Бояринова и близлежащих деревень знают, что такое стратегическая высота 173.1 (на месте бывшей деревни Гора) неподалёку от деревни Чайки. Она была одним из звеньев северной части немецкой хорошо укрепленной линии «Пантера», казавшейся неприступной. С декабря 1943 года по июль 1944 наши войска пытались прорвать оборону противника на идрицком направлении, оттягивая на себя огромное количество техники и живой силы врага. Немцам пришлось перебросить именно на этот участок сражений до десяти дивизий с Ленинградского фронта, что позволило полностью прорвать блокаду Ленинграда в январе сорок четвёртого года.

В марте сорок четвёртого за высоту 173.1 шли особенно упорные бои с большими потерями живой силы и техники. Убитых солдат хоронили в братских могилах неподалёку от места гибели, в том числе возле населённых пунктов Гора и Косогор.

В 1944 году в деревню Аверинская Вологодской области Мизинцевой Анне Фёдоровне пришло извещение, что сын Михаил пропал без вести. В ответ на запрос родители получили похоронку: «На Ваше письмо сообщаем, что Мизинцев Михаил Ананьевич в боях за Родину, верный воинской присяге, погиб в борьбе с немецкими захватчиками 15 марта

1944 г. под деревней Гора Идрицкого района Калининской области (ныне Псковская область). Командир части подполковник Мараховский».

Сведения о месте захоронения родные получили из районного военкомата, которым призывался Михаил Ананьевич: д. Косогор (северо-восточное направление, 900 метров, на опушке леса) Первомайского сельсовета (Чайкинский сельсовет). В 1955 г. останки военнослужащих воинского захоронения д. Косогор были перезахоронены в братскую могилу д. Жеглово (Бояриново) Себежского района.

311 воинов и партизан покоятся в братской могиле нашего села. Фамилия, имя, отчество, звание, дата гибели — вот и всё, что мы знаем о большинстве из них, и лишь о немногих хранятся дополнительные сведения в деревенском музее. Есть ещё три фотографии, выполненные на керамике. Их совсем недавно привезли родственники и укрепили на стене с именами воинов. Что-то важное происходит в душе, когда вглядываешься в эти мужественные лица вчерашних мальчиков, видишь устремлённый на тебя взгляд из Вечности.

В этом году к трём фотографиям добавилась ещё одна, четвёртая, она находилась в том самом пакете, который был доставлен в бояриновскую библиотеку. Ещё там лежали альбомы, копии писем и другие бесценные документы о боевом пути младшего сержанта Мизинцева Михаила Ананьевича, которые собрал его племянник Михаил, названный так в честь своего дяди. С какой благодарностью перелистывали мы присланные материалы и вчитывались в них! Понятно, что собирались они по крупицам не один год. Были здесь и документы, с которых гриф «Секретно» снят не так давно. Они подробно описывают движения частей армии в нашем Себежском крае.

За рукописными отчётами с фронта стоят судьбы солдат. Как больно читать донесения о безвозвратных потерях с многократными: убит, убит, убит... Официальные документы перемежаются с письмами, тем ярче и трагичнее встаёт перед нами картина сражений, которые велись недалеко от нашей деревни. Кажется, события разворачиваются

прямо перед нами: молоденький младший сержант и его боевые товарищи совершают марш-бросок где-то совсем рядом, в нашем лесу. Грохот взрывов раздавался там, где мы теперь мирно собираем подберёзовики и чернику. Подлинная история проходит перед нашими глазами в этих сводках, документах и в особенно дорогих свидетелях страшных и великих событий — письмах с фронта.

В письме Михаила Ананьевича от первого января 1944 года содержатся строки о чудовищных последствиях карательных экспедиций в наших краях: «Воюем в белорусских лесах. Леса такие же, как у нас... Из вагонов высадили, и путешествовали мы десять суток, спали мало. Все шли. Не видел ни одного дома, всё сожжено».

Второго февраля сорок четвёртого он пишет: «Нахожусь на передовой, живу хорошо. За это время пришлось побороться одному против одиннадцати и был под таким свинцовым дождём, но всё-таки вышел победителем. После этого перебою всё опять спокойно».

Последующие письма сообщают: «С ожесточёнными боями продвигаемся вперёд. Пришлось видеть, как рядом со мной погибают товарищи от фашистских пуль и снарядов. Но мы с Сашкой пока ещё живы и здоровы, но и наша жизнь такая же... лазим из воронки в воронку. В настоящее время нахожусь в разведке. Здесь житьё хорошее. Землянку отрыли, тепло, каждый день лазим к фрицу под нос, как дома охотились на зайцев. С часу на час ждём задания. Предстоит пройти за сутки в полном боевом снаряжении 50 км без отдыха...»

Именно в бою за деревню Гора (высота 173.1) и погиб младший сержант Михаил Мизинцев 15 марта 1944 года.

В своём последнем письме от 9 марта он пишет: «Через час идём в наступление, уже артиллерийская подготовка началась. Не знаю, какая меня судьба ждёт. Писать более нечего». Это было самое короткое письмо.

14 марта 1944 года родители послали очередное письмо своему сыну на фронт. Через три недели оно вернулось домой вместе со страшной вестью...

Жители деревни Бояриново – и стар и млад – собираются у братской могилы, чтобы почтить павших воинов, 22 июня (День памяти и скорби), 12 июля (день освобождения деревни и всего района от оккупантов) и, конечно, 9 мая – в этот День рядом стоит и наш деревенский Бессмертный полк.

Возле братской могилы строится храм Владимирской иконы Божией Матери. Жители деревни дали ему второе название: «Храм воинской славы» – в память об ожесточённых боях за освобождение района от немецко-фашистских захватчиков и о партизанском движении, зародившемся в нашем крае, а также о воинах, которые нашли здесь вечный покой. Возводится он на пожертвования простых людей со всей России, от Калининграда до Владивостока. Во время молитвы, по четвергам, здесь прочитывается имя каждого из 311 бойцов, павших на нашей земле за Отечество.

Владимир Карасов

г. Чита, Забайкальский край

МОЙ ДЕД – МЕЧТАТЕЛЬ

Я солнце в детстве рисовал
по дедовой медали.
«Ты, деда, мне не рассказал,
за что такую дали?»
С трудом достав рукой кисет
(беспалой, непослушной),
Он посмотрел на мой «Рассвет»
с усмешкой добродушной.

В глаза въедался дым махры —
махрою дед был грешен, —
Пригладил мне мои вихры
и отвечал неспешно:
«Ты их возьми и сбереги —
и орден, и медали...
За что — за что... А вот за то —
за то, что мы мечтали!

Об этом и была мечта
в землянке и в окопце —
Что ты возьмёшь мою медаль
и нарисуешь солнце,
И мельничное колесо,
и колесо для брички,
Подсолнух, и арбуз большой,
своей сестрёнки личико...

Что сможешь с нею рисовать
и круг ржаного хлеба,
Велосипед, футбольный мяч,
и радугу в полнеба,

И лунный диск, и спутник наш,
 летающий вокруг света,
И шар земной, и циферблат,
 и Герб Страны Советов...

И я мечтал, и весь народ,
 чтоб жизнь ты рисовал
И чтобы весь фашистский сброд
 тебе не помешал...»
Дед, умилясь, глядел опять
 на творческие муки
И похромал во двор — занять
 простреленные руки.

2013 г.

ВЛАДИМИР КАРАСОВ

Софья Кочегарова

г. Моршанск, Тамбовская область

ФАМИЛИЯ НА ПАМЯТНИКЕ

Здравствуйте, меня зовут Софья Кочегарова. Моя фамилия не такая звучная, как Алигер, и не такая красивая, как Бенуа, она говорит сама за себя и напоминает о рабочем происхождении первых её носителей. Когда меня в начальной школе дразнили кочегаром, мне было обидно и непонятно, зачем мама свою яркую, запоминающуюся девичью фамилию сменила на прозаическую фамилию отца, но, когда я стала старше и узнала семейную историю, я поняла, что важно не какая у тебя фамилия, а какой ты сам.

Я хочу рассказать вам о жизни незнакомого мне, но родного человека и о том, ради чего действительно стоит жить.

Мои родители были в браке около девятнадцати лет, и за это время многие родственники стали общими. Прадед Кочегаров Сергей Иванович всегда считался пропавшим без вести, но это было до тех пор, пока не вмешалась моя мама. Она любит историю, наверное, даже слишком, иногда нам с сестрой хочется, чтобы мама любила её чуть меньше. Конечно, она не могла пройти мимо такой загадки: что случилось с нашим прадедом? Она вышла на местных поисковиков и благодаря им получила ответы на многие вопросы.

Оказывается, мой прадед воевал под Сталинградом и похоронен в Калмыцких степях в посёлке Хулухта. Там есть мемориал, памятник, на котором высечены фамилия, имя и отчество прадеда, а школьный поисковый отряд носит имя Сергея Кочегарова. С этого момента о том, где воевал мой прадед, я слышала от родителей достаточно часто. Мама уговаривала отца съездить к месту захоронения, она считала, что это важно, отец говорил, что, может, и важно, но дорого. Мама даже хотела съездить туда сама, взяв с собой только меня и сестру, но я была маленькая, часто болела, да и мама работала, поэтому наша поездка всё откладывалась. Потом

родители разошлись, и после развода несколько лет всем было не до прошлого.

Теперь, когда я стала старше, я смогла всё осмыслить сама. Мама часто говорит, что можно хотеть, можно стараться строить планы, но при этом не двигаться с места. Я двигаюсь. Я по крупицам восстановила историю жизни моего героического прадеда с простой фамилией Кочегаров.

Сергей Иванович Кочегаров родился в селе Плоская Дубрава в пяти километрах от города Моршанска Тамбовской области в 1913 году. Работал кочегаром на Канифольном заводе, проживал с женой Марией и детьми Ниной, Галиной, Виктором в заводском посёлке. В первые дни войны был призван на фронт (к тому времени у него уже была за плечами финская война).

В летописи Великой Отечественной войны есть немало страниц, описывающих героизм советского солдата. Одной из них является защита воинами 28-й армии Астраханского направления на левом фланге Сталинградского фронта. На этой странице есть имя и моего прадеда Сергея Кочегарова. В кратчайшие сроки в Астраханском округе по решению Ставки Верховного Главнокомандования была сформирована 28-я армия, перед которой поставлены задачи: остановить противника на дальних подступах к Астрахани, в ходе оборонительных боёв изматывать его силы, освободить столицу Калмыкии Элисту и обеспечить оказание помощи Сталинграду водным и железнодорожным транспортом. Важным дополнением стало введение в состав гвардейской стрелковой дивизии (в составе 28-й армии) отдельного учебного батальона, который позволял готовить младших командиров и бойцов до введения в состав боевых подразделений. В ходе тяжелейших оборонительных боёв на дальних подступах к Астрахани, благодаря беспримерному мужеству и стойкости воинов 28-й армии, гитлеровские войска были остановлены в 120 км от города в районе посёлка Хулухта. Может быть, я никогда бы не узнала о нём, если бы не искала информацию о боевом пути своего прадеда, который, оказывается, участвовал в самых кровопролитных боях на том направлении.

12 декабря мобильная группировка противника (по оценке советских офицеров, до двух батальонов мотопехоты и 25 танков) скрытно вышла в тыл ударной группировке 28-й армии «по южной дороге Пески Бузги – колхоз Ширяева» и внезапно атаковала 902-й стрелковый полк. В ходе двухчасового боя некоторые подразделения отразили атаку противника, но учебный батальон понёс большие потери – 77 убитых, 96 раненых, 146 пропавших без вести...

В конце двадцатого века на этом месте, примерно в двух километрах от посёлка Хулухта, на левой стороне дороги А154, был построен мемориал. Он состоит из обелиска, стремящегося вверх, и нескольких братских могил. К обелиску идёт лестница, как будто это ступени, по которым убитые восходили на небо. У подножия этой лестницы написано:

Славным защитникам Родины
от трудящихся Калмыцкой АССР

На самом обелиске надпись на двух языках:

Асхрсн цуснь заляр мөнкрж
Алтн булгар теегтэн падрна

За Отчизну пролитая кровь
Навеки в памяти священна

Многие из тех, кто сегодня покоится в братских могилах, были найдены недавно, они, как и мой прадед, считались пропавшими без вести, а значит, их семьи не получали никаких пособий, положенных семьям погибших на фронте, и заслуженных почестей.

Весь комплекс находится на степной, полупустынной земле, и сами братские могилы тоже на песке. Как же, наверное, было страшно парням из наших цветущих и зелёных сёл умирать на этой голой земле. Как, наверное, заметало их тела ветром с грязным кровавым песком. Они прошли всё это для того, чтобы их дети жили, чтобы у детей родились свои дети

и внуки, они отдали свою жизнь, чтобы во всех наших городах и сёлах продолжалась жизнь.

Мы давно распечатали портрет Сергея Ивановича и на 9 мая берём его с собой на шествие Бессмертного полка вместе с портретами других прадедов — Сапожникова Якова Алексеевича и Финоженка Нестера Мелентьевича. Начали мама и бабушка, а теперь я делаю это сама, по своей воле, маме больше не нужно мне напоминать. Лет семь точно, наверное.

И вот спустя столько времени мой папа решил, что он должен там побывать, где захоронен его дед, где кровью деда обозначена на земле часть истории его семьи. Для этого ему пришлось поехать в Астрахань, а оттуда в Калмыкию.

Когда мой папа приехал туда и увидел мемориал, то понял, как высоко ценится здесь подвиг его деда, моего прадеда. Он поклонился памятнику и подвигу всех, кто погиб вместе с его дедом. Долгое время здесь не было совсем ничего, только безымянное воинское захоронение в песках. И это достойно уважения, что жители Калмыкии помнят о подвиге бойцов учебного батальона, отдают им честь, салютуют и приносят цветы.

В поездку с собой он взял горсть земли («земельку», сказал отец) с того места, где жил Сергей Иванович Кочегаров, и высыпал её на песчаную почву братской могилы. Я, если честно, не знаю об этом обычае, наверное, это как для былинных богатырей «землица русская», которая силу придаёт.

У моего прадеда Сергея Ивановича Кочегарова осталось не так много родственников, многие из них уже умерли, многие, может быть, нам не известны. В чём я уверена, так это в том, что я не просто горжусь своими корнями, я горжусь всей своей семьёй и фамилией, которую носил до меня мой героический прадед.

Надежда Кульчицкая

г. Москва

В ДЕТСАДУ РИСОВАЛА ПОБЕДУ

*Памяти моего отца ПАНКРАТОВА НИКОЛАЯ ФЁДОРОВИЧА,
добровольно сменившего смычок на винтовку и ушедшего из оркестра
филиала Ленинградского театра оперы и балета им. С.М. Кирова
защитить Родину.*

Погиб под Колпино 20.12.1941 в районе деревни Мокколово.

В детсаду рисовала победу:
Как из пушки стреляет салют!
И мечтала, что с мамой я еду
К нам домой, в Ленинград, где уют.

Мы дождались победного мига
И приехали в город родной,
Только счастья желанного крика
Не услышала я. Всей душой

Обнимая любимые шпили,
Фонари и ограды мостов,
Со слезами смотрела могилы
Не пришедших с победой бойцов.

Среди них одного я искала,
Кто когда-то ласкал и любил.
Папа, папа! Зачем же так рано
Ты покинул семейный наш мир?

Твоя скрипка молчит, не играет
(А мы с мамой её сберегли!).
Я спала с ней в обнимку, не зная,
Что ты обнят руками земли...

Знала с детства я: беженцы, скрипка,
Нет обеда, враги и страна, —
Сочетание слов было слитно,
И к ним — ЖУТКОЕ слово ВОЙНА!

26.05.2019

БЛОКАДУ СНЯЛИ

Блокаду сняли! Только через щели
В теплушку вдруг пробился солнца луч.
В ней тесно и темно, когда закрыты двери,
А небо обложила стая туч.

Буржуйка топится, в углу — солома,
И я на ней калачиком лежу.
Блокаду сняли! Скоро будем дома! —
Я про себя неистово твержу.

Приехали! В распахнутые двери
Ворвался воздух счастья и добра.
А где соседи? — да вот... не сумели
Дожить до встречи... Умерли вчера.

Рояль открыла мама (ведь играла!),
Набросилась на клавиши, но вдруг
Упала на руки и горько зарыдала,
Не отнимая от рояля рук.

Молчит рояль. Шопена я не слышу.
Колки просели! Где же силы взять!
— Ты, мамочка, очнись! Мы — дома! Слышишь?
— Слышу, — сказала мама и опять — рыдать!

Она сумела всю войну не плакать.
Сдавала кровь для раненных в бою,
Но раненый рояль пробил наотмашь, напрочь
Из воли сотканную прочную броню.

09.05.2019

Денис Минаев

г. Коломна, Московская область

ВАСИЛЬ-АКА*

— Дениска, стой. Стой, тебе говорю! — кричала молодая женщина вслед восьмилетнему сыну.

Мальчишка со всех ног мчался по двору к гаражу, где только что завёлся коричневый «москвич». Звук работающего мотора этого автомобиля всегда был сигналом к старту для Дениса, иначе дедушка уедет без него.

— Осторожно, — ахнула Надежда, когда спринтер споткнулся и растянулся на асфальтированной дорожке.

Но он быстро вскочил на ноги и, даже не думая заплакать, полетел дальше. Оказавшись за калиткой, малец встал возле открытых гаражных дверей.

Василий Иванович, выезжая, доброжелательно улыбнулся Дениске. Он не сомневался, что именно сейчас увидит внука, который неизменно появлялся рядом в такие моменты. Остановился и протянул в открытое окно машины ключи от гаражного замка. Внук быстренько принялся закрывать ворота.

Тут появилась и Надежда:

— Сынок, может, дед один съездит?

— Ну ма-а-ам... — затянул умоляюще Денис, уже влезая на заднее сиденье.

— Дочка, пусть прокатится. Не переживай, — вступился Василий Иванович.

— Пап, ради Бога, осторожнее... — сдалась женщина и, махнув рукой (дескать, вас, что старого, что малого, всё равно не переубедишь), пошла во двор...

Надежда — младшая дочь Василия Ивановича и Марии Константиновны — родилась, когда матери было уже 36,

* **Василь-ака, Мария-опа.** Здесь: -ака,-опа – аффиксы, добавляемые к именам в Узбекистане, подчёркивающие уважение к человеку старшего возраста.

а отцу целых 48. А когда появился Денис, дед имел за плечами 69 прожитых лет.

Вторые по счёту летние каникулы внук проводил в гостях у бабушки и дедушки. Научился помогать в огороде, кормить нутрий ровно нарезанными кубиками овощей или хлеба, менять им в небольшом бассейне воду и даже подавать деду необходимые инструменты на пилораме. Пилораму Василий Иванович смастерил во дворе сам и стал брать заказы на изготовление оконных рам или дверей. Деду стукнуло уже 77, но он был ещё достаточно здоров и силен, чтобы заниматься нелёгким плотницким делом. Правда, внимательности было меньше, нежели в молодые годы: однажды он умудрился отпилить себе указательный палец на правой руке. На обрабатываемой доске оказался сучок. Пила выбила этот сучок, и доску затянуло. Дед не успел вовремя убрать руку — и палец улетел к соседям через забор. Его тут же нашли, но пришить в больнице не смогли. Увы.

Именно из-за невнимательности Василий Иванович не раз въезжал на машине то в канаву, то в забор, то ещё куда-нибудь. Но бросить рулить даже и не думал. Мария Константиновна уже смирилась с этим, а вот дочь Надежда переживала, особенно когда в автомобиле оказывался Дениска...

В этот раз дед с внуком вернулись довольно скоро.

— А я видел милицейскую машину! — нетерпеливо рассказывал мальчик маме, которая поправляла на нём шортики и как бы невзначай интуитивно ощупывала ребёнка, проверяя, цел ли он после «опасной» поездки.

— С мигалками! — продолжил тот. — Близко-близко видел. Она такая жёлтая с синей полосой. Я её хорошо разглядел...

В то время, в 1985 году, в небольшом провинциальном городке Сыр-Дарья автомобилей было немного, а патрульных экипажей на весь город числилось лишь пара-тройка всего, поэтому такая встреча для мальчика не могла остаться обыденной.

— Мам, я даже внутри посидел, как настоящий милиционер!

— Эт как ты туда попал-то? В эту самую милиционерскую машину? — спросила откуда ни возьмись появившаяся бабушка.

— Деда остановили. Пока он разговаривал с милиционером, я сел в машину с мигалками. Дядя милиционер разрешил...

— Отец?.. — перевели встревоженный взгляд на Василия Ивановича женщины, так как дед иногда садился за руль «под мухой», хоть и небольшой...

— Да Кахрамон это был. Абдуллаев. Он в ГАИ работает, — начал объяснять бабушке дед. — Помнишь Абдуллаевых из Газалкента? Махмуда и Мадину... — дед подождал, пока бабушка вспомнит. — Вот, — продолжил он, когда убедился, что бабушка понимает, о ком речь. — А это внук Махмуда. Работает по нашему району. Патрулирует... Женится через месяц. Приглашает на свадьбу. Говорит, хотел заехать к нам сегодня, да я раньше попался, — дед заулыбался... — Вечером всё равно приедет. Приглашать...

Бабушка улыбнулась с еле заметной грустинкой в глазах...

Как читатель уже, наверное, догадался, Дениска — это я. Иначе откуда бы автор знал такие мелкие подробности жизни семьи Поздняковых: и про внука у ворот, когда заводился мотор «москвича», и про отпиленный палец, и про... в общем, Дениска — это я. Приятно познакомиться...

Милиционер Кахрамон, как и обещал, приехал тем же вечером. Бабушка встретила его объятиями, поцелуями в щёки и громкими возгласами радости. Дед, бабушка и гость долго сидели на кухне: ели лагман, пили чай, разговаривали, вспоминали. Кахрамон часто прикладывал руку к груди (так узбеки выражают своё глубокое уважение) и говорил о безграничной любви и благодарности моим деду и бабушке за что-то, чего я не знал и не мог понять. Но я видел, что мужчина был искренен...

Потом все разъехались: мама и папа, тётки и дяди мои уехали в Ташкент, так как выходные закончились и в понедельник всем на работу, милиционер Кахрамон вновь отправился патрулировать улицы города, а я остался с дедом и бабушкой — каникулы продолжались...

Через месяц к воротам подъехал автомобиль. Машину прислали Абдуллаевы специально за дедом и бабушкой, чтобы отвезти, как вельмож, на свадьбу. Бабушка ехать отказалась, сославшись на нездоровье и невозможность оставить без присмотра живность. А дедушка, водитель и я погрузили в «Волгу» какие-то коробки и узелки и пустились в путь...

Наш приезд в горный городок Газалкент был подобен приезду знаменитых артистов: казалось, ни один здешний житель не остался в стороне от этого события, и каждый торопился поприветствовать деда и узнать про мою бабушку. Молодёжь терпеливо ждала, пока старшие обнимутся и расцелуются с гостем, потом и сами пожимали руки деду, выражая своё почтение. Дети, в основном мои ровесники, с широко раскрытыми удивлёнными глазами смотрели на деда как на героя фильмов или книг, а также уважительно глядели и на меня.

— Всем привет, — сказал я детворе и улыбнулся.

— Шухрат, — представился мальчик лет тринадцати и протянул мне руку.

— Ты внук Василь-ака? — поинтересовались другие дети, помладше, и тут же, схватив меня за руку, а кто-то даже приобняв, повлекли куда-то за собой. Я кивал в знак согласия, что я внук, а все улыбались и тащили меня, приговаривая: «Пошли, пошли с нами»...

Деда я решил оставить со старшими, а сам примкнул к вольной ватаге под предводительством Шухрата. Ребята развлекали меня до самого вечера, каждый старался чем-то удивить, что-то показать, мы искупались в холодной горной речке, нарвали в саду яблок, развели костёр и сидели на берегу, рассказывая разные небылицы и анекдоты.

Вечером, когда началась свадьба, которую они называли «той», несколько ребят были направлены Шухратом на праздник – раздобыть еды и напитков и принести всё нашей компании к костру у речки. Но мне очень захотелось посмотреть на праздник, и я собрался тоже сходить с добычками. Это сразу поменяло планы ребят, и все как один направились сопровождать меня на «той». По дороге каждый пытался рассказать мне о тонкостях узбекских свадебных традиций, которых было довольно много...

Празднование свадьбы проходило на улице на специально для этого отведённой прямоугольной площадке, которую огораживал невысокий заборчик, обтянутый бело-бежевым материалом. Столы стояли буквой «П». Недалеко от среднего стола расположились музыканты, которые не переставая играли на карнаях (длинных медных трубах), сурнаях (тоже трубах, только деревянных) и бубнах. Ритм музыки был очень ярким и заводным. За этим же, средним, столом сидели жених и невеста. Голова невесты была опущена, лицо закрыто вуалью.

– Вот так всю свадьбу будет сидеть? – спросил я у Шухрата, на что от него последовал утвердительный ответ.

Ребягня разбежалась, получив от предводителя указания: кому что раздобыть. Я же остался с Шухратом дальше изучать традиции свадьбы...

– А почему дедушка мой сидит за отдельным столом и с ним ещё два стареньких дяди? – указал я на богато украшенный стол рядом с молодожёнами.

– Там сидят самые-самые дорогие люди нашей семьи, – ответил парень. – Наши дедушки – аксакалы – и сам многоуважаемый Василь-ака, – Шухрат произнёс имя моего деда, гордо задрал голову и ткнув пальцем вверх в воздух, как бы показывая высокое положение называемого человека.

Я всё больше удивлялся тому, как относились к моему деду эти люди.

– А почему все здесь так любят и уважают моего дедушку? – спросил я.

– Потому что он спас нашу семью, Денис! – ответил Шухрат. – Разве ты не знаешь? – искренне удивился он.

— Нет. Дедушка мне ничего не рассказывал.

— Денис, Василь-ака — великий человек. Давай дождёмся ребят, пойдём обратно к речке, и я расскажу тебе, кто твой дедушка. Договорились?

Я кивнул и стал нетерпеливо ждать возвращения новых друзей...

* * *

Великую Отечественную войну Василий Иванович Поздняков встретил 33-летним начальником ветеринарной службы Бостандыкского района Южно-Казахстанской области. На фронт его не призвали. Брешь.

Трудился Поздняков много. Война не давала отдыха никому ни на передовой, ни в тылу. Тем более беспокойно было начальнику ветеринаров целого района. Возвращался он домой не каждый день, и всегда поздно — почти ночью.

К 1944 году хозяйство Василия держалось только на хрупких плечах женщин и рано повзрослевших детей и подростков. Январь в горах — время испытаний, а январь военного 44-го — тем более. Голод. Всё для фронта, всё для Победы.

Василий Иванович сидел почти неподвижно на повозке, запряжённой поджарой кобылой. Она не спеша перебирала копытами, приближая седока, засыпанного снегом, к дому. Устали все.

Наконец лошадь остановилась. Мужчина слез, открыл ворота, заехал во двор. Распряг кобылу, завёл в сарай, налил ей воды и бросил охапку сена. Накрыв повозку дерюгой и топнув пару раз у порога, сбивая снег с сапог, зашёл в дом. Дом у Поздняковых был немаленьким, с сенцами и стоял за отдельным забором, обозначавшим дворовую территорию семьи.

— Маруся, я дома.

Из кухни вышла 24-летняя красивая женщина с аккуратным животиком, выдававшим пятимесячный срок приближающегося материнства. Вытирая руки о полотенце, поспешила помочь мужу снять шубу:

— Здравствуй...

Пожились они прямо перед войной. Мария была сирота. Как-то, ещё в девках, хотя и было ей около двадцати, гадала она на святки на зеркалах. Страшно, но интересно увидеть суженого. Поставила два зеркала друг напротив друга — одно на себя направила, другое на грудь облокотила лицом к первому. По краям свечи зажгла — получилась горящая дорожка. И стала смотреть... Вскоре увидела: подъезжает повозка, с неё слезает богатырь, закидывает на одно плечо полный тяжёлый мешок, на другое — второй. Лишь со спины этот человек показан, лица не видать... Испугалась Мария и закрыла зеркало.

Так и произошла их встреча. Она корову доила. Василий подъехал на повозке, мешки закинул на плечи и пошёл в сарай. Только со спины его и видела. Сказали, что это новый начальник-ветеринар. Из областного центра. Привёз какие-то новые корма.

Вот так: привёз корма, увёз жену...

Теперь уже наши войска бьют фашистов, гонят их прочь.

Мария забеременела. По весне ждут мальчика. Радовать бы, да всё тяжелее становится. Голод вокруг, но Василий старается для жены и будущего ребёнка.

— Я там тушку списанного жеребёнка привёз. Мёртвый родился, — сказал Василий. — Пока оставил его в повозке. Завтра порублю. На еду не согдится. Мыло сварить.

Жена, соглашаясь, кивнула:

— Проходи за стол.

Василий сел ужинать. Мария пристроилась напротив, положила полотенце на колени, поставила руки на стол и, опершись щекой на ладонь, стала любоваться мужем, как он ест.

— Сегодня Парпиевым похоронка пришла на Одилжона, — сказала, погрустнев. — Уже четвёртая в их семье...

Василий на несколько минут прекратил есть:

— Налей. Помянем.

Мария встала, полезла за тумбу, достала небольшой пузырёк спирта.

Василий выпил молча.

Жена поделилась ещё некоторыми новостями аула, и вскоре Поздняковы отправились спать...

Супруги проснулись почти одновременно от какого-то шума, не громкого, но чувствительного в полночной тишине.

— Что это? — испуганно прошептала женщина.

— Не знаю, — откидывая одеяло, ответил Василий. — Надо посмотреть.

— Вась, может завтра? — ещё больше испугалась Мария и вцепилась в майку мужа, как бы останавливая его.

— Да чего ж я там завтра увижу. Поздно будет. Украдут всё, если воры... — убеждал Поздняков, снимая в потёмках со стены охотничье ружьё.

— Ой, — всхлипнула жена.

— Не бойся. Сиди тут, — Василий достал из тумбочки несколько патронов с дробью.

Подошёл к окну. Старался выловить взглядом происходящее на улице, во дворе. Постоял минуту и направился к выходу:

— Свет не включай.

Мария мелко-мелко задрожала.

Петли входной двери недавно были обильно смазаны, поэтому предательского скрипа не последовало. Василий, осторожно ступая, чтобы ни на что не наткнуться в темноте, вышел во двор. Притаился за сенями. Было тихо. Хозяин ждал...

Прошло минут десять. Полная тишина...

Вдруг женский шёпот у повозки:

— Махмуд-ака, я боюсь, — говорила по-узбекски молодая девушка. — Плохо это. Василь-ака такой хороший человек, а мы у него...

— Цыц, — тихо шикнул на неё мужчина. — А детей твоих чем кормить будем? Молчи и делай, что я говорю...

Василий знал узбекский язык и понимал говоривших. Он узнал голоса соседей, живших через три дома. Это Махмуд Абдуллаев и его сноха Шахло. Мужчина был старше Василия на двенадцать лет. Младший сын Махмуда сейчас воевал. Жена сына и трое их детей остались на попечении дедушки с бабушкой. Семья сильно голодала. Махмуд

с детства имел увечье правой ноги, она перестала развиваться и к достижению мужчиной взрослого возраста была короче левой на десять сантиметров. Но это не помешало шустрому парню обзавестись семьёй и счастливо воспитать пятерых детей, трое из которых сейчас воевали с фашистами. Самого Махмуда из-за ноги не призвали. Он работал в поле, на конюшнях, в коровниках, но никогда не брал с работы домой ни колоска, ни грамма молока. Только то, что полагалось.

Василий просто оторопел. Он понял, насколько огромным было отчаяние этого железной воли человека, что он решился на воровство. Что делать? Задержать воров и сдать их в НКВД?..

— Что там, Вася? — бросилась к мужу Мария, когда тот вернулся.

— Всё нормально. Шакалы, должно быть. Или лисы. Я же тушу жеребёнка оставил в телеге. Видно, они учуяли и приходили полакомиться... Успокойся. Нет там никого теперь. Давай спать...

Мария долго ещё не спала, лёжа на груди мужа. Он крепко, но ласково обнимал её и вдыхал приятный аромат волос любимой.

Было тихо. Маруся успокоилась, и они уснули...

— Вася, пошли что покажу, — встревоженно произнесла Мария, зашедшая в дом с улицы.

Было раннее утро.

Василий догадывался, что он увидит. И действительно, жена вскоре показывала ему тушку вчерашнего жеребёнка, у которого небрежно, видно, что впопыхах, были вырезаны самые мясистые (если их так можно назвать у новорождённого животного) места — шея, мышцы передних ног и круп. Вокруг телеги виднелись слегка припорошённые снегом мужские и женские следы.

Мария была растеряна.

— Маруся... — мгновение помолчал Василий после обращения к любимой. — Забудь и не думай ни о чём. Ладно?

Вари мыло из того, что осталось. — Поцеловал её в губы и пошёл в дом:

— Да, и ещё, не рассказывай никому об этом, — настоятельно попросил мужчина. — Слышишь, вообще ни-ко-му!..

После этого Василий стал частенько привозить домой тушки выбракованных жеребят или телят. Только они уже были не умершими своей смертью, а вовремя забиты — значит, пригодны для еды. Привезённое обязательно оставалось в телеге до утра. Обязательно!

Небольшой шум иногда будил Василия и Марию такими ночами, но мужчина уже не выходил во двор. А жена уже ничего не боялась. И они через несколько минут засыпали вновь.

На мыло к утру оставалось.

* * *

Шухрат закончил свой рассказ. Ребята, и я в том числе, молча сидели и смотрели в костёр. В реке плескалась рыба.

На следующий день праздник «той» продолжился. Гуляли три дня.

Моего деда беспрестанно окружали люди. Мужчины, женщины, дети. И все старались обязательно узнать, как у Василь-ака дела, как его семья, Мария-опа, дети, внуки. Все предлагали свою помощь в любых делах и в любое время.

Дед улыбался, уточнял, кто они, чьи потомки, вспоминал, узнавал, радовался и интересовался жизнью в ответ.

А я стоял в сторонке и любовался своим близким и родным дедушкой, таким простым и таким... Великим!

Александр Морзунов

д. Балуево, Демянский район, Новгородская область

ВМЕСТЕ

Мы всегда вместе: погибшие и живые.

*Вечная память объединяет нас,
и перед ней склоняет голову время...*

Часть 1

Я смотрел на светло-голубой, выцветший за лето экран неба. Белыми барашками лёгких пушистых облаков сменялись кадры. Облака то сгущались, образуя причудливые сказочные фигуры, то вдруг разлетались, создавая иссиня-белую, до боли знакомую пропасть. Я на секунду задумался о природе ассоциаций, но новый порыв ветра, принёсший на поле экрана многоголового дракона, прервал размышления, и я в восторге смотрел на то, как борется с многоголовым страшилищем сказочный Иван-царевич. Вот отлетают в разные стороны, одна за другой, головы-тучки, и из дракона получается маленький пушистый гусёнок, быстро плывущий по бескрайнему озеру. Завораживающее зрелище сопровождается музыкальным аккомпанементом тапёров-сверчков, очень красиво выводящих своими скрипочками неизвестного Мастера...

День сегодня задался на славу! Казалось, что земля и всё живое на ней в этот солнечный день бабьего лета прощается с уходящим теплом. Впереди промозглая холодная осень и долгая снежная зима, а сегодня природа как будто не хотела об этом думать. Всё вокруг ликовало и смеялось теплу и лету. Весело носились по воздуху стайки молодняка птиц, облётываясь перед дальней дорогой, суетились муравьи, готовя домики к зиме, лес стоял ещё такой торжественно-

зелёный. Всё радовалось чудесной земной жизни. Я тоже был частью этого праздника, и моя душа восторгалась в унисон природе.

Я лежал на спине на высоком песчаном холме, глядя на экран самого величественного в мире телевизора. Сегодняшний осенний день был ещё мне близок потому, что время бабьего лета наступало сейчас и в моей жизни.

«Да! Полтинник — это уже ближе назад, чем вперёд... немного грустно. Но! Разве можно в такой день думать о скорой зиме?! В руках ещё полно сил. Голова скрипит от обилия планов и идей. Ножки бегают. Глазки видят.

Чего ещё-то, Господи?! Да и дело есть очень, очень важное, незаконченное. Важнейшее дело на этом этапе жизни.

Да, конечно, много всего уже пройдено-прожито... и дом построен (не один). И дерево посажено (лес, наверное, уже целый). И дети выросли. Господь не дал сына, но двое девченок скоро-скоро уже явят на свет Божий внуков.

А как быстро пролетели эти пятьдесят! Вот только что вроде с босоногими пацанами бегали по июльским зеленым, собирая луговую землянику и щавель. Бабушка вечером ругала нас, улыбаясь, непонятным словом «аспиды» и наливала кружку парного молока на ужин.

Вот дрожь в коленках на первом свидании и первое разочарование... вот слово «папа» из уст малышки-дочки.

— Папа, давай споём: «Милая моя, солнышко лесное...»

Нет! Нисколько я не жалею о своём прошедшем лете! И песенку эту мы ещё не раз споём с тобой, дочка, а может быть, и с твоей уже дочерью...» — я пошевелился, стряхивая с руки муравьишек. Они по моему долговому бездвижию заключили, что им очень повезло с пищей перед зимой, и пытались если уж не целого, то по кусочкам перетащить меня в муравейник.

Вот народец, однако! Стоит только на минуту задуматься — и сразу становишься бесхозной пищей. А хозяева — муравьи знатные! — я улыбнулся своим мыслям. Движение вывело меня на секунду из благостности летнего дня, и сознание переключилось на другие мысли. На то — очень важное, — в процессе чего я и оказался на этом песчаном бугре

на берегу красивейшего озера Валдайской возвышенности. Недавно здесь ещё всюю хозяйничали колхозы — пахали, сеяли, а с тех пор как умер Советский Союз, всё стало медленно приходить в запустение. Зарастать бурьяном и молодняком берёзок да ольшин.

Однако не ностальгия по усопшему Союзу и колхозам (хотя и искренне жаль их) привела меня сюда. Много лет назад эти места не были такими спокойными, как сегодня. В сентябре 1941-го в этом бескрайнем небе пели иные птицы. Адские птицы. И несли они смерть. Всеми живому в этой приозёрной красоте. Вой их «песен» заставлял врываться в песок солдат, ставших щитом на пути чёрной саранчи, рвавшей к городу Ленина. Солдаты выстояли. Не отступили. Многие остались — кто в песках, кто в болотах — навечно. Они умерли, но дали жизнь моим родителям, мне, моим детям и многим-многим не родившимся ещё людям.

Долг свой перед этими героями Великой Отечественной я чувствую естественной необходимостью, частью своей нынешней жизни. Не я выбрал себе это дело — оно выбрало меня. Я руководитель поискового отряда: группы ребят, которые так же, как и я, мечтают закончить войну, собрав и похоронив погибших Героев. Вот по этой причине я и оказался на вершине холма, через который шла старая дорога, обрывавшаяся у воды, где в войну был мост через озеро.

Я лежал, отдыхая у только что откопанного Солдата. Он откинулся назад, убитый близким разрывом мины. Правая рука ещё тянулась к лежавшей тут же винтовке. Нехитрое содержимое вещмешка, не нужное больше солдату, лежало чуть в стороне. И главное! Из песка выбрался чёрный пластиковый пенал — медальон! Раскрыл я его дрожащими пальцами. Вот ведь! Сколько их уже найдено, и каждый раз, когда кусочек чёрного эбонита оказывается у меня на ладони, руки начинают предательски дрожать. Очень тяжёлый он: судьба в нём человеческая. Вот сегодня повезло! В футляре хорошо сохранившийся бланк со всеми данными.

Я перевернул его: «Кто вынит прошу сообщить отцу Леониду Андреевичу...». Написанное карандашом из края в край

последнее письмо. Мне, стало быть. Солдат 69 лет назад написал мне письмо... Мурашки по коже...

Спи спокойно, Николай Леонидович, — я всё сделаю. Ты честно выполнил свой долг, я исполню свой. Отца не найду — найду тех родных, за кого ты умер здесь, в тысяче километров от дома...

Не раз я уже приходил на эту безымянную высоту. Первый раз — после того как прочитал в архиве скупую строчку из журнала боевых действий: «Неизвестный взвод в течение трёх дней прикрывал переправу частей через мост. Дивизия переправилась через озеро практически без потерь и заняла оборону. Мост взорван. Бой затих к вечеру третьего дня. Видимо, взвод надо считать полностью потерянным...» И всё.

Какой взвод? Кто оставил его прикрывать отход? — много часов просидел я над пожелтевшими архивными бумагами, но впустую. Неразбериха первых месяцев войны сделала своё дело.

Взвод упорно оставался неизвестным. Ясность наступала очень медленно — с каждым найденным солдатом, с каждым найденным медальоном. Медленно, потому что не сохранила земля на холме внешних следов войны — ни окопа, ни блиндажа. Немцы оставили убитых на местах, где их застала смерть, присыпали только песком. Кого в воронке, кого в окопчике. Когда война кончилась... а когда война кончилась, в первую очередь надо было думать о живых. А значит — пахать и сеять. Вот поэтому всё засыпали и заровняли. Неплохое поле получилось. Погибших солдат же ещё некоторое время выдавали пятна ярко-зелёной травы, разбросанные по всему полю.

Через шестьдесят девять лет солдаты снова увидели свет Божий. На этот раз — чтобы собраться вместе и отправиться на свою последнюю боевую позицию, вечную. Строем. С почестями. Под «Вечную память». Последний раз услышать приказ командира «Огонь!» и трёхкратное автоматное эхо его слов. Солдаты поднялись, чтобы рассказать, как сражались в сентябре 41-го.

Я много думал об их последнем бое. Общая картина медленно вырисовывалась. Но очень многое оставалось

совершенно непонятным. Бойцы были из разных полков, явно собравшиеся вместе на этом пятачке. Были и ополченцы, и кадровые солдаты, и те, у кого в медальоне значилось «курсант». Объединяло всех одно: запись в документах: «Пропап без вести в сентябре 41-го». Если с солдатами всё более-мене было понятно, то вот с командирами — проблема! Только один человек был найден с остатками офицерского обмундирования. Неужели один командир собрал этот отряд из перепуганных до смерти, отступающих солдат? Что сказал он им, понимая, что, прикрывая собой переправу, погибнут все?

Я служил сам в Советской Армии. Был старшиной. Помню, как тяжело в мирное-то время объединить людей идеей, а тут — отступление, неразбериха, бегство. Да и сам командир какой-то непонятный. Ботинки на нём вроде армейские, но не советские. Решили, что американская помощь. Остатки формы больше похожи на современную: полевую, зелёную. Да и знаков различия не нашли. Португепя — да, пистолет ТТ в руке, остатки фуражки — всё вроде офицерское. Медальона не оказалось. Вот ведь! У всех солдат на этой высоте нашли, а у командира нет.

Вопросов было столько, что как-то, сидя у костра, кто-то из моих ребят сказал в сердцах: «Эх! Хоть бы на часок в тот сентябрь! Увидеть бы и понять, как оно было!»

Я пригрелся на тёплом песке с раздумьями о погибшем взводе. Натрудившееся за день тело отдыhalo. Последняя мысль пронеслась словами моего парня у костра: «Эх! Хоть бы на часок в тот сентябрь! Увидеть бы и понять, как оно было!»

Вечное солнышко вышло из-за тучки, глядя ласковыми лучами и живого, и мёртвых...

Часть 2

Из сонного небытия резко вывел взывшийся вдруг ниоткуда голос. Я, видимо, крепко уснул, потому что мозг никак не хотел считать реальностью речь человека, явно обращав-

шегося ко мне. Ещё долю секунды я размышлял о том, откуда здесь взятся постороннему мужику, и с идиотской мыслью: «Грибник какой-то, наверное...» — открыл глаза.

Нет, это был не грибник. Человек, которого я увидел, был настолько необычен для этого времени и места, что мои глаза, не желая верить в реальность, автоматически закрылись снова, убаюкиваемые внутренним голосом: «Вот до чего до-размышлялся! Теперь и во сне война сплошная... спи дальше...»

— Встать! Смирно! Солдат, где ваше оружие?! — слова команды долетели откуда-то издалека, но по старой армейской привычке я вскочил на ноги. Одна рука судорожно застёгивала воротник на немного потёртой полевой военной куртке, которыми в этом году снабдил наш отряд великодушный спонсор, другой я тёр лицо, смахивая со щеки прилипшие во сне песчинки. Внутри меня зрела злость на чьи-то дурацкие шутки: для человека, прослужившего в армии, слова команд — как удар колокола над ухом. Пробуждает мгновенно, заставляя действовать. Я всматривался в человека, на которого предполагал обратить свой гнев, и чем яснее становилась голова, тем быстрее гнев сменялся удивлением. Крайним удивлением...

Передо мной стоял молодой парень лет 22–23, среднего роста. Немного худоват, в каких-то древних круглых стекляшках-очках. И всё бы ничего! Но одежда! Одежда, в которую он был одет!!! Я уж подумал, не планируется ли в наших местах этой осенью реконструкция боевых действий? Передо мной стоял русоволосый парень в форме лейтенанта Красной Армии времён Великой Отечественной. Новенькая, ни разу ещё не стиранная форма немного топорщилась и была сильно перепачкана. В правой руке сверкал воронением новенький ТТ-шник. Офицерская фуражка была явно мала и съехала набекрень, удерживаясь на голове подбородочным ремешком. Было в его облике что-то ненастоящее, театральное какое-то. Как будто кадр из современного фильма про войну, но уж точно, что форму человек надел день два назад и выбора особого не было. «Точно, розыгрыш!» — подумал я и теперь уже окончательно проснулся.

— Что за маскарад, лейтенант?! Где ваши люди?! — я решил сделать вид, что поддерживаю этот костюмированный спектакль, медленно оглядывая окрестности холма в поисках поддерживающей группы. И я её увидел... Вернее сказать, увидел людей. Много людей, которых здесь не могло быть!

Вдалеке у озера было просто столпотворение у переправы. На берегу, рядом с узким деревянным мостом, суетились люди в форме, жужжали и стрекотали моторами автомобили и какие-то тягачи. Ржали кони, запряжённые в повозки и передки пушек, с трудом удерживаемые в толпе ездовыми. «Какой, к чёрту, мост?! Какие пушки?!» — я тёр глаза и тряс головой, явно не вмещающей происходящих событий.

Только теперь, осмотревшись, я начал понимать, насколько реальность всё меньше и меньше походила на шутку...

С момента, как я услышал голос молодого лейтенанта, прошло всего десять секунд, но в эти мгновения окружающая действительность стала просто неузнаваемой.

— Кто вы? Вас что, контузило? — тон лейтенанта сильно изменился, видимо, сказавшись мой не очень подобающий ответ на его команды.

— Да. Наверно, чем-то меня и впрямь по башке шарахнуло.

— А ты чего раскричался-то? Где тебя этому учили? — Я перестал нервно трясти головой и выпученными глазами смотрел то на лейтенанта, то на холм за его спиной.

Я стоял на краю свежевыкопанного стрелкового окопа. Позади лейтенанта цепочка таких же окопов уходила на обратный склон холма, как раз поперёк дороги к мосту. Именно так мы выкопали их с ребятами из отряда — на бывшем колхозном поле. Вот только сейчас в окопчиках копошились живые солдаты. Странно всё это было. Как говорилось в одной древней сказке: «...чем дальше — тем страннее...» Слово «живые», пролетевшее в мозгу, толкнуло вдруг к ужасной догадке — и от этого как-то тонко, на уровне обрыва, заныло в груди.

Не может быть!!! Через шестьдесят девять лет после войны я откопал эти окопчики, нашёл погибших там солдат,

познакомился с каждым из них, прочитав медальоны. Но тогда это были останки погибших. Это были мёртвые люди! Появилось желание подойти к роющим песок солдатам, чтобы проверить страшную догадку, но передо мной стоял молодой офицер, недоумённо взирая на мою мимику явно контуженого человека.

— Кто вы? — повторил лейтенант, разглядывая мою, хоть и полевую, и военную, но явно ему незнакомую, форму. Между тем пистолет командира уже оказался в кобуре, и выражение настороженности на лице сменило любопытство. — Вы офицер?

— Какое сегодня число? — вопросом на вопрос ответил я, выигрывая время и пытаюсь окончательно подтвердить появившуюся ранее догадку.

— 19 сентября 1941-го. Утром прорвались фашисты. Скоро, наверное, здесь будут. Я собрал, кого смог. Задержать надо гадов, пока наши не переправятся, а потом и сами через мост уйдём, — он говорил обрывисто и как-то отрешённо.

Девятнадцатое сентября... всё! Всё вдруг в моей голове встало на свои места. Не знаю как и почему, но я сейчас в 1941 году. В этот день немцы прорвали оборону, стремясь выйти к дороге на Ленинград. Ценой огромных потерь нашим войскам удалось остановить последнее фашистское наступление на этом участке фронта.

Я почти наизусть помнил документы архива: расположение наших частей и частей врага, время и даты наступления, фамилии командиров. В моей планшетке лежат карты с нанесёнными на них данными боевых порядков частей и мест сосредоточения противника, складов, штабов, огневых точек. В привычной поисковой работе карта-двухсотпятидесятиметровка 1941 года — незаменимый проводник по заросшим за семьдесят лет полям былой войны. Глядя из будущего, я знал, что здесь происходит сейчас, и знал, что произойдёт. Это знание отозвалось холодным покалыванием в конечностях и некоторой эйфорией: я знаю всё, а значит, могу что-то изменить. План действий созрел в голове мгновенно.

Первое — лейтенант. Второе — кто я. Ну а третье — как Бог на душу положит. Вчера, то есть 18 сентября, у соседней

деревни погибли разведчики вместе с командиром, капитаном Озеровым. В 2009 году мы нашли их в овражке на окраине деревни.

Группа ночью вышла на немецкую засаду и приняла бой. В архиве разведчики числились пропавшими без вести, но нам повезло узнать их судьбу. Если я представляюсь командиром разведчиков, то автоматически снимутся вопросы и по поводу формы, и по поводу документов: в тылу врага и то и другое было лишним. Так, с одним вопросом решил. Мысли были как никогда ясны и чётки.

Теперь — кто этот лейтенант? А! В голове, как фото, всплыл листок штабного донесения с грифом «совершенно секретно»: «Посылаю в Штаб Армии разведанные, переданные лейтенантом Морозовым А. Н., требующие проверки. Карта-схема прилагается».

Я, помню, тогда пожалел, что в архивном деле не оказалось именно карты. Но теперь я знал, что на ней было, и знал, как зовут лейтенанта. Я припомнил всё, что о нём было в личном деле: «Призван в начале 1941 г. Из рабочих. 17 сентября окончил курсы командиров» (от всех этих курсов после прорыва 19-го числа осталось только трое вчерашних курсантов). Вот почему на нём такая новенькая форма! Эх, мальчишки, лейтенанты первого года войны! Сколько вас полегло!

20 сентября 1941 года Морозов А. Н. доставил в штаб дивизии секретные документы и воевал потом ещё долго, до самого конца войны. Немецкая пуля всё же нашла его под Прагой. Там с почестями его и похоронили.

Сейчас он стоял передо мной очень даже живой — вчерашний мальчишка с грустно-задумчивыми глазами цвета сегодняшнего выцветшего неба.

— Лейтенант Морозов? Александр Николаевич? — Парень даже как-то приподнялся, услышав свою фамилию. Теперь это был уже не вчерашний мальчишка, а офицер Красной Армии Александр Николаевич Морозов.

— Я капитан Озеров, командир разведчиков. Вы, наверное, слышали про ночной бой? Так вот, у меня очень, подчёркиваю, очень ценные разведанные, которые надо передать в штаб!

Эти слова явно оживили моего собеседника, и он глазами стал искать солдата, которого можно было бы отправить посылным. Да, он слышал про бой и думал, что все разведчики погибли. А оказалось: капитан жив, хоть и сильно контужен.

— Я передам эти документы вам, и вы доставите их немедленно! Это должен сделать офицер: информация секретна, вы понимаете? — Я знал, кто доставил мои данные в штаб, и старался подвести Морозова к этому.

Понимал также, что сам этого сделать не смогу: меня задержат без документов почти сразу же. А моё представление Озеровым закончится в Особом отделе. Ну а как бы ещё отнесли к человеку с совершенно секретными данными без документов? Да и в лицо капитана в штабе наверняка знали многие.

— Я не могу, товарищ капитан! Я собрал здесь солдат переправу прикрыть. Наши переправятся, а потом и мы уйдём за озеро. Немцы могут вот-вот подойти. — По словам парня было понятно, что он уже определил себе место в предстоящем бою. Как его убедить? Ну что ж, попробуем так, как его учили всего два дня назад.

— Лейтенант Морозов! Как старший по званию я вам приказываю доставить секретный пакет в штаб дивизии, а командование вашим отрядом беру на себя! Вам понятен приказ? — я постарался вложить в слова интонации, знакомые курсантам по учебке, добавив уверенность в его, Александра, исключительной роли в поручаемом деле. — Сообщите солдатам о том, что передаёте мне командование. Через пятнадцать минут я вас жду.

Сработало! Офицер ответил: «Есть! Так точно!» — и быстрым шагом пошёл вдоль стрелковых ячеек.

Я достал из своей полевой сумки карты и начал на обратной стороне одной из них быстро писать пояснения к густо нанесённым на карте условным значкам. Писал даты, цифры, номера немецких частей, состав, вооружение. Писал всё, что мог вспомнить: и о количестве танков, идущих на прорыв, и о времени и направлении наступательных операций фашистов. Эх! Жаль, что я совсем мало поработал в архиве! Но ведь враг не смог здесь прорваться! Может,

в штабе учтут мои данные и погибнет солдат хоть немного меньше?

Я свернул исписанную карту и, сделав из другой импровизированный конверт белой изнанкой наружу, положил её внутрь. Нашарив в кармане маленький рулончик канцелярского скотча, заклеил пакет, надписав его по имени командира дивизии. Толсто вырисовал в правом верхнем углу (для важности) «Совершенно секретно!» Последнее же сделал скорее для возвращавшегося Морозова: он должен был чувствовать ответственность за документы, которые понесёт!

Часть 3

Вернувшийся с некоторым опозданием лейтенант доложил о том, что он известил всех бойцов, что в его отсутствие командовать взводом будет капитан Озеров. Он бегом взглянул на протянутый мною пакет, явно заметив угловую приписку, и, аккуратно сложив его, всунул во внутренний карман гимнастёрки, застегнул пуговку. Затем оправил топорщащуюся одежду, поправил опять накренившуюся фуражку и, козырнув мне и пожелав удачи, удалился в сторону моста. Бросил напоследок: «Я только туда и быстро обратно. Скоро я...»

Провожая его, я знал, что «быстро обратно» у него не получится. Да и о многом я знал, как было, но надеялся, что с моим появлением здесь что-то изменится.

Я тоже было взял под козырёк, но тут же заметил, что на мне нет головного убора. А вспомнив, как 30 лет назад нас, призывников, воспитывал старшина, резко отдёргнул руку от головы: «Руку к пустой голове не прикладывают», — немудрёно твердил нам старшина. Мы, помнится, немного посмеивались над его, на наш взгляд, неуклюжими словами: многие считали, что у них-то голова точно не пустая...

«Неплохо, наверное, учили в Советской армии, раз через столько лет вспомнил, — я невольно улыбнулся, вспоминая хитрые с прищуром глаза нашего кадрового старшины. — Интересно, а стрелять-то я не разучился? Ведь когда-то

очень неплохо это делал. Со школы всё по секциям да по соревнованиям, а в армии, когда узнали об этом, поставили инструктором по стрельбе, солдат зелёных учить...»

Мысли снова удрали куда-то от действительности.

«Всё-таки без формы нехорошо: солдаты во мне командира должны видеть. Нехорошо», — с этой мыслью я оторвал взгляд от спины своего мелкого посыльного.

Ну вот, это сделал. Остальным теперь займётся здесь, на месте.

Солнышко светило всё так же тепло, немного склоняясь к западу. Вырытый из окопов песок подсох и как-то тоже выцвел, рассыпавшись по ещё яркой зелени поля. Солдаты работы почти закончили и сидели каждый у своей стрелковой ячейки, ожидая команды.

Стрелковая ячейка — маленький окопчик... Последний рубеж солдатской обороны, а если не повезёт, то и могилка сразу готовая. Множество солдат подняли мы из таких окопчиков-могил. Упал убитый — и всё: песок сам оползёт и прикроет останки... С этим, конечно, удобно, а воевать-то как?! Прёт враг толпой, а ты вроде как один на всю эту прорву — никого не видишь ни справа, ни слева. Кто живой, кто мёртвый? Некоторые бойцы не выдерживали такой нервной нагрузки — руки в гору и плен со страху.

Нашли мы как-то вещи солдата. Медальон в под сумке с патронами. Стали искать родных, как обычно, а нашли... его самого! Живого! И это в 2008 году! Не судья я ему: уж очень изворотлива судьба на войне. Не выдержали тогда нервы солдатика в могильной одиночке, поднялся он с поднятыми руками, снимая на ходу пояс с под сумками. В немецком лагере выжил, советские прошёл и вон сколько ещё прожил. Вспоминал ли о товарищах, присыпанных навсегда в соседних с его ячейкой окопчиках?

Мне было очень трудно подойти к солдатам. Тяжело смотреть в широко раскрытые глаза каждого из них, зная наперёд судьбу. «Трудно быть богом» — вспомнилось название книги, прочитанной когда-то в детстве. Трудно...

Да какой я бог?! Я знаю, как умрут эти люди, — и что? А может, попробовать как-то иначе? — сердце забилося

учащённо — может, попробовать их спасти? Немного ободрённый мыслями «посмотрим ещё, кто кого», я двинулся вдоль отрытой обороны, оглядывая округу на предмет её удобства. По дороге мимо к переправе проскакивали одиночные запоздавшие машины, скрипели несмазанными осями телеги.

К первому солдату, доедавшему остатки пищи из котелка, подошёл уже не я, а капитан разведчиков Иван Озеров. Бойцы должны верить в командира, зная, что на войне в его руках их жизнь. Разведчик Озеров был храбрым, ответственным командиром, известным у солдат, — и многие не раз просились к нему в разведроту.

Прости, Иван Михайлович, что представился твоим именем: так было надо! Солдат при моём приближении попытался вскочить, облизывая ложку, но я остановил его жестом. Это был Марочев Никифор Еуплович... 1911 года рождения. Алтайский кержак из ойратской долины. Дома жена осталась, сын Фёдор... Крепкая была семья староверов! Никифор здесь закрыл собой свой далёкий алтайский дом. Пропал без вести алтайский мужик, а жена всю жизнь ждала мужа. В 2009-м мы нашли живым сына Фёдора. Было ему уже 76 лет. Он, собравшись, четыре дня ехал из Сибири поклониться отцовской могилке да отвезти горсть песка на могилу матери...

У следующей ячейки прилёт, прикрыв пилоткой глаза, Азанов Павел Иванович. 1922 года рождения, мальчишка совсем, курсант. Только что принял присягу, с Урала... Дальше — Егор Модин из-под Москвы... Я помнил их всех поимённо. Помню, как в документах эксгумации рисовал схему, обозначая и подписывая последнее пристанище каждого.

Вот там, за кучей камней, выбрал себе позицию Белкин Фёдор, тоже с Алтая. Далекое уже не мальчик. Работал до призыва председателем колхоза, а как враг пришёл — первым записался на фронт. Не разбирались особо в первые дни войны в военкоматах, кого призывать, кого нет. Вот и лежал сейчас в окопчике у камней отец десяти малолетних детей. Столь далёкий от войны человек, что боялся вида крови, курицу не мог убить, — как скажут через 69 лет, стоя у его

останков, две родные дочери. Две только живые остались. Остальные с голоду померли в войну. Не прокормить одной матери было столько...

Извини, Фёдор Степанович, я тебе об этом не скажу. Да, может, всё же всё как-то иначе повернётся. Да и что говорить-то?! В 35 лет ты знаешь, зачем ты здесь, кто за твоей спиной. За чьи жизни ты готов отдать свою, научиться убивать врагов.

Я шёл мимо своих солдат (теперь мы вместе — это мои солдаты), к их удивлению, спрашивая про то, как у них дома. Пишут ли родные. Что-то советовал по устройству окопчиков, отвечал на редкие вопросы — все собравшиеся здесь знали боевую задачу. Остановливался у каждого и просил показать медальон. Двоих курсантов, у которых в чёрном футляре хранились иголки и нитки, отругал и приказал им заполнить бланки медальонов. У солдат, погибших на этой безымянной высоте, медальоны были у всех. Теперь я знал почему...

Около дороги, пересечённой нашей обороной, я остановился, вглядываясь в её ухабистую даль. Невольно подумал, что начинаю воспринимать себя частью происходящего... Дорога шла от деревни, сворачивая с большака к озеру. Узкая коса, ведущая к мосту, была замечательным местом для заслона. Метров сто шириной была она с одной стороны, заканчиваясь высоченным обрывом в воду, а с другой — низеньким болотцем с осокой и кочками.

Место-то хорошее, да вот вооружение у моих бойцов слабовато. Проходя мимо солдатских укреплений, я обратил внимание на то, чем воевать придётся. Две самозарядных винтовки Токарева (СВТ), двадцать магазинных системы Мосина (к которым накрепко прикипело прозвище «трёхлинейка», обусловленное способом измерения диаметра ствола), среди которых глаз выцепил образцы чуть ли не от царя Гороха. Двое же вообще без винтовок: по гранате на брата, и всё! Они были из второго полка ополчения, прибывшего только вчера. Переодеть и помыть успели, а вот оружие выдать — нет.

Мужики были взрослые, говорят, в гражданскую ещё вместе воевали. Соседи, из одной рязанской деревушки.

В двадцатых в пулемётной роте в одном расчёте сражались, а сейчас вот и винтовок не хватило. Посмотрел я на них: да, крепкие мужики! Близки они мне по духу. По одной РГД-хе (ручная граната) на человека, а смеются, пытаюсь ещё и меня подбодрить: «Не бойсь, командир! Одолеем вражину! Не впервой! Будут немцы – мы себе с чаво палить-то найдём!»

Эти точно найдут! Такие ушлые, что и винтовку достанут, и ночью через минное поле в деревню за самогоном сгоняют – глаз да глаз за ними нужен. Страх в гражданскую потеряли – ни бога, ни чёрта не боятся. Только вот таких, как Паша Азанов, – половина, двадцатилетних.

Да что там! Все на этом холме крепкие духом собрались. Все. Никто не сбежал. Все сражались до последнего. Это я знал точно...

Часть 4

В дорожной дали показались то ли одна, то ли несколько тяжело идущих автомашин. За поднимающимся из-под колёс маревом никак было не разобрать их количество, но по звуку двигателя угадывались наши полуторки. Движение к переправе практически прекратилось. Это был верный признак того, что ждать фашистов осталось недолго. Машины на горизонте, скорее всего, были последними, которым удалось ускользнуть от наступающих немцев.

«Эх! Нам бы сюда несколько пулемётиков», – я помечтал, прикидывая, куда их поставить, и вдруг вспомнил: пулемёты были! Точно были! Несколько ячеек в 2009-м были просто завалены гильзами и пустыми дисками от ДП (ручной пулёмёт Дегтярёва, или «дегтярь» в простонародье). Откуда же они возьмутся, если их сейчас нет? Наверное, что-то всё же изменилось с моим появлением здесь... и не в лучшую сторону. Пулёмётное размышление меня немного расстроило, ну да надо воевать, чем бог дал! Как всегда, по-русски.

– Солдаты! Слушай мою команду! – я удивился сам своему голосу.

— Всем занять окопы, подготовиться к бою! — удивился я, как раскатисто в этой тёплой тишине прозвучал мой приказ. Пашу Азанова, придремавшего на бруствере, он просто сдул в окоп, и через секунду оттуда показалась его голова в зелени каски. Другие тоже стали надевать шлемы. Позвякивали передёргиваемые затворы. Звуки металла в тревожной тишине напомнили песню каких-то недобрых сверчков. Сверчки же живые почему-то примолкли, или я просто больше не слышал их.

Автомшины тем временем приближались. За двумя грузовыми газиками на некотором отдалении тянулся третий, натужно пыхтя и чихая явно неисправным двигателем. Проезжая мимо нас, из кузова высунулся красноармеец и прокричал на ходу, скрываясь в поднятой пыли: «Немцы на большаке! Мотоциклисты!»

Две полуторки скрылись за поворотом дороги, а третья всё ковырялась в 150 метрах от наших окопов и вдруг остановилась совсем. Три фигурки забежали возле неё. Из-под капота валил пар, и в тишине дальний гул переправы изредка пробивали крики одного из пассажиров, размахивающего пистолетом.

«Командир, наверное», — успел подумать я, как вдруг всё содрогнулось. Поднялся песчано-грязный «цветок» в небо в 300 метрах за стоящей машиной, и по ушам ударил резкий звук разрыва. Я спрыгнул (скорее свалился) в пустующую рядом ячейку — уже на лету видя, как фонтаны, поднятые немецкими снарядами, стали возникать по всему холму. Закрыв уши руками и вжавшись в землю, я чувствовал, как артналёт идёт шквалом по холму, накрыв наши позиции и вот уже удаляясь к переправе. Песок сыпался сверху, будто кто-то лопаткой его специально бросал на меня. Близкие разрывы давили, втапывали в песок, выжимая из каждого бойца остатки его храбрости. Перед этой всеуничтожающей мощью человек был мелкой незаметной букашкой, из которой любое точное попадание сделает просто мокрое место.

Я раньше слышал не раз, как рвётся тротил, когда приезжали на место нашей работы сапёры для уничтожения валяющихся повсеместно неразорвавшихся бомб и снарядов.

Но тогда всё было по-другому: взрыв был, как бы сказать, мирным, что ли... оберегал людей от случайностей. Сейчас же грохот нёс смерть мне, моим товарищам. Ощущение, что тебя стараются убить, никаких приятных эмоций не несло. Я бы сказал, даже наоборот — ощущался непонятный дискомфорт в области таза. Я надеялся, что был морально готов к предстоящему бою: и служба в армии, и долгие годы работ в местах боёв, но... самоуверенность взрослого мужика рассеялась первыми же разрывами обстрела. «Как же сейчас мальчишкам-то?» — проскочила мысль в момент, когда очередная взрывная волна приподняла моё не самое лёгкое тело в невесомость и снова бросила на дно.

Всё стихло так же, как и началось, — внезапно. Стряхнув с одежды землю, я вылез из окопа. В ушах звенело и немного покалывало. Воздух вокруг был полон смрада взрывчатки и неосевшей пыли. Зелёный ковёр поля изрыт оспинами ещё дымящихся воронок. Машина, несколько минут назад стоявшая на дороге, лежала перевёрнутая на обочине, а вокруг неё валялось содержимое кузова и тела пассажиров. Я остановил на них взгляд: вот один зашевелился и сел. Двое же продолжали лежать без движения. Понемногу стали подниматься из ячеек и каски моих бойцов. Глаза постепенно промаргивались, и медленно возвращался слух.

— Фролов, Иванов! За мной, к машине! — позвал я соседей-рязанцев, увидев, как они вынырнули из своей ячейки (они по привычке и окоп себе выкопали двухместный под пулемёт).

Около машины мы все втроем были через минуту. Близким разрывом её перевернуло вверх колёсами, изрешетив осколками кабину. Один из красноармейцев сидел на земле, тряся головой и не очень понимая ещё, что произошло. Рядом с ним лежал офицер. Осколки снаряда попали ему в грудь, разорвав её в клочья. Ещё не остывшая рука крепко сжимала вынутый из кобуры пистолет. Фуражка, отлетевшая на пару метров, поблёскивала кокардой из-под осыпавшего окрестности песка. Второй солдат (видимо, шофёр) был ещё жив, но жизнь на глазах вытекала из него через разорванные артерии на ногах. Обе ноги шофёра были перебиты осколками.

ми, и раздробленные кости торчали из порванных в лоскуты галифе.

Мои спутники засушились около него, перетягивая ноги выше колен поясными ремнями. Раненый пока был в шоке и не ощущал боли, пытаясь как-то приподняться на руках. Рядом с кабиной машины валялся вещмешок. Я вытряхнул его, пытаясь найти что-то для перевязки. Рюкзак был, скорее всего, командира, и в нём нашлась аптечка и много перевязочных пакетов. Протянув найденное подскочившему Фролову и прихватив вещмешок с собой, я вернулся к телу командира. Хотел забрать документы, но на месте нагрудного кармана гимнастёрки зияла просто громадная дыра.

«Вот ещё один безымянный, — подумал я, вытаскивая из начинающих уже коченеть пальцев офицера пистолет. — Надо будет позже похоронить», — я стряхнул песок, поднял фуражку и, выпрямившись, осмотрелся.

Дым приподнялся над землёй, пыль почти совсем осела, испачкав нарядную зелень. Хорошо просматривалась пустая дорога к деревне — больше ждать с той стороны наших, видимо, не придётся. Озеро и переправа пока только угадывались — там обстрел закончился позже, и пелена смертоносного марева ещё не отступила. Линия окопчиков, перемежающихся воронками, просвечивала кое-где ещё свежим, чудом не засыпанным пылью, рыжим песком да зелёными грибками солдатских касок.

Выскочившие из машины вещи лежали вокруг неё, немало присыпанные землёй. Чего тут только не было! Вероятно, люди грузили в спешке всё, что попадало под руку: рядом с испачканными ватными матрацами, один из которых дымил смрадом горящей ваты, находились зелёные ящики с минами, рассыпавшиеся банки с консервами поблёскивали серебром олова, деревянные ящички с патронами лежали горкой. И ещё было много бытового солдатского скарба: одеяла, перевязанные верёвкой упаковки с формой, топоры, лопаты... Рассматривая это солдатское богатство, я обратил внимание на три очень знакомых продолговатых зелёных ящика. В таких обычно на складах хранилось стрелковое оружие.

«Вот и хорошо! Будут винтовки моим бойцам», — порадовался я находке. Подойдя к ящикам, открыл один. Содержимое меня очень порадовало: удобно устроившись в специальных колодках, в нём расположились три ручных пулемёта Дегтярёва!!! Приятное открытие: я-то надеялся только на винтовки. Ну вот теперь можно и повоевать! Я вдруг вспомнил (и это воспоминание пришло откуда-то очень издалека, как будто из давнего-давнего сна), что окопы, которые мы с отрядом откапывали через 69 лет, были просто засыпаны пустыми пулемётными дисками и стреляными гильзами, а в одном окопе среди этого металла сидел у стеночки солдат с обеими перебитыми ногами...

В двух других ящиках также поблёскивали сталью ДП. Коробки же с дисками в огромном количестве обнаружались под перевёрнутым кузовом машины. На один взвод девять пулемётов!

— Ну, держись, фашисты! — я зло усмехнулся, сжав до скрипа зубы.

Один из перевязывавших шофёра рязанцев подошёл ко мне и, увидев пулемёты, просто запрыгал на месте от радости.

— Ага! Ага! Ага! Вот теперь-то дадим сволочам фашистским просратья!!! — и, схватив два ящика за ручки, он уже собрался тащить их к нашим окопам, но я его остановил:

— Сначала раненого заберите, а затем возьмите ещё солдат и всё, что нужно, перетащите к нам. В первую очередь оружие и патроны. — Иванов ответил почему-то «понял» вместо «есть» и вернулся к товарищу, уже «изобразившему» из лопат и шинелей импровизированные носилки. Я подождал, пока парни с носилками двинутся к окопам, и, засунув пистолет в карман, а фуражку водрузив на голову, двинулся им вслед. Надо было провести ревизию отряда после обстрела и готовиться к бою. Времени оставалось до появления немцев явно немного — от силы полчаса-час. Оставшийся в живых, но контуженный взрывом красноармеец побрёл за мной, размазывая текущую из ушей кровь и что-то несвязно бормоча.

Всё моё воинство собралось в маленьком овражке у дороги. Я глазами сосчитал солдат. Не хватало одного. Я прищелкнул: среди перепачканных копотью и пылью не было Фёдора Белкина. Ещё двое в красно-белых бинтах лежали у свежей песчаной осыпи.

— Кто видел Белкина? — мой вопрос прозвучал как-то слишком громко в послеобстрельной тишине.

— Отвоялся Фёдор. Так возле своих камней и лежит... — произнёс кто-то из солдат.

«Редает мой взвод, а вот-вот немцы попрут», — подумал я, поймав себя на слове «мой». Моим он стал не вдруг, сейчас, когда я оказался в 41-м. Я сроднился с этими людьми — героями в своём молчаливом подвиге — тогда, когда, держа в руках их останки, проникал в судьбы каждого, представлял, как умирали они за Родину: тихо, без бравад и без надежды на спасение. Мне уже тогда казалось, что я был своим среди них, частью общей судьбы одного неполного взвода. Днём я искал и выкапывал бойцов, а ночью частенько снился мне бой. Яростный бой — я стрелял по фашистам из раскалившегося пулемёта с единственной мыслью: «Дай Бог, чтобы патронов на них на всех хватило!» Потом вдруг наступала темнота и... начинался новый день. Я снова ехал на песчаный холм к своему взводу...

Сейчас, стоя перед опалёнными войной солдатами, я был рад, что как-то вот вдруг оказался среди них.

Спрыгнули в овражек мои невольные санитары и, прислонив к стенке оврага шофёра с перебитыми ногами, ждали — как и другие — моих распоряжений.

— Фролов, Иванов! Возьмите с собой пять человек и бегом к машине! Пулемёты, патроны — всё быстро сюда! Остальным: занять позиции в своих ячейках, приготовиться к бою. Сейчас немец пойдёт!

Овражек опустел. Остались только трое раненых. Все были без сознания, и понять по ним, живы ли, было невозможно, только шофёр полуторки иногда постанывал. Я поправил их, как мне показалось, поудобнее и выбрался из оврага. Надо было подумать, как правильнее построить оборону.

«Так. По фронту разместим шесть «дегтярей», — я прикидывал глазами сектора обстрела, — остаётся ещё три». Меня определённо радовало это военное богатство — девять ручных пулемётов на взвод! (Сказка для сорок первого года!) А ещё два поставим на фланги обороны. Склон холма заканчивался приозёрной сырой низинкой с невысокими холмиками-кочками. Если обойдут по низу, плохо придётся — вот здесь мы и разместим спецов-рязанцев: Иванова справа, Фролова слева. И не обойдут «гансы», да и огонь с фланга может пригодиться.

Пока я планировал, подошли тяжело гружённые пулемётами и коробками солдаты, обмениваясь короткими фразами. Радовались неожиданному вооружению: воевать-то с оружием явно удобнее, чем сапёрными лопатками. Пятерым я сразу сказал, в каких ячейках занять позиции, а пару земляков-пулемётчиков попросил остаться. Велел им выбрать себе место на кочках в низине, замаскироваться и не вступать в бой, пока немцы не втянутся на косу, да и патронов взять побольше. Рязанцы ушли, а я снарядил пулемёт для себя, передёрнул затвор — простая русская машинка издала приятный лязг хорошо смазанных механизмов.

«Пистолет плюс пулемёт — что ж! Теперь повоюем!» — Я пошёл к центру полукруга нашей обороны, к тому месту, где пересекала её дорога. Бойцы в ячейках позвякивали оружейным железом да изредка задавали один и тот же вопрос: «Скоро уже, товарищ капитан?» За меня им отвечал стрёкот мотоциклов и гул другой техники со стороны деревни. Скоро! Я приказал всем затаиться и подпустить врага поближе, а сам спрыгнул в ячейку Фёдора Белкина. Ему она уже была без надобности: остывающее тело алтайца лежало у камней, иссечённое осколками.

Почему он не спрятался? Не успел? Не понял? — Фёдор лежал точно в такой позе, как его потом и нашли: поджав под себя ноги и придавив телом карабин.

Первыми на дороге появились пять мотоциклов с колясками. Они быстро приближались, и скоро уже можно было разглядеть лица в защитных очках и покачивающиеся на колясках пулемёты. Разведка.

— Никому не стрелять! — крикнул я приготовившимся солдатам. — Себя не обнаруживать! — Я отложил в сторону пулемёт и, достав пистолет, прицелился из него в первый мотоцикл, который вылетел уже метров на пятьдесят к нашим окопам, оторвавшись от общей группы.

Немец за рулём увидел меня и направленный на него пистолет очень поздно. После моего второго выстрела мотоцикл вильнул вправо с дороги и заковырялся в придорожном кювете, накрыв коляской стрелка. Остальные четыре, притормозив, стали разворачиваться, наугад поливая окрестности из пулемётов. Развернувшись и не останавливаясь, мотоциклы скрылись за отдалёнными кустами на дороге. Ну что ж! Всё прошло как нельзя лучше! Сейчас дождат, что по ним стреляли из пистолета и только, а значит, тратить на пустое место снарядов больше не будут — пойдёт сразу пехота. Теперь надо их подпустить поближе, так, чтобы ни бомбить, ни обстреливать не могли, и огонь! Поглядим-посмотрим, что тут ещё получится!

То, что я размышлял правильно, стало понятно очень быстро: только я устроился с «дегтярём» (положив запасные диски рядом), как на дороге вдалеке показались грузовые машины, и из них посыпались как горох чёрные точки. Немецкие солдаты развёртывались в цепь заученно быстро. Вот развернулась одна цепочка, вот вторая, третья... да господи! Сколько же их там! Высадивши солдат, грузовики поспешили обратно, а солдаты в серых мундирах двинулись в нашу сторону. Я попытался их считать, понимая, что это сейчас делают и мои солдаты. На двухстах сорока трёх сбился со счёта... да, немало! Только бы бойцы не запаниковали! Хотя... о чём я?! Знаю же, что не запаникуют!

Как тараканы, вражеские солдаты расползлись по пологому склону холма, направляясь к нам вдоль дороги. Они двигались почти бегом, и на расстоянии метров трёхсот — видимо, по команде — первая цепь открыла огонь. Клонящийся к вечеру день вдруг наполнился разноголосием оружейной пальбы, и закипел песок на брустверах солдатских ячеек множеством рыже-жёлтых фонтанчиков.

«Рановато! Это так, для испуга!» – подумал я, выбирая себе цели, чувствуя, как напряглось всё тело перед боем. Самым главным в моей, да и всех моих солдат, в этой жизни...

Я нажал на спусковой крючок, целясь в офицера, когда до него оставалось не более ста метров. Тут же загрохотали и все остальные пулемёты, очереди которых перемежались дружной винтовочной пальбой. Эффект засады оказался поразительным: первую шеренгу наступающих просто сдуло! Вражеские солдаты падали как подкошенные! Но это было только начало. Бегущие следом стали прятаться в оставшихся от обстрела артиллерии воронках, и скоро уже оттуда застрекотали швейными машинками немецкие пулемёты. Вот это уже было серьёзно!

– Прекратить огонь! – прокатилась эхом моя команда по ячейкам. Мысль была простая: стрелять по спрятавшимся неэффективно. Пусть поднимутся в рост! Артиллерия немецкая работать не может, и остаётся – или вперёд, или назад. Вперёд скорее – вряд ли мы смогли испугать фрицев. Сейчас оправятся от неожиданности... и держись!

Пришли в себя фашисты очень даже быстро – я только и успел диск заменить на пулемёте. При поддержке трёх устроившихся в воронках пулемётных расчётов стали подниматься полусогнутые серые фигурки и то рывком, то петляя как зайцы, стреляя на ходу, приближаться к нашим позициям. Снова как будто зашевелился весь холм вдоль дороги. Наш огонь из засады разве что немного проредил боевые порядки немцев – серая тьма неуклонно приближалась, грозя накрыть мой взвод, дотянувшись до переправы. Передние ряды, опасаясь нашего огня, немного притормаживали, и последующие цепи очень удачно сближались, становясь отличной целью для двух пулемётов, оставленных мной на фланге в засаде. Я снова прильнул к своему, ещё не успевшему толком остыть пулемёту, щурясь от лучей садящегося за тучку солнца.

– Огонь! – то ли крикнул, то ли произнёс я, не услышав собственного голоса и, видимо, нажав на спуск на долю секунды раньше. Своя очередь, как всегда, сразу же оглушила, но по стрёкоту, который всё же был слышен рядом, было

понятно, что команду услышали. Однако услышали не все — стрельба с нашей стороны стала заметно реже — кадровые немецкие пулемётчики знали своё дело. То вдруг оживал рядом новый пулемёт, то затихал незаметно.

— Эх, ребятки, ребятки! Солдатики мои! Держитесь!» — я как будто от боли дёргался, ощущая, как одна за одной отлетают души этих оставшихся незамеченными героев войны...

Немцы, видимо, получили приказ взять переправу до темноты. Они столь упорно двигались вперёд к нашим окопам, как будто и не замечали падающих рядом с ними товарищей.

Наш огонь явно редел непропорционально немецким потерям. Я заволновался, что не удержим позиции, — если только фашисты дойдут до рукопашной, нашему маленькому отряду ничего не светит. Сомнут нас числом за несколько минут. Почти все наступающие втянулись уже в сектор обстрела нашей засады, а пулемёты рязанских парней молчали.

«Неужели убиты?» — подумал я, срезая короткой очередью очередного немца, и тут вдруг искры посыпались из глаз и стало темно...

Видимо, я был недолго без сознания, потому что, когда смог проморгаться от залившей лицо крови, солнце только-только село за тучу. Я вытер рукавом кровь с лица и осмотрелся. Пуля попала в ствол пулемёта и рикошетом угодила мне в каску. Пробила её и, окончательно потеряв силу, рассекла кожу на лбу. Это всё же напоминало неслабый удар дубинкой по голове. Повезло! Осмотрев испорченный «дегтярь», я выглянул за бруствер.

«Ой, здорово! Ой, молодцы!» — улыбка расплылась невольно у меня на лице. Выждав, ударили с фланга мои пулемёты. Они били прицельно по засвеченным немецким пулемётам и, уничтожив их, взялись за смешавшуюся и побежавшую от неожиданности пехоту. Ну что ж! Это была маленькая победа! А наши пулемёты, всё не смолкая, поливали бежавших в беспорядке врагов. Они уже даже почти не отстреливались — просто бежали в даль темнеющего поля. День кончился. Для многих серых холмиков на поле и моих добрых товарищей в ячейках это был последний солнечный день в их жизни...

Часть 5

Ночью было довольно прохладно: я даже вспомнил об оставленной в машине (там, в прошлом... или будущем?) тёплой куртке и усмехнулся, представив, как бы выглядел сейчас в ней. Голову мне перевязали подошедшие рязанские ребята. У них ещё от разбитого грузовика были по карманам бинты рассованы (запасливые!). Были они возбуждены прошедшим боем, и Фролов всё повторял, тыча в темноту уходящей дороги: «Во наложили-то! Во наложили! А ты не лезь к нам, зараза!»

Я приказал всем собраться снова в овражке. Да!.. Не густо нас осталось! Восемнадцать человек, из которых шесть раненых. Умер в овражке шофёр с перебитыми ногами. Умер и ещё один солдат, раненный во время артобстрела. Ну а те, кто в ячейках сейчас лежит... Нам бы только выстоять, пока дивизия переправляется! А убитых, придёт время, похоронят.

Спать пришлось мало. Все, кто мог двигаться, готовились к завтрашнему бою. Я приказал перекрыть овражек бортами от машины и засыпать песком — получился небольшой блиндаж. Отправил посыльного на переправу узнать, что да как. Может, и нам уже пора отойти. Посыльный вернулся, не оставив нам надежды: танкетка, въехав на мост, сломалась и перегородила дорогу остальной технике. Вот уж не везёт! Под покровом темноты рязанцы притащили от полуторки цинки с патронами и занялись заряджением дисков к пулемётам. Кто-то поправлял и углублял свой окопчик, кто-то погибших присыпал песком с бруствера — всем хватило забот ночью.

Немцы ночью не полезли — в первые месяцы войны они предпочитали ночью спать. Изредка только постреливали из пулемёта абы куда да пускали осветительные ракеты. С рассветом я собрал всех в блиндажике, памятуя о классике пехотного боя: сначала начнётся артобстрел, вчера заставший нас врасплох. Неправильно, конечно, собирать всех в одном месте, но я помнил, где находились бойцы в 2010 году. В блиндажике погибших не было.

У немецких миномётчиков завтрак закончился быстрее, чем у нас, — мы только начали перекусывать притащенными ночью консервами, как вслед за противным свистом всё на холме загрохотало от разрыва мин. Песок посыпался в банки с едой. Да и какая тут теперь еда! Солдаты вжались в землю, вздрагивая от близких взрывов. Это ведь только я знал, что в блиндаж не попадут. Знать-то знал — только вот ощущал себя нисколько не лучше своих солдат...

Полтора часа (!), то усиливаясь, то удаляясь к переправе, рвались мины, переворачивая и разрывая трупы мёртвых и вселяя ужас в ещё живых. Взрывы перекопали заново всю нашу оборону, похоронив тех, кого не успели ночью предать земле мы. И... моста больше не было! На берегу, где недавно толпились последние переправляющиеся части, чадили какие-то автомобильные обломки да суетились несколько человек. От моста уцелела только дальняя часть настила да деревянные сваи, торчащие из воды.

У солдат, смотревших вместе со мной на остатки последнего пути к отступлению, в глазах читался вопрос: «Всё, переправы нет. Защищать больше нечего. Теперь можно отходить?» Эх, если бы! Если пропустить врага, то он буквально на плечах наших неразвернувшихся частей уйдёт в прорыв, и тогда... Нет, этого допустить нельзя!

— Всем занять оборону! Приготовиться! Сейчас снова попрут! — Солдаты, пробегая мимо меня, пытались заглянуть в глаза: «Ведь всё хорошо будет, правда?» Я старался держать взгляд уверенным — умирать на войне легче, веря в победу...

Последними подошли пулемётчики. Я посмотрел на фланг, на их вчерашнюю позицию. Она была вся перекопана взрывами. Немцы запомнили, откуда вчера работали пулемёты. Сегодня я разделил рязанцев, отправив Иванова на правый фланг. На крутой берег озера. Сам залёг снова по центру у дороги в одной из приглянувшихся воронок. Рабочих пулемётов осталось только пять. Свой мне пришлось бросить и взять другой, у убитого. В окопах стукнули металлом затворы, и всё затихло на наших позициях. Все ждали появления немцев, и это ожидание почему-то затягивалось. Почти два

часа было тихо, а затем послышался гул моторов на дороге, и через несколько минут стало понятно, чего ждали немцы...

На дороге показались три средних танка. Вот! Час от часу не легче! И как нам теперь с ними быть?! К этому я готов не был. Пока они ещё были далеко и шли по дороге, но за ними угадывалась развёртывающаяся пехота. Танки приближались, разойдясь от дороги по холму. Вот плюнула огнём одна из машин, и снаряд, пролетев над нашими головами, взорвался у остатков моста. Танки начали палить бегом по противоположному берегу, как будто не замечая нас. И тут вдруг разрывы стали возникать и среди наступающего врага. Я удивился неожиданной помощи и, вращая головой, стал искать её источник. Оказывается, за грохотом танковых пушек я не услышал пикирующих самолётов! Пара наших ИЛ-2 заходила на повторную атаку. Вот чёрными галками оторвались от них бомбы и понеслись к земле.

Один из танков как-то судорожно дёрнулся и закрутился на месте, второй загорелся, но почему-то так и не остановился, а полз факелом. Третий притормозил, поджидая залёгшую пехоту. Но, видимо, зря: одна из бомб угодила точно в башню танка, от чего она подпрыгнула над основанием и свалилась набок, а из корпуса повалил чёрный дым.

Штурмовики развернулись на очередной заход, но тут из-за облаков вывалилась шестёрка «мессеров» и, поднимаясь ввысь, закрутила карусель воздушного боя. Один самолёт задымил и ушёл, светя своими крестами в чистую спокойную гладь озера. За ним загорелся и наш, уходя на бреющем полёте к советской территории. Остальные самолёты, преследуя и атакуя второй Ил, скрылись за лесом, оставив наш потрёпанный отряд наедине сседающими немцами.

Фашистские командиры понимали, что упущенное время в наступлении дорогого стоит, поэтому атаки не прекращались в течение всего дня. Волнами накатывались враги на наши редущие с каждым часом порядки. Наступали стройными рядами, а отступали беспорядочным бегом, припадая к земле и прячась за многочисленными трупами, усеянными некогда такой красивый зелёный холм.

Немногие, однако, уходили от перекрёстного огня моих товарищей! За атакой следовал миномётный обстрел (не такой продолжительный, как утром, — спешили «гансы»), и снова свежие цепи бежали на нас...

«Господи! Сколько же их на нашу голову?!» — я сбился со счёта атак. Да и некогда было считать: когда идёт артобстрел, все оставшиеся в живых и находящиеся в блиндаже в это время заряжают патроны. Обстрел закончился — сразу в окопы! Сколько я выстрелил за эти два дня? Сколько убил врагов? Это было уже неважно. Я видел в закопчённых и грязных лицах оставшихся бойцов яростное упорство победителей, воинов, которые знали, что на этом рубеже они защищают своих родных, свой дом — то, что им близко и дорого. Они умирали, защищая своё будущее, приписав иногда что-то для родных на обратной стороне смертного медальона...

Последнюю атаку перед темнотой мы отбивали уже впятером с тремя пулемётами. Затихли, успокоились навсегда в своих окопчиках-могилах ушлые мужики-рязанцы. И казах Усманов с непривычным русскому слуху именем Галун; и украинец Карко Григорий, принявший первый бой на границе; и ещё двадцать человек — различных и по возрасту, и по национальности солдат. Умерли они за общую для всех Родину-Матушку, обняв в последний миг жизни её тёплый песочек и бесстрашно глядя стекленеющими глазами навстречу врагу.

И не отбиться бы нам было в уже сгущающихся сумерках, да вот фашисты за день тоже устали. Когда заговорили дружно три наших последних «дегтяря», побежали наступающие враги почти сразу — как будто эта «любезная» встреча была командой к отходу. Бой, завершающий этот день, оказался скоротечным, но и он унёс от нас ещё двоих товарищей. Меня тоже зацепило шальной пулей, и в наступающей темноте я перевязывал простреленную ногу, когда на бруствере показались в полный рост фигуры нашедших меня солдат.

Переночевав в построенном вчера убежище и зарядив последние патроны, к рассвету весь оставшийся отряд был готов к новому бою. Нет, я не оговорился и не пошутил чёр-

но! Именно — весь отряд. Всё объединилось, всё слилось на этой безымянной высотке. И мёртвые поддерживали своей отвагой живых, и живые сражались за жизнь и за своих убитых товарищей. Я был среди них. И был счастлив этим. И не хотел иной судьбы, кроме той, которую Бог определил мне.

Почти до полудня над нашими позициями и примолкшей переправой была тишина, затем загрохотало с новой силой. Долго рвались мины и снаряды, а когда рассеялся дым, на подступах показались вражеские солдаты. Они уже не шли в полный рост (как вначале), а двигались перебежками в несколько групп. Подпустив их поближе, я нажал на спуск пулемёта. Он заговорил послушно, и словно эхо — вдруг зазвучал справа его двойник.

Значит, нас двое осталось. Ну что ж! И это ещё не конец — сжав зубы и прижавшись к прикладу, я выбирал цель, коротенько нажимая спуск. Вдруг рядом грохнуло, и какой-то злющий шмель впился мне в левое плечо, брызнув каплями крови на песок. Захлопали вокруг мелкие разрывы пятидесятимиллиметровых мин в аккомпанементе бьющего с фланга нашего пулемёта. Мины рвались, а пулемёт аккуратно выводил свои смертоносные трели, прижимая к земле вражескую пехоту. Я прислушивался к его «песне», пытаясь правой рукой подсунуть под куртку кусок рубашки, чтобы закрыть рану. Левая рука не слушалась и висела как плеть. Вот очередной промежуток в жуткой пулемётной песне и... молчок! Затихли и взрывы мин, и мой последний товарищ затих навсегда. Я наконец-то справился с раной и с трудом выбрался на край облюбованной воронки взглянуть на поле боя.

Песок, в очередной раз поднятый минами в воздух, мелкой пылью садился на израненную землю и навсегда застывшие тела её защитников. Со стороны чадящего ещё танка слышались гортанные звуки команд и редкие выстрелы. Немцы решили, что тишина на наших позициях означает, что защищать их больше некому. Сначала опасаясь, а затем уже в полный рост серые шинели двигались в мою сторону, изредка постреливая.

«Это вы что-то поспешили! Я ещё жив!» — нелепая улыбка проскочила на моём лице, за секунду до этого перекошенном от боли. Превозмогая слабость во всём теле, я перевернулся на спину и с некоторым трудом правой рукой дотянулся до пулемёта. Яркое солнышко на сентябрьском небе глядело на происходящее внизу с немым укором: «Эх, люди! Что же вам не живётся в мире на такой большой и красивой земле! Зачем убиваете друг друга?»

Я кое-как устроился с пулемётом на ровном месте рядом со своей старой позицией в воронке. Подумал было спуститься туда снова, но понял, что сил не хватит, да и времени тоже — я уже отчётливо слышал голоса наступающих и видел их лица. Заряженный диск был последним — я оттолкнул пустой к куче таких же, присыпанных гильзами и песком. Достал пистолет. Положил справа и, прильнув к прикладу пулемёта, нажал на его спусковой крючок. Очередь стеганула по ближайшим ко мне вражеским солдатам и дугой над головами врагов ушла в небо. Стрелять одной рукой было неудобно, да и сил в ней было уже не так много. Кровь медленно покидала раненое тело и уносила с собой такие нужные сейчас силы. Неплотно прижатый к плечу пулемёт прыгал в руке.

Огонь явно не наносил ощутимого урона немцам, но заставил их снова залечь. Вот последним выстрелом дёрнулся ствол и затих.

«Теперь, похоже, всё...» — я оттолкнул от себя не нужный больше пулемёт и на секунду прикрыл отяжелевшие веки. Рука потянулась к пистолету, и, нащупав его, я снова открыл глаза.

Я старался целиться, стреляя в поднимающихся снова солдат. Первый — мимо, второй — мимо. Усилием воли заставил себя собраться, что оказалось очень затруднительным: глаза закрывались сами, и перед ними всё плыло, рука дрожала. Третий... Ага! Попал! Упала серая фигурка! Ещё, ещё — все мимо.

«Осталось два патрона», — я считал их в уме, стараясь каждый пустить в цель.

«Не, себе оставлять не буду — и у этих гадов найдётся патрон, на меня истратят, и, может, кому другому не достанет»

ся», — мысли становились сумбурными, почти бредовыми и отрывистыми. Я снова прикрыл глаза, чтобы ещё раз собраться с силами (у меня ещё есть два патрона!). Немцы, поняв окончательно, что происходит, шли уже в полный рост, веселясь и покрикивая издали: «Рус! Сдавайся!»

И тут я услышал отдалённые выстрелы наших полковых пушек и свист приближающихся снарядов. О! Это был не свист, который прижимал нас с солдатами к земле три последних дня. Это была песня! Лёжа на песке среди трупов своих боевых товарищей и слушая, как рвутся снаряды нашей артиллерии среди наступающих врагов, я ликовал! Все наши жертвы не зря! Войска переправились! Артиллеристы заняли позиции, пехота окопалась. Попробуй-ка, фашист, теперь возьми их! Жаль, солдаты мои не увидели, как бегут, побросав оружие, захватчики! Валяются как подкошенные среди снарядных разрывов!

«Эх, солдатики мои, ребятки-товарищи! Все, все двадцать шесть человек погибли! Я же хотел спасти вас...» — я лёг на спину, глядя в родное небо. Горькая слеза скатилась по грязной небритой щеке. Стало очень холодно: ноги немеют, как на морозе.

«Наверное, так Оно и бывает...

...ты же хотел хотя бы на часок попасть в сорок первый...

Узнал, за что и как погибал здесь взвод?

А как же ребята в окопах не похороненные? ...Похоронят...

Ребят же, рязанцев, не найдут!!! Они же на флангах остались, мы в десятом году их даже не искали там!

Мужики, найдите их!!! Фролов слева в низинке, Иванов справа под обрывом...

Эх!» — обрывистые мысли крутились картинками из калейдоскопа.

«Всем нашим встречам разлуки, увы, суждены... Милая моя, солнышко лесное...» — откуда-то издали теплом долетели строчки песенки и голос маленькой дочки:

— Пап, давай споём!

— Встретимся, маленькое солнышко, и обязательно споём ещё!

Вечное солнышко светило вечному миру, не замечая, что согревает на этой безымянной высоте только мёртвых. Ватные белые облачка бежали по глади широко раскрытых в небо глаз, унося с собой в небеса души солдат, павших за Родину.

09.02–10.04.2011

ПРОСТИ, СЕСТРЁНКА!

...если вы будете иметь веру с горчичное зерно и скажете горе сей: «перейди отсюда туда», и она перейдёт; и ничего не будет невозможного для вас.

Евангелие от Матфея 17:20

Тёмная вода, наполненная илом и различными лесными остатками, огромной волной катилась перед громадным железным чудовищем, вторгшимся в безмятежно спящий утренний лес. Как бы в испуге, откатывалась она в разные стороны перед неумолимо надвигающейся бронёй и всё перемалывающими гусеницами машины. Лязг, шум, маслянистая копоть мощного дизеля заставили затаиться всё мирное лесное сообщество: царь природы снова явился без приглашения и, как показывала история, ничего хорошего ни лесу, ни его обитателям от этого вторжения ожидать не приходилось. Так было уже много раз: человек входил в мирный лесной край и оставлял после себя разрушение, уничтожение, смерть. Грохочущая техника внедрялась в лес, и он начинал стонать то под взрывами и пожарами войны, то под вырубками и снова пожарами — уже в мирное время. Вот и сейчас лес и все его обитатели затихли в ожидании: «Что же на этот раз принесёт рёв танкового двигателя?»

Громадный военный тягач (столь старый, что был похож не на боевую машину, а на призрак всех прошедших войн) полуехал-полуплыл по старой дороге, разбитой, казалось, ещё до сотворения мира. Теперь этот древний путь превратился в реку. Грязная вода плескалась о ржавую, латаную-перелатаную броню машины, на долю секунды расступаясь перед надвигающимися траками и обнажая невероятной

глубины колеи дороги, забитые обломками стволов и кустарника. Движение создавало много шума и брызг, но, к сожалению, в этих низменных лесах в нынешнее дождливое лето иного способа куда-то добраться не было. Дальние деревни и хутора на неделю-две оказались просто отрезанными от большой земли. Огромного труда в это время проживающим в них жителям стоило добраться до цивилизации, и разве что какая-нибудь крайняя нужда заставляла это делать.

К одной из таких деревень мы, сидя в грохочущей машине, и пробивались ранним летним солнечным утром. Точнее, не к самой деревне, а к месту, где она стояла до войны. Я не стал залезать под дырявый брезентовый тент: устроился сверху на крыше кабины, удобно упираясь ногами в листы стали, покрывающие моторный отсек тягача. Выполняя задачу проводника, я периодически наклонялся и подсказывал дорогу механику, выглядывавшему из кабины в открытую дверь. Честно говоря, местность за много лет моего отсутствия так сильно изменилась, что дорогу я не узнавал. Верный путь приходилось угадывать по сохранившимся из прошлого ассоциациям и какому-то седьмому чувству, которое ни на секунду не давало мне забыть произошедшее здесь 40 лет назад...

В тот памятный день та же дорога была почти ровной и проходимой: лето выдалось, в противоположность нынешнему, исключительно сухим — можно было проехать даже на мотоцикле. Сейчас, спустя много лет, глядя на лес и дорогу, я вспоминал все мельчайшие подробности давней истории, беспокоившей меня всю мою жизнь. На старости лет она снова привела на родину в леса, где я когда-то рос вместе с такими же послевоенными пацанами.

В то время всё здесь было насквозь пропитано недавно миновавшей войной и героизмом наших защитников. В лесах мы встречали повсеместно их останки, как страшное подтверждение прошедшей смертной битвы. Нашему поколению — как у В. Высоцкого сказано в «Балладе о детстве»: «...не досталось нам даже по пуле...» — пришлось с раннего детства слушать не сказки о чудесах и злых волшебниках, а рассказы о реальных бронечудесах, извергающих огонь и смерть.

Их обломки в ближайшем лесу можно было увидеть и потрогать руками. А множество злодеев в шлемах, «украшенных» свастиками, навсегда оставшихся лежать в заболоченных лесах чужой для них страны, были реальнее любых сказок...

Главные же рассказы были о советских воинах, остановивших этот совсем уже не сказочный кошмар; и мне, маленькому, наш Солдат представлялся таким огромным богатырём Алёшей. Потом, будучи в Болгарии, я видел известный памятник Советскому солдату. Находясь у его подножия, остро почувствовал, что вот он, созданный моим детским воображением образ: высокий, мощный, каменный, о сапоги которого в войну и разбилась вся вражеская нечисть...

Мы, послевоенные мальчишки, не играли в войну: мы тогда жили в ней. И пусть уже не грохотали пушки и не погибали в атаке солдаты, но земля, изувеченная войной, нет-нет да и взрывалась, всё ещё унося к Богу невинные жертвы — грибников, ягольников, осмелившихся в те голодные послевоенные годы ступить на ещё не остывшую от боёв территорию войны.

Леса, окружающие деревню, в которой я рос, были битком набиты всякими свидетельствами войны. Большинство из них было очень и очень небезопасно. Минные поля, до которых сапёры не успели добраться, повсеместно караулили беспечное зверьё и людей, рискнувших пойти в лес за пропитанием. Неразорвавшиеся бомбы и снаряды также лежали повсюду, поджидая любопытных или случайного лесного пожара, при котором тихий лес оживал, и война возвращалась: всё вокруг стреляло и взрывалось.

Нас, пацанов, всё, что оставила война, — очень интересовало! Да и чего там только не было! Помимо взрывающегося и стреляющего, на оставленных советских и немецких позициях можно было найти всё что угодно: какое-то продовольствие, курево, одежду, необходимые в быту инструменты и даже технику (машины, мотоциклы), которая вполне могла быть использована после соответствующего ремонта, поэтому в любое удобное время мы компанией пропадали в интересных местах. Периодически, конечно, родители объясняли нам «технику безопасности», после чего седалищное

место не очень хорошо себя чувствовало, но, носясь по лесу, садиться было некогда, и полученные от родителей «неудобства» особо не сказывались на нашей бесшабашности. Тем более, притащив домой что-то нужное для хозяйства, мы чувствовали себя добытчиками и с утра снова убегали в лес...

Тащилось нами домой и сохранившее боееспособность стрелковое оружие, штыки. Чаще всего это были русские винтовки различных систем, которыми в изобилии был усыпан лес, реже — немецкие карабины или какое-то автоматическое оружие. Причём, сколько ни собирали сапёры оставшееся на полях боев оружие и сколько ни отбирали сотрудники милиции у нас, мальчишек, — меньше стволов не становилось.

Бывало, приедет в деревню на тарахтящем мотоцикле с коляской местный участковый дядя Коля, станет у магазина. Тут же нас родители начинают выталкивать из хат: ну всё, мол! поиграли и хватит! идите сдавайте! Что именно сдавать, объяснять не требовалось: дядя Коля приезжал регулярно и процедура была отработана.

Из дворов и сараев доставалось оружие, уже приготовленное для сдачи, и вереница пацанов тащила, кто на плече, кто наперевес, а кто и мешок целый («Выпендривается!») — считали мы) свои «сокровища» участковому. Тащили не жалея, с шутками и прибаутками. Довольный участковый, нагрузив прицеп мотоцикла так, что коляска проседала почти до упора (иногда он не мог увезти всё сразу и оставлял часть в сельмаге: вроде как под охрану — «до завтра»), не спеша трогал свою скрипящую трёхколёсную машину. Уже на ходу бросая нам, выстроившимся у магазина:

— Вы тут, сорванцы, не балуйтесь, а то я вам уши-то поотрываю! В школу учиться идите! — Мы с улыбкой наблюдали за процессом: «Развалится мотоцикл — не развалится?»

Маленький Ванюшка Сазонов, стоя в первом ряду и размазывая сопли по грязной физиономии, кричал ему вслед, вызывая наш дружный смех:

— Забирай, дяденька! Забирай! Мы себе завтра ещё наберём!

И набирали! И никак не меньше того, что было до сдачи! И по совету дяди участкового, конечно же, шли в школу! Ну а где ещё похвалиться найденным? Но и в школе была на нас управа – строгий директор Нил Александрович, бывший фронтовик. Он периодически выходил утром к дверям школы с мешком и складывал туда «добровольные пожертвования» входящих. Наполненные мешки передавал потом участковому, а когда того долго не было, просто отвозил к ближайшему водоёму и топил, где поглубже.

Вот так и жила наша пацановская братва: утром в школу, потом домашние дела – кому что родители придумают. Ну а если вдруг какой недосмотр – время бесхозное осталось, – то в лес: мстить фашистским каскам, расстреливая их вдребезги за наших погибших! А погибших красноармейцев, как я уже говорил, по лесам лежало множество!

Постепенно взрослея, мы начинали осознавать весь масштаб катастрофы, произошедшей здесь во время войны. В лесу мы постоянно сталкивались с останками погибших солдат. Их было много. Слишком много! Невозможно было пройти мимо, оставить лежать их в лесной земле. Так военные игры плавно перетекли совсем в иное дело: мы стали искать не интересные военные железки, а останки солдат и командиров Красной армии. Аккуратно собирали то, что осталось от воинов, и хоронили. Сначала делали это в выбранных в лесу местах, а затем вместе со взрослыми на деревенском кладбище.

Погибших было очень много! И чем больше их проходило через наши руки, тем больше ненависти накапливалось в нас к тем, кто их убил. В карманах гимнастёрок находились ещё не истлевшие письма солдат домой с мечтами о мирной жизни и беспокойством об оставленных на Родине близких, о судьбе своих детишек. Мы иногда читали их у костра, и казалось, слышно было в наступившей гробовой тишине, как струнами от обиды и ненависти напрягались до предела нервы подростков! Кто из нас не мечтал в этот момент взять винтовку и оказаться в 1942-м: помочь, защитить, спасти!

Были в лесу и очень страшные места: убитых там и искать не надо было: они лежали иногда друг на друге, в тех позах,

в которых их застала смерть. Так иногда и находили: нашего убитого солдата, а под ним — немца, пригвождённого к земле штыком... или место, где стояла сожжённая фашистскими карателями небольшая деревня. Там, среди обгоревших брёвен сельского гумна, густо поросших бурьяном, тянулись вверх полуобгоревшие кости рук и ног местных жителей, которых заживо сожгли каратели. Выжил тогда случайно только один человек. Он и сейчас бродил по окрестным сёлам: убитый горем и почти сумасшедший, он везде рассказывал историю, полную бесконечного ужаса.

Мы, мальчишки, потихоньку подходили к дому, где несчастному выносили что-нибудь поесть, и слушали, как он, присев на скамейку у палисадника, рассказывал. О том, как приехали каратели; как выгнали всех жителей из домов и стали жечь деревню; как истошно орали коровы на привязях во дворах, сгорая заживо; как били прикладами по головам баб и малых детей пьяные фашисты и суетились, выслуживаясь, полицаи из местных, сгоняя в колхозный амбар людей; как запылал этот сарай, унося в небо со смердящим дымом стоны и предсмертные крики, переходящие в вой. Дядька каждый раз рассказывал одно и то же, но всегда около него собирались люди. Часто слушал страшные рассказы и я...

Мои воспоминания, на пронзительной волне горя по погибшим, прервал резко качнувшийся тягач. Я отвлёкся от дороги, и водитель, не видя того, что находится под водой (а там была огромная воронка от снаряда), на полном ходу влетел в яму. Мутная вода окатила броню машины, чуть не залившись в кабину водителя, пройдясь по нашим сапогам. К счастью, с брони никто не свалился, а сидевшие внутри люди получили только пару шишек. Проскочив ещё с десятков метров, водитель остановил тягач почти на сухом месте, и всему отряду предложили перекурить и справиться прочие надобности. Двигались по воде и грязи уже больше часа, и ещё впереди путь был не меньший.

Вёл я ребят-поисковиков к месту, на котором стояла та сожжённая деревня. Я вспоминал о ней только что, за минуту до того, как тягач провалился в яму. Деревня находилась да-

леко, в нескольких десятках километров от обжитых после войны мест. Возвращаться в неё после освобождения было некому. Единственный житель – несчастный безумный – вскоре после окончания войны умер: замёрз пьяный в поле, переходя зимой от деревни к деревне. Дороги заросли, и мне казалось, что я был последним человеком, который хоть как-то помнил путь туда.

Сорок лет я не был в здешних местах и, наверное, тоже бы не смог показать направление, если бы не та старая история, которая и сейчас снится мне, не давая покоя даже ночью...

Поисковый отряд собрался в тягаче, и немного остывшая машина тронулась с места, раскидывая в стороны прилипшую к гусеницам грязь.

Я вернулся на родину через десятки лет с надеждой увидеть своих товарищей, жителей нашей деревни, и понять наконец, что же тогда, давным-давно, произошло в той сожжённой деревне. Нет, не во время войны, много позже... События, не дававшие мне покоя, произошли 20 лет спустя, в 1965 году. Итак, теперь я уговорил поехать туда местных поисковиков, рассказав их командиру историю, много раз слышанную мною от сумасшедшего.

Сориентировавшись в лесу по обломкам пробитых пулями машин у бывшей обочины, я подсказал водителю путь. Залитая водой основная дорога кончилась (выбрались на возвышенность), и теперь её можно было угадать только по нетолстому лесному подросту, да кое-где на сырых местах угадывались колеи. Механик-водитель с чутьём гончей стал на след, и тягач, подминая под себя подлесок, снова двинулся к намеченной цели. Крепко ухватившись за поручень на кабине, я уворачивался от изредка нависающих над дорогой веток и, укачиваемый плавными движениями машины, снова вернулся к своим воспоминаниям о прошлой жизни здесь и о том важном событии, которое её неожиданно перевернуло.

Сгоревшая с людьми деревня. Сколько раз я вспоминал услышанные рассказы! Сколько раз был потом на пепелище! Сколько раз по моей спине бежал холодный пот, когда на месте сгоревшего гумна я видел торчащие в небо

обмытые дождями белые кости... Однако последнее посещение страшного места оставило столь неизгладимое впечатление, что и сейчас я порой спрашиваю себя: а было ли это?! Не моя ли бурная фантазия просто разыгралась?!

Тем более что, сколько я ни пытался расспрашивать людей, искать данные об этой деревне, мне никто не верил, и информации не удалось найти даже в интернете.

— Не было такого случая! Не было такой сожжённой деревни! Много всяческих фашистских зверств было, много уничтоженных деревень было, а вот такой — не было!!!

— Ну как же так — не было, когда я сам там был и видел то, что осталось от домов и жителей, своими глазами!

Рассказал Фёдору, командиру поискового отряда, историю (конечно же, не всю, а её военную часть). Он улыбнулся и сказал:

— Ну что ж... Давай проверим!

Эх, если бы был жив мой друг Сашка! Это же с ним мы росли, гуляли в лесу! С ним и деревню нашли (другие пацаны с нами не ходили: очень далеко было). С ним тогда у нас и памятная история произошла.

Но, увы, Сашки давно нет: будучи уже взрослым, он погиб. Несчастный случай: ошибся, обезвреживая немецкую противотанковую мину. А ведь рядом с ним уже высился целый штабель обезвреженных! Как потом писали мне знакомые, и хоронить-то было нечего...

Эх, Сашка, Сашка! Как же ты мог ошибиться? Так хорошо зная всё, что оставила нам война. Как же так, Сашка?!

У меня слёзы накатались при воспоминании о том, сколько мы прошли вместе, сколько пережили: спали в лесу у костра, делили одну банку килек в томате на двоих и последние сто грамм; солдат собирали вместе; хулиганили в деревне, обрывая цветы у соседки — тоже вместе. И в тот раз, в сгоревшей деревне...

Сашка, а это правда ли, это — было?! Молчишь...

Ну да ладно! Немного и мне осталось: скоро вместе будем, и уж там найдётся для нас и лес на двоих, и дело для души в нём! А пока... веду я вот ребят в наши места — собрать и похоронить сожжённых гражданских.

С Сашкой мы росли с детства. Я иногда спрашиваю себя: а какие основные воспоминания у меня остались из детства?

Первым ответом в голове появляется: «Очень хотелось есть. И, конечно же, — война. В первые мирные десятилетия она ощущалась везде. В окружающей нас разрухе, в лесу, где можно было как-то найти пропитание, в пустых глазницах выбеленных солнцем черепов защитников Родины, повсеместно встречающихся в лесу. И наряду с этими большими-большими, всеобъемлющими и постоянными воспоминаниями, стоит та наша с Сашкой история.

Мы тогда уже вроде и не дети были. Шёл уже 1965 год. Двадцать лет после войны прошло, и вдруг, на небольшой отрезок времени, она вернулась. Вернулась в отдельно взятом месте, для отдельно взятых людей: для нас с Сашкой.

Время шло, подрастали мальчишки нашей компании, и незаметно как-то уже и перестали их называть пацанами. Большинство из них уже окончили школу и работали. Кое-кто умудрился пойти учиться дальше, уехав из родной деревни в город. Были уже среди нас и парни, «обженившиеся скоропостижно», как мы шутили.

Моему другу Сашке шёл уже двадцатый год, да и я не особо отставал: мне шёл восемнадцатый. Ничего серьёзного ни у него, ни у меня с женским полом пока не получалось, и потому была уйма свободного времени для путешествий по знакомым до мелочей и таким любимым окрестным лесам. К тому моменту у нас уже было средство передвижения — немецкий мотоцикл БМВ, который мы собрали на месте бывших ремонтных мастерских фашистов из нескольких найденных там машин. Мотоцикл был в очень бодром виде, и когда нам удалось достать необходимые краски да подкрасить его, стал вообще «как только с завода», хоть в кино снимай! Правда, ездили мы на нём преимущественно только по лесу: по дороге немного опасались (надписи на машине указывали на его принадлежность к войскам СС), а у наших местных отношение к этим частям было соответствующее.

— Либо нам морды начистят, либо мотоцикл разобьют, — однажды изрёк Саня, и с тех пор мы садились на вражескую машину, только когда двигались в лес.

Да и то только тогда, когда наши болота это позволяли. БМВ стоял у Сашки в гараже (этакий сарай, сбитый из чего ни попадя). В том же сарае у него была и куча всякого барахла, принесённого из леса: своеобразный сарайный музей. Один из «экспонатов» мы с другом пристроили на коляску мотоцикла. Внешний вид нашего трёхколёсного коня стал по-настоящему военным, однако в таком состоянии мы его наблюдали лишь в сарае. «Экспонатом» была спарка двух очень даже исправных немецких пулемётов МГ, с полным, сверкающим латунью, боекомплектом.

Были мечты выскочить и пролететь по деревне перед глазами наших изумлённых сверстников, но останавливало всегда то, что взрослые вряд ли нас поняли бы. Поставим на турель пулемёты, полюбуемся и снимаем, с потайной мыслью когда-нибудь выбраться подальше в лес и настреляться досыта. И не то чтобы до этого не настрелялись — очень хотелось испытать собранную на мотоцикле установку.

В том же сарае-гараже хранилось у нас и ещё множество «экспонатов», которые не были сданы участковому дяде Коле. Сашка всё смеялся:

— Ему столько сдавать нельзя — не довезёт!

Кроме всяческого оружия и мотоцикла, среди наших находок были и предметы, которые действительно должны находиться в музеях. В частности, однажды в немецком блиндаже был найден мундир немецкого подполковника, висящий на вбитом в бревно русском штыке. Помещение было построено в сухом песке (что большая редкость для наших мест), и одежда офицера неплохо сохранилась, если не считать пары небольших дырок, проеденных мышами на месте карманов брюк. Вот этот мундир, почищенный и зашитый, висел на вешалке в углу гаража, прикрытый старой простыней. На груди кителя теснилось множество всяких «рейхснаград», которые мы находили по лесам в разное время, а затем, почистив, прикалывали на мундир. Короче говоря, это был, безусловно, показательный, выдающийся экспонат!

Мои мысли о давнем прошлом качнулись и замерли вместе с резко остановившемся ГТТ (гусеничный транспортный тягач). Проломив подлесок, машина выехала на вполне ухо-

женную, перпендикулярную нашему направлению дорогу. Откуда такая роскошь? Ведь здесь после войны не было населённых пунктов, да и ехали мы только что по полному бездорожью?

Механик, не глуша двигателя, высунулся ко мне из двери и недоумённо пожимал плечами, одновременно жестикулируя:

— Куда? Направо? Налево?

Я понял его и махнул:

— Направо! — точное направление.

Но откуда взялась в лесу эта дорога? Она, конечно, была тогда, в шестьдесят пятом, но и тогда была намного хуже, чем сейчас.

Ребята из отряда, не пытаясь перекриковать шум танкового двигателя, улыбались и, видимо, понимая, куда мы двигаемся, старались не показывать пока неуважения к проводнику: чем чёрт не шутит — а вдруг и правда приведёт к сожжённой деревне, о которой никто в окрестностях не помнит?

Озадаченный проезжей и довольно часто используемой дорогой, я несколько напрягся, вглядываясь вдаль дорожной просеки. Тягач развернулся почти на месте и довольно бойко покатил по сухой и мягкой, почти ровной лесной дороге. Такие дороги у нас вели всегда к жилым местам. Ну ещё несколько поворотов — и окажемся на месте, а там и разберёмся, что это за дорога и какая надобность возникла в её строительстве и ремонте. Крепче устроившись на броне, я снова погрузился в воспоминания сорокалетней давности...

Тот день, когда это произошло, я тщетно пытался забыть всю свою долгую жизнь, находясь вдалеке от родных мест. Объяснял себе, что мои воспоминания — это плод какой-то больной или попросту пьяной фантазии. То, что произошло тогда со мной и с Сашкой, просто не могло быть! Да и в дальнейшем события того летнего дня никогда не напоминали о случившемся. Может, и правда всё пригрезилось с пьяных глаз?!

Мальчишеское детство когда-нибудь заканчивается. Для меня отчётливым указателем на это стала повестка в военкомат. Нет, не на медкомиссию — это был уже призыв.

Написано было: «С вещами, для отправки к месту прохождения службы». Страна сказала: «Пришла твоя очередь охранять мирную жизнь!» — и с этими словами последний туман бесшабашного детства растаял, проявляя строки военкоматовской повестки.

Получив подтверждение своей взрослости утром у почтальона, я тут же метнулся к другу. Застал Сашку за укладыванием дров в поленницу и молча сунул к его глазам официальный документ. Тот бросил на место дрова и, взглянув сначала на бумагу, а затем на мою встревоженную физиономию, широко улыбнулся:

— Брат мой! Ты уже вырос! Тебе пора отдавать долг Родине! — за пафосом определённо чувствовался свойственный моему товарищу юмор. Вопрос на моём лице: «Что делать, что делать?» — отозвался в его ответе:

— А что делать? В армию завтра. Значит, сегодня устроим тебе проводы. Настоящие! Так, чтобы всю жизнь помнил! — знал бы Саша тогда, насколько пророческими окажутся его слова...

— Беги в магазин, тащи сам знаешь чего, и побольше, — глаза друга превратились в щёлочки от предчувствия доброй выпивки: любил он это дело! — А я пока стол накрою! Давай: одна нога здесь — вторая там!

На мой вопрос: «Сань, а чего брать?» — «Сань» махнул рукой:

— Сам выбирай — всё пойдёт. Да и ребят позови, кого хочешь!

Ну, проводы так проводы! Будущая большая жизнь маячила где-то очень далеко, малореальным тёмным непонятным пятном. Для меня реальным был сегодняшний солнечный день, родная деревня и старая изба-магазин, куда и несли меня ноги за спиртным.

Пробегая по деревне, замершей в полуденной летней тишине, я заглядывал в дома к ребятам из нашей компании. Увы, бездельничающими оказались только двое. Долго уговаривать прийти к Сашке на мои проводы никого не пришлось, и я продолжил путь к стоявшему в отдалении магазину Сельпо.

Продавщица тётка Валя почти дремала за прилавком в отсутствие покупателей. Однако, увидев мою раскрасневшуюся «морду лица», сразу проснулась и, переборов сон, по старой привычке стала спрашивать, что и где случилось. Удовлетворив любопытство и подведя итог расспросам фразой: «В армию тебя, стало быть, забирают», — перешла к делу: «Так, чего тебе и сколько?»

Водки я взял много, чтобы ребята не подумали, что жадничаю. Прихватил и немного консервов на закуску. Отгружая спиртное, продавщица чему-то про себя ухмыльнулась и снова застыла памятником за прилавком, провожая меня затуманенными дрёмой глазами.

Заскочив дома на огород, надрал ещё на закуску всякой зелени, прихватил огурцов и двинулся к дому Сашки.

Во дворе Сашкиного дома под старыми, пережившими войну яблонями, уже был накрыт стол. Мой друг, что-то ещё соображая, бегал вокруг, притаскивая на стол то рюмки, то хлеб, то квас из погреба. Двое наших друзей в предвкушении нечаянного праздника уже удобно устроились на скамейках в самых тенистых местах, и моё появление с позвякивающими авоськами явно пришлось им по вкусу. Ещё немного суеты — и наконец вся наша четвёрка, удобно устроившись за столом, была готова приступить к торжественной трапезе, причиной которой были мои проводы на военную службу в Советской армии.

Сказать, что я могу вспомнить, как точно проходило застолье, сейчас не возьмусь. Начало помню отчётливо: Сашка, как самый старший и авторитетный человек в нашей компании, произнёс тост. Говорил он много и долго. Так долго, что мне показалось, что водка в поднятых стаканах даже нагрелась. Может быть, именно поэтому я и запомнил начало.

Летний июньский день в наших краях долог: встаёшь — солнце на небе, ложишься — оно там же. Но это если ложиться спать, а если есть повод бодрствовать, то увидишь, как солнце всё же закатится за горизонт, но темно так и не станет. Пару часов — почти сумерки, и снова яркий край солнечного диска покажется за макушками дальнего леса. День моих проводов — повод веский для того,

чтобы не спешить в постель. Да и водки было много, слишком много...

Как ушли (исчезли из-за стола) двое ребят, я помню с трудом: вроде только что были, а тут глаза поднял — и уже нет... Стаканы, однако, на месте — показатель того, что наши друзья всё же существовали!

Остались мы с Сашкой за столом вдвоём. Он — потому что напоить его до того, чтобы встать не мог, было просто невозможно; я — потому что по природе своего организма не мог выпить много («душа не позволяет» — поставил свой диагноз на одной из наших общих пьянок Сашка). О чём только мы не успели переговорить за время застолья! Всё больше, конечно, о том, как я служить буду на флоте (туда меня в военкомате определили).

— Одно скажу, — проговорил Сашка, поднимая очередной стакан, — солдата мы вырастили из тебя хорошего: стрелять умеешь классно! — Затем, поморщившись от проглоченной водки, засмеялся: — Что есть, то есть: стреляли в нашей компании все на отлично! Ещё бы! Наши тренировки в лесу любому тире фору бы дали.

В очередной перекур, когда отошли покурить к забору, Сашка, вдруг глубоко затянувшись своим «Беломором» и отбросив окурок в сторону, поднял на меня светлые, мутные от алкоголя глаза и произнёс:

— А поехали в лес, постреляем с мотоцикла! А когда ещё выберемся-то? Напоследок? Погнали! — и, не дожидаясь моего ответа (я к тому моменту был согласен уже на всё), он двинулся к гаражу, где стоял весь вымытый и снаряжённый наш БМВ.

Момент наших сборов как-то вывалился из моей памяти. Когда я начал соображать, мотоцикл, каким-то чудом управляемый вдрызг пьяным Сашкой, летел по дороге от деревни в лес. Встречный ветер, видимо, несколько освежил мою голову (ну очень немного!), и хмель ослабил свою сонную хватку. Я оглядел нашу боевую колесницу и понял, что выпили мы действительно немало! Уже сейчас было что вспомнить в армии!

Сашка сидел на сиденье водителя в мундире немецкого подполковника, обвешанного всяческими наградами и значками. Закреплённая подбородочным ремнём «фурага» с черепом и скрещенными костями на кокарде немного сползла набок. Так ловко он облачился в гараже в найденные нами трофеи, что, не зная, и не скажешь, что перед тобой ненастоящий полковник! Некоторые детали только вызывали у меня смех при взгляде на новоиспечённого полковника: в первую очередь старые Сашкины дырявые ботинки (из одного торчал наружу белый мизинец). Головной убор не соответствовал мундиру (мундир был пехотный, а «фурага» эсесовская). В углу рта — кривая беломорина, по привычке запихнутая моим другом в дырку от зуба и позволявшая в промежутках между затылками то ли песню петь, то ли частушки орать.

Я сидел в коляске мотоцикла, прямо скажу, в очень даже неудобном положении: задним местом в коляске, а ногами на передней её части, так что пулемётная спарка была как раз между ног. Что-то железное и неудобное ещё и подпирало снизу. И вот уж совсем не помню, как я одевался в гараже! На мне был китель немецкого солдата, португеза со всеми причиндалами и штыком на боку, на голове каска!

Мотоцикл подпрыгнул на очередной ямке на дороге, и по тому, как заныла моя многострадальная пятая точка, я почувствовал, что сапёрная лопатка у меня тоже была надета на поясной ремень. Я понял, что «сапёрка» в этом месте совсем не одинока, — и оказался прав! Сашка по моей просьбе всё-таки смог остановить мотоцикл и, качаясь, удалился в растущие на обочине кусты. Я, с трудом перекинув ноги через стволы, смог встать рядом с коляской и увидел на её дне целый арсенал: два автомата МП, с десяток немецких гранат-толкушек, несколько наших Ф1. Множество патронов россыпью и в автоматных рожках.

«Ёлки-палки! Мы их что, сюда лопатой, что ли, насыпали?» — в недоумении поскрёб я в затылке.

В общем, было обо что приложиться задом! Заглянув в багажник коляски, я нашёл там старое одеяло, которое прикрывали две запасных коробки с патронами к пулемётам, и расстелил его в несколько слоёв на груде патронов

и гранат, предварительно вытащив из кучи одну «эмпеху» (немецкий автомат МП-40) и сумку с запасными магазинами. Автомат и подсумки решил надеть на себя — мы были уже в лесу, и в голове проскочила шальная мысль: «Эх! Гулять так гулять! Стрелять так стрелять!»

Мой, даже обожжённый водкой, разум, осознав количество оружия в мотоцикле, сообразил, что тихо сегодня в лесу не будет. Поэтому, когда «полковник» вернулся из кустов, я сказал ему:

— Сашка! Едем на дальняк, чтобы в деревне не слышно было! А то я не в армию, а в ментовку завтра поеду!

Сашка кивнул головой, пробормотав через так и застрявшую в дырке от зуба папиросу:

— Ну-у-у да-а-авай! — и попытался сесть на сиденье мотоцикла. Потом ещё раз попытался, потом ещё... потом его улыбающаяся рожа в фуражке повернулась ко мне, и он, так потеряв папиросу при очередном падении, изрёк:

— Не! Давай меняться! Полковники должны ехать в коляске! — Я, собственно, и не возражал, поняв уже, что то расстояние от гаража, которое за рулём проехал Саня, — уже подвиг!

Меняться так меняться! Было у меня, конечно, желание: для смеха посадить друга так, как ехал в коляске изначально я (уж очень это было бы смешно: полковник дырявыми ботинками вперёд), — но потом сжалился над ним и посадил как положено — ногами вглубь коляски и задом на подстеленное одеяло. Ну а когда прикрыл ещё откидным брезентом по пояс, полковник и впрямь стал настоящим! Пришлось и мне соответствовать: поправил на себе немецкую портупею, каску, ворот застегнул. Блестящий МП на груди добавил реальности, и заведённый мною мотоцикл плавно заскользил по лесной дороге в сторону сгоревшей деревни: я решил, что оттуда наши стрельбы слышны не будут. Можете мне не верить, но, по моему тогдашнему ощущению, мотоцикл действительно двигался очень плавно, хотя сейчас я и понимаю, что не мотоцикл, а моё пьяное сознание плыло и скользило тогда над неровной землёй...

По лесной дороге к поляне, где когда-то была деревня, катился немецкий мотоцикл с увешанным наградами пьяным полковником в люльке и почти таким же пьяным и до зубов вооружённым солдатом-водителем. И всё бы ничего (всё было очень похоже на события двадцатилетней давности, произошедшие в этих местах), если бы два новоиспечённых «фашиста» не орали на весь лес, перекрикивая шум двигателя, советскую «Катюшу» и другие военные песни, совершенно русскими голосами...

Мои воспоминания прервал несильный толчок в плечо: командир нашего отряда как-то незаметно выбрался на броню и подсел рядом со мной на крышу кабины. Наклонившись к моему уху, он спросил:

— Далеко ещё? — и этот вопрос полностью вернул моё сознание из прошлого к настоящей реальности.

Я огляделся. По довольно ровной дороге тягач бежал споро, и мои расчёты времени оказывались неправильными. Вот дорога выходит на финишную прямую, затем должен быть поворот почти под 90 градусов, затем ещё с километр сильно извилистой дороги, и там, у большой ветлы, началась уже поляна. И почти по центру её когда-то стоял тот страшный сарай. Фундаменты сгоревших домов, густо заросшие кустарником, располагались тогда, в шестидесятых, слева вдоль леса. Потянувшись к голове Фёдора, я объяснил ему наш маршрут. Несколько отстранившись, он как-то удивлённо посмотрел мне в глаза и, сказав: «Ну-ну! Посмотрим!» — чему-то про себя улыбнулся. Я ещё раз оглянулся по сторонам мирной и ухоженной дороги, затем снова стал всматриваться в перспективу дорожной просеки. За близким поворотом меня ждало то, о чём столько лет я думал, чего боялся — даже во сне. Я реально чувствовал, как напряглось всё моё существо, ожидая или просто надеясь на разгадку нашей с Сашкой тайны почти полувековой давности...

Когда в день — точнее, в вечер — моих проводов в армию мы подъезжали к деревне, я уже неплохо соображал (так казалось), хотя и вёл мотоцикл не совсем ровно (тут всё равно никто не ездит). «Полковник» Сашка немного задремал, склонив голову на грудь. Встрепенулся он только метров

за 800 до поворота, когда, в очередной раз вильнув, я наехал на лежащий на дороге большой сук. Мой друг, не удержав голову, ткнулся ею в какую-то из выступающих деталей пулемётов. Видимо, было больно, потому что ясность в Сашкиных глазах появилась почти сразу, как будто он и не спал вовсе.

— А? Что? Приехали? — произнёс он, потянувшись за выпавшей от толчка папиросой. Достать он её успел, а вот прикурить — нет. Пока его руки нечёткими движениями шаривали в кармане спички, я вывел мотоцикл на поворот и остолбенел. От увиденной картины папироса снова вывалилась из неокрепших после сна пальцев друга. Да и я как-то сразу опешил.

За поворотом, у сосны, стоял точно такой же (как наш) мотоцикл, а у него три человека в немецкой форме возились у импровизированного шлагбаума. Наше появление вызвало у военных замешательство. Двое отбежали к мотоциклу, на ходу сдёргивая с себя автоматы.

«Ну точно такие же, как тот, что висит на мне!» — успел подумать я, а третий вышел к нам навстречу с поднятой вверх рукой:

— Хальт!

Насколько я понимал это немецкое слово, человек требовал нашей остановки. Это, конечно, было лишним, потому что, когда я увидел посторонних людей у точки, где мы с Сашкой и не предполагали никого увидеть, моя рука сама отпустила газ и мотоцикл начал останавливаться. Дар речи, что у меня, что у друга, явно пропал; и мы, вытаращив глаза, молча уставились на чужаков. Мотоцикл почти остановился, когда метрах в пятидесяти от шлагбаума мы поравнялись с идущим навстречу человеком. Он держал автомат стволом в нашу сторону, был одет в немецкую полевую, довольно грязную, форму. Он всё ещё поднимал руку вверх, призывая остановиться, но вдруг, когда мы были почти рядом, переводя взгляд с меня на моего пассажира, резко отскочил в сторону, опустив оружие и показывая, что можно проезжать.

Прокричал он что-то и своим товарищам у мотоцикла. Услышав его, те мгновенно вскочили и проводили нас на еле

катившемся мотоцикле через шлагбаум, так и не закрытый в спешке.

Солдаты стояли по стойке смирно, отдавая честь. От внезапности произошедшего я просто обалдел! И, похоже, Сашка – тоже: сидел себе в коляске с открытым ртом и спичками в руках и качал головой, как игрушечный болванчик, пока мы дефилировали мимо импровизированного поста на дороге.

Почему я дал газу? Не знаю. Может, команду регулировщика выполнял. Мотоцикл ускорился и остановился лишь в пятистах метрах, за очередной извилиной узкой лесной дороги, когда трое у шлагбаума совсем скрылись за густой зеленью леса. Мотоцикл замер, работая на холостых оборотах, и мы с Сашкой переглянулись.

– Это что такое было? Это кто? Здесь, в наших местах, чужие люди?! Откуда? Неужели ленинградские «чернушники» опять припёрлись?

Был у нас конфликт несколько лет назад с бригадой любителей «по войне покопать» из Питера, но тогда мы их выгнали и больше не слышали про них.

– Давай вернёмся, разберёмся, – предложил я. Даже стал поворачивать руль направо, но Сашка, как-то странно покрутив головой, остановил меня.

– Чуешь, горелым пахнет? Костёр у них там. База. Давай, рули на поляну. Сейчас там и разберёмся! Мало им было скандала в прошлый раз! Мало сопатки поразбивали!

Сашка разозлился не на шутку и даже взвёл затворы на пулемётах, как бы подбадривая себя. Последнее его действие меня озадачило: как бы и правда палить не стал! Не дай Бог, зацепит кого!

Про Сашку-то подумал, а сам тоже передёрнул затвор автомата. Не скажу, что мы сразу протрезвели от внезапного происшествия, но, почувствовав возможную агрессию на нашу территорию (а мы её однозначно всегда считали своей), ощутили, что уверенности и крепости в руках добавилось. Я развернул руль обратно и, отпустив сцепление, рванул последние сотни метров в деревню. Сашка

прильнул к пулемётам, и от этого его действия у меня даже холодок по спине пробежал: не дай Бог, стрелять придётся!

Наш БМВ пулей вылетел из леса, подгоняемый негодованием по поводу появления чужаков в «родных пенатах». Полупьяная злость во мне говорила о решимости, если не на всё, то на многое. Я готов был увидеть на поляне лагерь «чернушников» с горящими у палаток кострами и множеством совершенно нелояльных к нам людей. У каждого из них, как и у нас (а у кого в то время его не было), могло быть совсем не игрушечное оружие.

Зная друга, могу сказать и за него: отстоять «свою» землю от вторжения он был готов всегда! Сколько раз вечером у костра произносил, пропустив стаканчик:

— Эх! Мне бы сейчас пулемёт — и в сорок второй! Я б им дал!

Что бы он и кому «дал», никто не спрашивал: и так было понятно всем, кто подержал в течение дня в руках останки не одного десятка наших солдат. Да и кто бы из нашего поколения не взял в руки оружия и не убежал из дома защищать Родину?! Только вот война кончилась, и враги в лесу лежали тихо-тихо и ни в кого не стреляли...

Я думал, что был готов ко всему, что увижу, выскочив на мотоцикле на поляну, но то, что предстало моему взору, не просто озадачило — ошеломило, раздавило своей нереальностью и меня, и моего старшего товарища. Сколько раз мы почти так же выскакивали на поляну, оставляли под деревьями, на краю, транспорт и проводили дни, обследуя местность вокруг. Сейчас поляна была другой. Да какая там поляна: мы вкатились в деревню!

Слева, в ряд, шли дома, утопающие в летней зелени и одичавших под окнами цветах. У ручья, в отдалении, паслись какие-то домашние животные — то ли овцы, то ли козы. Впереди, там, где было то ужасное место, стоял большой сарай, и возле него явно суетились люди. Вот хочешь — верь сам себе, хочешь — не верь, но там, где я раньше видел пустырь с редкими кустами выжившей сирени, сейчас стояла жилая деревня.

«Жилая, да какая-то неживая», — проскочило у меня в голове, когда я затормозил мотоцикл у первых домов. Двери были распахнуты настежь. Кое-где раскрыты и разбиты окна: через осколки свешивались наружу вышитые хозяйской шторы. А прямо у переднего колеса мотоцикла, в луже крови, лежал огромный пёс-дворняга с обрывком цепи на шее. Подняв глаза, я понял, каким «костром» пахло в лесу: где-то посреди деревни горел дом. А может, и не один. Из-за поворота улицы самого пожара не было видно, но над крышами, вдали, поднимались клубы дыма. Огня не наблюдалось: видимо, пожар только разгорался.

— Саш! Ты понимаешь, что это? — я снял каску, поворачиваясь к другу, и встретился со взглядом его выпученных от удивления глаз. Наконец он вышел из ступора и, сглотнув, сказал:

— Видать, ты плохой водки принёс! Что тут за фигня происходит?! Или мы с тобой дружно кошмары смотрим под скамейкой у меня в огороде?! — он говорил в свойственной манере на грани юмора, но в эту минуту явно ни мне, ни ему было не до смеха.

— Давай, двигай к центру! Сейчас посмотрим, что там за кино снимают!

Точно! Сашка — молодец: конечно, кино! Как я сразу не подумал! Построили декорации на реальном месте и снимают! Мой разум, не найдя какого-либо объяснения увиденному, цеплялся с охотой за любую подходящую версию. Я проехал к центру — туда, где толпились люди. Приблизившись почти вплотную, понял, что если это и кино, то, наверное, фильм ужасов!

Дома в центре деревни горели. Не просто горели: их поджигали! По деревне ходили несколько человек с ранцами огнемётов за спиной, и дома вспыхивали — один за другим, глотая в открытые двери огромные факелы огня. Поджигатели не суетились и спокойно делали своё дело.

Группа людей, замеченная мною издали, оказалась строем в форме и с оружием за спиной. И... я не верил своим глазам! Это была эсесовская форма! И не «как зря» надетая Сашкой, а очень даже настоящая! И оружие за спиной —

немецкие карабины – тоже выглядело совсем не игрушечным!

Чуть в стороне от строя стоял вынесенный из какой-то деревенской избы круглый стол. За ним сидели на стульях два человека в форме полицейских частей германской армии. К офицерам то и дело подбегали за указаниями то люди в эсесовской форме, то полицейай с повязками на руках.

«Я что, сплю? Так много думал о том, что здесь произошло, а теперь, напившись, вижу всё во сне?! Это что? Мы с Сашкой вдвоём один сон смотрим? Или и друг мне снится? Если так, то сон – плохой! Просплюсь – больше ни грамма водки в рот не возьму». – Моё сознание пыталось найти хоть какое-то объяснение тому, что видели глаза.

Или всё-таки кино? Я перевёл взгляд на Сашку. Он сидел, что-то бормоча тихо себе под нос. И по его лицу было понятно, что он удивлён и ошарашен не меньше меня. Вот он поднял руку с намерением поправить или снять фуражку и...

О Господи! Один из офицеров за столом, приняв движение его руки за приветствие, с улыбкой помахал ему в ответ.

Неужели и вправду кино? И Сашке помахал кто-то из его знакомых? На долю секунды мне даже стало легче, и я снял с головы шлем, пытаюсь остудить явно перегревшееся вместилище моего мозга, машинально заглушив мотоцикл. За шумом мотора машины в плотно сидящем шлеме я почти не слышал звуков и только сейчас вдруг понял, почему в таком оцепенении находился Сашка: он-то был без шлема! То, что я услышал, было невыносимо ужасно: повсюду слышалась немецкая речь, крики, команды. Сквозь треск горящих домов на высоких нотах слышался визг, лай, мычание домашних животных, сторающих заживо вместе с дворами.

И, о Боже! – истошный крик женщин, детей, исходящий из закрытого сарая метрах в тридцати, перед которым и стоял строй эсесовцев. Сначала я как-то не обратил на сарай внимания: около него не было людей в форме, просто закрытый на засов деревенский амбар. Но этот крик и вой из него!

«Там же люди! Как же так?! Какое это нафиг кино?!» – подумал я и понял теперь, что бормотал Сашка! Он и сейчас,

вцепившись в пулемёт посиневшей от напряжения рукой, повторял и повторял:

— Какое нафиг кино?! Какое нафиг кино!..

Наш мотоцикл стоял напротив фланга шеренги эсесовцов (около взвода, отметил я про себя) метрах в двадцати — тридцати, не более. За шеренгой, метрах в пятнадцати, стоял стол с сидевшими за ним офицерами. Между домами и стоявшими ближе к околице двумя машинами, покрытыми брезентом, суетились полицейские (ещё около десятка, прикинул я). С противоположной стороны строя солдат стоял такой же, как наш, мотоцикл с МГ на коляске. Мотоциклист, сняв каску, приводил в порядок слипшиеся от пота светлые волосы, а пулемётчик копался с пулемётом, открыв крышку.

Вот к офицерскому столу услужливо подбежал полицейский с патефоном и большой бутылкой самогона под мышкой. Водрузив проигрыватель на стол, он поставил иголку на пластинку, и к адской какофонии добавилась знакомая мелодия: «Утомлённое солнце тихо с морем прощалось...». Плеснув в стаканы самогона, один из офицеров снова повернулся к Сашке и приветливо махнул рукой, показывая на бутылку. Нас здесь явно принимали за своих. Сашка скривился и выдавил сквозь зубы:

— Ага! Щас! Мы с тобой выпьем! — а мне дал команду: — Заводи.

Это было уже лишнее, потому что я, и сам не понимая почему, уже завёл мотоцикл и надел каску. Я готов был уже тронуться с места, хотя и не знал, что же надо делать, но тут произошло такое, что решение, что делать, пришло мгновенно.

Из окна сарая показалась голова девочки лет десяти. Кто-то изнутри подтолкнул её, и она появилась в окне полностью, а потом, цепляясь за оконный проём, сползла по стене к фундаменту. Я услышал, как она заплакала, ударившись о землю, и размазывала слёзы ладошкой по лицу.

Полицейский, принёсший патефон по указанию одного из офицеров, схватил девочку за руку и подтащил к офицерскому столу. Офицер допил самогон из стакана и, аккуратно поставив его на стол, вышел полицейскому навстречу, на ходу

расстёгивая кобуру парабеллума. Я смотрел как заморожённый на происходящее: этого просто не может быть!

Пока полицай тащил упирающуюся девчущку, к сараю подошли два огнемётчика и в ожидании команды замерли у закрытых ворот. Офицер слегка наклонился к девочке, которую полицай бросил у его ног, и, повернувшись в профиль к фотографировавшему его собутыльнику, дважды выстрелил во взлохмаченную детскую головку. Наклонился он слишком низко, и брызги крови попали на его лицо. Достав из кармана носовой платок и вытерев лицо, убийца вложил пистолет в кобуру и двинулся к столу с намерением продолжить трапезу. Снова посмотрев на нас, призывно махнул:

— Ну что же вы?! Я угощаю!

В этот момент я уже не задумывался, что делать и кто эти люди, — я это знал! Ничего не надо было говорить и Сашке: его лицо стало багровым от злости, и он уже не шептал, а просто орал, перекивая все звуки:

— Ах вы суки! Ах вы твари! Я вам щас попью самогончику!

Он орал так громко, что офицеры, не сговариваясь, усталились на непонятого полковника, а полицай замер у стола как изваяние. Но эти эмоции были последними в жизни мерзких подонков, потому что я довернул стоящий левым боком к строю мотоцикл. Спарка пулемётов развернулась на солдат, и это было то движение, которого ждал Сашка. Пулемёты загрохотали, разбрасывая вокруг люльки мотоцикла латунь гильз. Бросив руль, я скинул автомат и очередь за очередью посылал вслед разбегающимся воякам. Офицеры, вскочив было при первых выстрелах, тут же снопами свалились на траву рядом со своей недавней жертвой. Полицай присел, как бы пытаясь спрятаться, но очередь двух МГ с двадцати метров превратила его голову в кровавое месиво. По нашему мотоциклу хлестнула короткая очередь из стоявшего за строем пулемёта, но она оказалась очень короткой: дуэль с Сашкиной спаркой была не в пользу немца. Пулемётчик вместе с водителем так и застыли на тех местах, где несколько секунд назад сидели. Пули, однако, хлестнули по железкам нашей машины, и одна, видимо, зацепила Саш-

ку: левая сторона его лица была в крови. Сашка не замечал раны, а, привстав в коляске, напряжённый как струна, всё поливал и поливал свинцом разбегающихся солдат. При этом он орал таким звериным криком, что понять, от чего в ужасе разбегались враги, было сложно: то ли от неожиданной атаки, то ли от нечеловеческого Сашкиного крика. Не многие из стоявших в шеренге солдат смогли убежать сколь-нибудь далеко.

Я тронул мотоцикл с места и понёсся по деревне, догоняя и убивая каждого, каждую сволочь! Группа водителей и лицаев, стоявшая у машин, попыталась стрелять из автоматов, забравшись в кузов, но и их достал Сашка, а для верности, когда мы пролетали мимо машин, бросил в каждый кузов по лимонке. Один из огнемётчиков, пытаясь убежать, скинул ранец, но отбежал от него всего на пару шагов — спарка прошла по нему снизу доверху. Второй немец в панике забыл про огнемёт, висевший за спиной, и пытался скрыться, не обращая внимания на груз. Он вспыхнул вонючим факелом, когда я пустил вслед длинную очередь из своего автомата!

Так и носился наш «мотоцикл мести» по деревне, перескакивая через трупы уже убитых врагов и превращая в трупы тех, кто пытался спастись от возмездия. Сашка успел перезарядить пулемёт, когда, поняв, что что-то происходит не так, выездной пост на мотоцикле вкатился в деревню. Да так и ехал он, пока не упёрся в горящий дом: под нашим огнём никто из прибывших и понять не успел, что произошло.

Сколько времени всё происходило? Мне показалось — одно мгновение. Площадь и улица деревни были завалены трупами в чёрных одеждах. Догорали три подожжённых в центре деревни дома (остальные, наверное, хотели уничтожить после сарая с людьми), а у околицы чадил два немецких грузовика. Люди из сарая, увидев через окна, что происходит, выломали ворота амбара и выбежали на свободу с криками:

— Партизаны! Родные! Спасибо вам, миленькие!..

Я видел приближавшихся женщин, детей, стариков... С последними очередями Сашкиной спарки выстрелы

в лесной деревне затихли. Крики людей, получивших неожиданное спасение, вплетались в шум налетевшего внезапно ветра и треск раздуваемых им пожаращ.

Наш мотоцикл стоял на краю поляны, на дороге, по которой мы совсем недавно влетели в деревню. Мотор машины послушно работал на холостых, ожидая дальнейших команд. Дымилась стволы пулемётов, разогретые почти докрасна стрельбой. Они сожрали весь боезапас, который мы привезли с Сашкой в лес, чтобы пострелять, попробовать...

— Вот так постреляли! — я в ужасе ещё раз оглянулся на деревню и, включив скорость дрожащими руками, повёл машину по дороге обратно к дому.

Километров пять мы проехали, прежде чем я понял, что вести дальше мотоцикл не могу: крупная дрожь била всё моё тело. Я как будто бы замерзал среди лета: внутри было так холодно, что даже зубы стучали. Когда мотоцикл остановился, я так и вывалился из сиденья на сухую лесную подстилку, где и лежал, согнувшись, с полчаса, пытаясь согреться. Постепенно зубы перестали стучать. Затихала дрожь в руках и ногах. Медленно, с головной болью, возвращались силы и мысли. Как будто я потерял сознание. Нет, не так: ощущения напоминали утро после сильнейшей пьянки — ощущение реальности отсутствовало напрочь!

Я кое-как встал, морщась от боли, стучавшей молотом по вискам, и, обойдя мотоцикл, увидел Сашку приблизительно в таком же состоянии, что и я. Он сидел у колеса коляски, обхватив голову руками, мерно раскачиваясь, как будто в такт больному пульсу в моих висках. Левая щека его была в запёкшейся крови, капли которой были разбрызганы и по всему мундиру, некогда вычищенному нами. Эсесовская фуражка валялась с оборванным ремешком в паре метров от Сашкиных ног, явно сорванная и откинута им в сторону.

Мысли путались, сознание слушалось на удивление плохо. Помню отчётливо: мы провожали меня в армию (внутренний голос грустно иронизировал):

— Ну и как тебе проводы?!..

...Выпили немного.

— Ага! Немного! Так, что и не помнишь, что правда, а что сон! — продолжал издеваться мой внутренний оппонент.

Потом не очень помню.

— А, нет! Поехали с Сашкой опробовать наш пулемёт!

— Ну, и на чём вы его опробовали? По чему стреляли? Вот уж, наверное, душу отвели! — голос уже орал внутри моей головы, и от этого давления казалось, что она вот-вот лопнет.

Я вдруг вспомнил, куда и во что мы стреляли.

— Нет, этого быть не может! Просто не может! Сейчас 65-й год, а не 42-й! Здесь нет никаких людей уже двадцать с лишним лет! Всё, что мне пригрезилось, — это плод излишней выпивки! Вот и голова болит...

Я пытался как-то собрать и направить мысли в правильное русло, чтобы разумно объяснить то произошедшее (или приснившееся), при воспоминании о котором дрожь во всём теле включалась снова. Наконец у меня сформировалось какое-то объяснение и стало немного легче:

«Поехали в лес пострелять. Ну... были пьяные...

Ну постреляли — вон сколько «гильза» в коляске...

А потом вот, видимо, и разморило у мотоцикла...

Да! Сашка вот где-то ухо ободрал спьяну».

Толкнув друга, которому так пока и не удалось собраться с мыслями — выпил, видать, больше — я стал рассказывать то, что как-то уже сложилось в моей голове. Он слушал, медленно возвращаясь к действительности (моя версия явно была подходящей и нас обоих устраивала). Не спеша поднявшись и пытаясь оттереть испачканную кровью щёку, Сашка нырнул почти с головой в багажник коляски и, порывшись несколько секунд в её утробе, вынул на свет пару бутылок «Московской».

— Да, ты, наверное, прав: «всё, что мы есть, и всё, чем мы кажемся, — это лишь сон!..» — изрёк новоиспечённый философ, зубами срывая алюминиевую пробку с бутылки. Я в ужасе смотрел на водку, но раскальвающаяся от боли голова заставила взять у Сашки бутылку. Мы выпили, и сразу стало намного легче и спокойнее. Потом ещё выпили, и стало совсем хорошо. Так хорошо, что вновь своё тело я стал

ощущать только поздним утром следующего дня, лёжа дома в своей кровати...

Но сегодня — это не вчера, разлёживаться было некогда: в два часа дня был уже поезд, который увозил нас, новобранцев, в Москву. Там пересадка — и двигайся на Дальний Восток, к месту прохождения службы.

Одевался, собирался, брился на бегу. Спешил так, что чуть было не влез в валяющийся у кровати немецкий мундир. Пнув его под кровать, подумал коротко: «Похоже, вчера мы здорово погуляли!» Ничего другого на ходу в голову не пришло: некогда думать было. Время поджимало: успеть бы до военкомата добраться.

И всё же, пробегая уже с рюкзаком за спиной по деревне, я на несколько минут заскочил к Сашке. Он сидел на улице у стола, в трусах, и прикладывался к трёхлитровой банке с огуречным рассолом. Огурцы, выкинутые из банки за ненужностью, сиротливо теснились среди остатков нашего вчерашнего застолья. Увидев меня, Сашка протянул молча мне банку с остатками рассола.

О! Это было очень кстати! Приложившись, я шумно выдохнул и почти уронил банку об стол: как, однако, русскому человеку легче от такого лекарства!

— Ну, как ты? — друг смотрел на меня мутными светлыми глазами. — Помнишь, что вчера было? Мне вот всё кошмары чудятся... Помню, что в лес поехали, а дальше... Нереальность какая-то! Пулемёт, похоже, всё-таки опробовали! — Сашка встал из-за стола и, как был, в трусах и сапогах, пошёл впереди меня к гаражу.

Мотоцикл был весь грязный — где мы только грязи в такую сушь нашли?! — ободранный ветками и обрызганный кровью. При виде пятен крови я взглянул на Сашкино ухо: кусочка мочки уха как не бывало. На месте ранки была запёкшаяся корка. Полколяски и одеяло, что я постелил под зад для удобства, были засыпаны жёлтыми стреляными гильзами; фара разбита; в кузове коляски несколько пулевых дыр.

«Наверное, я из автомата полоснул», — грустно пришло мне в голову: жаль машину стало!

Осмотрев «железного свидетеля» наших вчерашних приключений и немного поохав: «Эко нас угораздило!» — я попрощался с другом и побежал, почти уже опаздывая, к автобусу. На бегу подумал, что не так уж всё и страшно, как вчера пригрезилось! Бурная фантазия да избыток спиртного ещё и не такое могут сотворить! Подумал бы, наверное, и ещё о чём, да некогда было! Бывшие призывники поймут меня: с момента, как ступишь в военкомат, и до принятия присяги в воинской части думать обычно некогда, и хотел бы — не дадут.

На Дальнем Востоке, куда через неделю доставил меня поезд из Москвы, попал я сначала в учебку, затем на флот. И как-то так сложилось, что, когда пришло время демобилизоваться на берег, меня уже любимая там ждала. Вот так и устроилась судьба: женился и прожил, вот уже 40 лет, в 7000 километров от родных мест.

Один раз только вырвался — мать похоронить, последнего родного человека в тех местах, где прошло моё детство. Зашёл тогда и на Сашкину могилку: он погиб через год после моего отъезда в армию. В деревне родной к тому времени одни старики остались — никого из своих ровесников не нашёл. Прошёлся по улице мимо многих заколоченных домов, забил досками и свой родной, поклонился и уехал. Надолго.

Неплохая, кажется, и жизнь прожита. Дети выросли, внуки уже бегают. Всё вроде в порядке; всё как у людей. Незаметно старость подкралась. Может, оттого что времени свободного стало больше, а может, просто оно пришло, но стал я не находить себе покоя, вспоминая ту давнюю историю, произошедшую в юности на моих проводах в армию.

Вспоминал-то я её, конечно, и на протяжении всей жизни, но вот теперь воспоминания не стали давать мне ни минуты покоя. Ни днём, ни ночью. Закрою глаза: катимся мы на мотоцикле, песни орём... Сашкино лицо, залитое кровью... Страшные крики людей, животных... Я стал ощущать запах дымящихся стволов Сашкиной спарки! Стало, в общем, невоготу! Собрался, купил билеты, и вот...

Тягач вышел на финишную прямую перед деревней. Я поднял седую голову навстречу разгадке давнишней

тайны. Сколько раз я представлял, как это будет: вот я приезжаю, вижу заросшую (теперь уже не травой, а деревьями) поляну с обгоревшими фундаментами...

Думалось мне, что людей-то из сарая уже похоронили и в бывшей деревне будет стоять монумент. Наподобие того, что я видел в Хатыни, со списком всех невинно убиенных жителей. Другие варианты истории мой мозг отметал: наши с Сашкой пьяные бредни не могли существовать!

Расспрашивая командира поискового отряда, я понял, что ни они, ни кто другой не знают о произошедшей в деревне во время войны трагедии. Это означало, что останки людей так и лежат обгоревшие среди бурьяна, и я последний, кто помнит о происшедшем. Скоро и мне пора — на «постоянное жительство», к другу, а значит, успеть надо доделать то, что мы с ним не успели, — похоронить сожжённых. Вот поэтому повёл я поисковиков к сгоревшей деревне.

Тягач напрягся на последнем повороте и, пыхнув выхлопом, выкатился из леса. Внутри меня всё сжалось и напряглось в предвкушении.

«О Господи! — слетело с губ у меня, никогда не веровавшего в Бога. Я перекрестился. — Сотвори чудо!»

Я был абсолютно трезв (не пил с тех пор), но то, что я увидел, лучше бы видеть пьяному!

Деревня была! Как и тогда, в 65-м, слева начинался ряд домов, а прямо впереди, по центру деревни, стоял сарай!

Нет! Конечно, дома были очень старыми и многие уже полуразвалившиеся. Но они были! И сарай выглядел как полусгнивший сруб с провалившейся крышей, но и он был! Я глазам своим не верил!

Командир поискового отряда уже откровенно улыбался, глядя на моё растерянное лицо:

— Здесь это было? — Я кивнул головой и, спрыгнув с брони, побрёл по заросшей травой, но совершенно реальной деревенской улице.

Фёдор тоже спешил и шёл за мной в кильватере. Не все дома были развалившимися или пустыми. У одного жилого дома я остановился. Здесь на заборе сушился на солнце выданный виды половик, а во дворе кудахтали куры. Увидев

у ворот чужих, из сеней на улицу вышла старушка. Небольшого роста, с покрытой платком головой, она двигалась так плавно, как будто плыла.

— Здравствуйте, бабушка! — я поздоровался, подходя к калитке.

Старушка очень напоминала мне мою маму: такие же сморщенные от непосильной работы руки, аккуратная стираная-перестираная одежда, добрые глаза всех матерей нашей страны.

— Здравствуй, милоч! Что-то и не узнаю, чей ты сын? — бабушка, видимо, решила, что вернулся в деревню, как это часто бывает, сын кого-то из её бывших соседей. Присев на еле живую скамеечку у забора, я рассказал бабушке, как маме (которой не успел), про свою жизнь. Постарался недлинно, но и коротко особо не получилось.

Пока я говорил, старушка меня внимательно слушала, а потом спросила: что же меня привело через столько лет на родину? Зачем в их дальнюю деревню приехал?

Не знал я, как спросить, сказать как. Говорю:

— Бабушка, может, я уже что-то и путаю по своей старости (бабулька улыбнулась над моим возрастом), но не знаете ли вы о деревне здесь где-то рядом, которую в войну немцы сожгли вместе с людьми?

Женщина покачала головой:

— Нет, сынок. Всю войну здесь прожила — нет такой деревни. Немцы пытались нас сжечь, но наши партизаны из леса выскочили и отбили нас, освободили. Было тех партизан видимо-невидимо: силища! Как налетели на мотоциклах с пулемётами, всех фашистов и поубивали! Все живы и остались... — бабушка погрустнела. — Сестрёнку мою родную только фашист поганый застрелил, — слеза покатила по изрытой морщинками щеке. Бабушка подняла глаза на меня и стала как-то пристально всматриваться в моё лицо.

— Больно ты, сынок, на одного из тех партизан похожий. Только тот молодой был. — Бабуля встала со скамейки и поплыла к дому. Уже почти в дверях остановилась и, глядя через моё плечо в сторону развалин старого амбара, сказала:

— Там мы Танечку и похоронили, сестрёнку мою! Десять годков было...

На ватных ногах я вышел за калитку и пошёл по хорошо утоптанной тропинке в сторону амбара. Что было в моей душе!

Эх, Сашка, Сашка! Кому я сейчас расскажу нашу с тобой историю?!

Кто поверит? Как же так случилось?

Я знал, куда идти. Я помнил. Справа от развалин амбара, на бугорке, где мы когда-то видели стол с сидевшими за ним офицерами, стояла невысокая крашенная пирамидка со звёздочкой и недавно обновлённой надписью: «Помню о тебе, сестрёнка».

Тропинка закончилась у калитки оградки. Я медленно шагнул и опустился на колени у холмика с красивыми живыми цветами.

— Помню о тебе, сестрёнка! Прости, что не спасли!

Март 2015 г.

Любовь Потанина

п. Красногвардейский, Свердловская область

ВОЙНА

Птица-беда пролетела над миром,
Чёрным крылом заслонив небеса.
Траурно в полдень сказали в эфире,
Что началась война.

Русский народ на защиту поднялся:
Вышли на фронт и старик, и дитя.
Бились на смерть, себя не щадили.
Но не сдалась страна.

Долгие ночи и дни под прицелом —
Пули свистели, трещал пулемёт.
Выстоял гордо: не предал, не струсил
Русский могучий народ.

Скажем сегодня «Спасибо!» героям.
Низкий поклон до земли.
Мы благодарны всем вам, дорогие!
Мир подарили нам вы.

Тамара Потанова

г. Москва

ПОБЕДНАЯ ВЕСНА

Май утопал в цветенье пышном,
заставил пушки замолчать,
в Европе радостно все вышли
освободителей встречать.

Отец мой тоже был солдатом,
он воевал на трёх фронтах,
Победу встретил в сорок пятом,
когда врага разбили в прах.

Он на плацдарме Сандомирском
чуть не погиб в боях за Львов
и с Первым фронтом Украинским
плыть через Одер был готов.

А с Белорусским от фашистов
он города освобождал,
спасал Европу от нацистов —
и тем Победу приближал.

На Ленинградский фронт мальчишкой
из Подмосковья уходил,
война тянулась долго слишком,
но придавала вера сил.

В Победу верил в бой идущий,
а с верой нас не победить!
Врагов, народу зло несущих,
мы били, бьём и будем бить!

Свободу Родины любимой
умели с честью защищать,
и потому непобедимой
была в войне Отчизна-мать!

Героев павших не забудем,
с молитвой свечи мы зажжём,
и вспомним тех солдат, кто грудью
встал защищать родимый дом.

Сегодня в школах ветераны
«Уроки мужества» ведут
и прославляют неустанно
патриотизм, отвагу, труд.

И мир спасли, и жизнь нам дали,
им салютует вся страна,
победно светится в медалях
семьдесят пятая весна!

ТАМАРА ПОТАПОВА

Ирина Салтанова

г. Севастополь

ЖИВЫЕ РЕЛИКВИИ

1

День ото дня приходят печальные новости о надругательстве или сносе мемориалов и памятников погибшим бойцам и командирам Красной Армии в странах Европы.

25 апреля 2019 года. Вена, Австрия. Посольство России выразило протест из-за осквернения памятника павшим советским воинам, которые освобождали Австрию от фашистских захватчиков. И это перед великим Днём Победы!

Последнее известие из Эстонии. По сообщениям эстонских СМИ, в конце октября 2019 года там был снесён мемориал погибшим советским солдатам в посёлке Таэбла волости Ляэне-Нигула. Это не безымянное захоронение, а мемориал, внесённый в Государственный регистр культурного наследия! Как стало известно, монумент стал препятствием для строительства нового стадиона перед школой. И до сих пор остаётся неясной информация о перезахоронении останков красноармейцев в Таэбла на северо-западе Эстонии, погибших в Великой Отечественной войне.

В последнее время участились случаи вандализма в этих, освобождённых советскими войсками, странах. Из братской Украины, всеми любимой Одессы, в начале ноября пришла очередная не поддающаяся объяснению с точки зрения здравомыслящего человека новость. Со стены здания Приморского военкомата националисты-радикалы сбили барельеф маршала Жукова.

Что это? Война с прошлым? Как можно назвать варваров, воюющих с мёртвыми? Что может быть легче и позорней, когда кучка здоровых мужиков воюет непонятно кому в угоду, с кем? С тем, кто не может ответить, с мёртвым! Не боитесь ли вы, господа, занимаясь политиканством и перепи-

сыванием истории всего советского прошлого, «выплеснуть вместе с водой и ребёнка»? Уничтожая в ваших странах историю и следы великого подвига советского воина, вы лишаетесь и своего прошлого, сливая его в отстойник истории. Будет ли благодарно вам за это будущее поколение? Не приходит ли вам в голову одна-единственная, но здравая мысль, что может наступить время — и некому будет встать на защиту ваших стран? Именно потому, что вашим детям и внукам достанется в наследство прошлое с «проплешинами» в истории страны и нечем будет особо гордиться, нечем будет дорожить.

Как известно, без прошлого нет будущего!

2

Этот дом я знаю с детства. Его построил отец моей подруги Ольги, дядя Лёня, так я всегда его называла. Он находится в центральной части города, на одном из городских холмов Севастополя. С советских времён это место имеет название — гора Матюшенко, а раньше — Рудольфова гора. Отсюда видно море и Херсонес (древнее название — Корсунь), где, по преданию и историческим свидетельствам, князь Владимир Святославович принял крещение в 987 (988) году. Владимирский кафедральный собор в Херсонесе был построен по проекту Давида Ивановича Гримма в месте, где мог быть крещён киевский князь Владимир. Его строительство велось тридцать лет, начиная с 1861 года, и в 1891 году Владимирский собор был освящён.

Во время Великой Отечественной войны собор был сильно разрушен, восстановлен из полуразрушенного состояния в 1990 году — начале 2000 года.

Летом с горы Матюшенко интересно наблюдать закат солнца, видеть, как золотится в вечерних лучах купол Владимирского собора и огромный огненный диск солнца садится прямо в море! Закат каждый раз неповторимый.

Если взять чуть левее, в сторону двух старых кладбищ, еврейского и караимского, то панорама обзора расширяется. Кроме внешнего рейда Севастопольской бухты,

в хорошую погоду можно рассмотреть другой берег города: посёлки Учкуевка и Любимовка, и даже вдаль можно увидеть берега посёлка Кача.

Нет места лучше, чем это, чтобы смотреть праздничные салюты по особо торжественным праздникам и событиям. Возникает какое-то ликующее чувство в груди, когда бахают мирные салютные пушки, поднимаются ввысь гроздья фейерверка, различные по калибру, рисунку и расцветке, играя огнями на водной глади, а затем расцветают в небе и гаснут в глубине чёрных вод моря.

Вроде бы родной вид, открывающийся с высоты холма. А рядом ограда городского кладбища, до конца 60-х годов прошлого века по этой улице шли похоронные процессии. И через неширокую дорогу перед домом – забор инфекционной больницы. А ещё говорят, что здесь, на Рудольфовой горе, так её называли во время Великой Отечественной войны, был один из самых больших в Севастополе лагерь военнопленных, где были замучены и погибли от ран, жажды и голода тысячи пленённых: солдат и офицеров Красной Армии и гражданских лиц.

Дядя Лёня не выбирал место для строительства дома, когда приехал в Севастополь в начале 60-х, взял то, что дали. Да и не боялся он ни болезней, ни смерти. Всё видел, прошёл всю войну, вернее, проехал в танке от стен блокадного Ленинграда до самого Берлина. Был ранен, контужен, плохо слышал. Но ему хотелось радоваться жизни, осуществить мечту: построить собственный дом для своей семьи!

Сержант Сергеев Леонид Захарович. Герой войны в двадцать четыре года, имеющий награды «Орден Красного знамени», «Орден Славы», медали «За оборону Ленинграда», «За участие в героическом штурме и взятии Праги», «За взятие Берлина», «За победу над Германией». Особо берёт сержант Сергеев Грамоту, где *«Приказом Верховного Главнокомандующего Маршала Советского Союза товарища Сталина от 24 марта 1945 года № 307 за отличные боевые действия по овладению городами Нейссе и Леоблицю войскам соединения, в котором вы служите, ОБЪЯВЛЕНА БЛАГОДАРНОСТЬ.*

Вам, участнику этих боёв, проявившему в борьбе с немец-

кими захватчиками мужество, инициативу, находчивость и отвагу, вручается настоящая грамота.

Командир /подпись/ 15.07.1945 года».

В душе всегда носил: воевал за Родину, свою семью и за своего старшего брата Николая. Отомстил и за него, погибшего в ноябре 42-го года и навечно оставшегося молодым (всего-то 23 года было!), и за родных и близких, умерших и погибших в блокадном Ленинграде.

Письмо Николая Сергеева с фронта

31 октября 1942 года

«Здравствуйте, дорогие мама, Лена, Тася и Костя! Шлю вам свой боевой привет и желаю всего наилучшего в вашей повседневной жизни, а также здоровья. Сообщаю, что ваше письмо, написанное ещё 6.8.42 года, получил только вчера, то есть 30 октября, очевидно, что оно долго где-то путешествовало, пока дошло по назначению. Но если вам описать то радостное чувство, которое произошло во мне при получении этого письма! То для этого потребовалось максимум времени, да к тому же нужно иметь лучшие качества поэта, чтобы обрисовать эту счастливую минуту, которой я не имел за всё своё существование. Ибо я считал вас погибшими в руках немецкого фашизма и решил мстить за вас и за матерей и отцов моих товарищей, на моём счету много есть уничтоженного зверья и его техники, за что я награждён орденами «Красная Звезда» и орден Отечественной войны первой степени, но это ещё не всё, за смерть дяди Коли, тёти Наги и других родных буду мстить в десять раз больше, чем до этой весте, полученной от вас. Читая письмо и увидев строки, написанные о смерти дяди Коли, я не смог выдержать сильного волнения и пришлось уйти с круга товарищей, которые обступили меня, вручая письмо.

Я множество писем писал на адрес дяди Коли, но ответа добиться не мог и вынес решение, что они эвакуировались, да... я не ошибся, действительно эвакуировались на тот свет. Также писал тёте Наде и Марфуше, но результат один и тот же, теперь всё ясно... Лена, я прошу тебя, опиши как

можно поглубже о всех своих и их судьбе, напиши об отце и вас всех. Напиши о Леониде, что вам известно о нём.

Немного о себе. Я жив и здоров, в данное время нахожусь в своём «родном доме» и грозном оружии для врага, который имеет громкое название танк, радист для увеселения включил Москву, и вот под звуки прекрасной музыки пишу вам письмо. Я в данное время имею военное звание лейтенант и работаю командиром взвода. Вчера вернувшись из атаки, беседую со своими людьми о ходе боевых действий. Неожиданно пришёл приказ выйти на краткосрочный отдых, и вот я решил написать вам, пользуясь свободным временем. Мама, я высылаю вам 1000 рублей денег, только двумя переводами, ибо одной такую сумму послать невыгодно ввиду длительной задержки на почтах. К тому же высылаю вам денежный аттестат на сумму 500 рублей, вы будете получать каждый месяц через военкомат». (Оригинал письма по возможности сохранён. Письмо не окончено – авт.)

Мать Николая Захаровича, Софья Антоновна, с детьми к тому времени была эвакуирована из блокадного Ленинграда. В эвакуации их семью и настигла печальная весть: письмо с фронта, обнаруженное у лейтенанта Сергеева Николая Захаровича, умершего от ран 23.11.1942, которое он не успел отправить, переслали в письме без объявленной ценности его матери в Бугульму Татарской АССР. Туда же, на этот адрес, пришёл и ответ на запрос Софии Антоновны о судьбе её мужа. В письме сообщалось, что Захар Сергеевич Сергеев умер в сентябре 1943 года в больнице города Казани.

3

Это сейчас люди шагу ступить не могут, чтобы не «отчитаться» по всякому поводу и без него в социальных сетях интернета. Герои моего рассказа – люди вполне обыкновенные. Скромность в те времена была в почёте. До войны они жили в Ленинграде и под Ленинградом. Волей судьбы, когда началась Великая Отечественная война, одни оказались в кольце блокады, другие стали воинами-освободителями.

Жила тогда семья Сергеевых в Новосокольниках – районном центре Великолукского округа Ленинградской области в деревянном доме. Мать София Антоновна, отец Захар Сергеевич, старший брат Николай, 19-го года рождения, через два года после брата родился в семье Леонид и позже две сестры: Елена в 1924 году, Таисия в 1926-м. Родственников в Ленинграде было много, они часто приезжали в Новосокольники на всё лето. Привозили и своих детей из города, как на дачу. При доме был сад, дети помогали взрослым, чем могли: собирать урожай фруктов, ягод, пропалывать сорняки на грядках в огороде. Здоровое питание, волшебный воздух лугов, леса с липами, буками, соснами, речка, родники с необыкновенно вкусной чистой водой – всё было в их распоряжении. Одна из родственниц хозяев вместе со своим сыном привозила в Новосокольники и свою дальнюю родственницу – маленькую пятилетнюю Соню Семчёнок. Её отец умер рано, когда девочке было всего три года, а мама – Марфуша – работала сестрой-хозяйкой при психиатрической больнице в Ленинграде. В Новосокольники она приезжала редко, только проведать дочку, так как в семье, кроме Сони, были её старшие братья Костя и Шура.

Будущие муж и жена – Лёня и Соня – узнали друг друга ещё в детстве, разница у них была всего пять лет. Отец Лёни Захар Сергеевич работал на предприятии, мама София Антоновна воспитывала детей. Она очень хорошо готовила и подрабатывала тем, что прислуживала где-то в богатом доме. Маленький Лёня хорошо рисовал с детства, а лепил и того лучше. У них был свой дом и хозяйство, так что фигурки из глины – птиц, животных – он ваял с натуры и дарил всем детям. Родные и двоюродные сёстры всегда восхищались его глиняными поделками, магазинных игрушек тогда было мало, и они с удовольствием играли самодельными.

В детстве Лёня был очень сообразительным и непоседливым, в школе учился хорошо, и по окончании семилетки стал работать на заводе. Когда грянула война, братья Сергеевы встали на защиту Страны Советов. Старший брат был призван в ряды РККА ещё в 1939 году, принял воинскую присягу, прошёл Финскую войну. К началу Великой Отечественной

войны он уже имел боевой опыт, а младший в 1941 году подлежал всеобщей мобилизации. Соня этим же летом, окончив семилетку, тогда это было обязательное среднее образование, поступила в Школу медсестёр на проспекте Огородникова в Ленинграде. Ей только в конце сентября 1941 года исполнялось пятнадцать лет. Училась и одновременно, как все ленинградцы, участвовала в обороне города: после налётов фашистских самолётов гасила «зажигалки» и сбрасывала их с крыши. В коммунальной квартире по адресу Набережная реки Пряжки, дом 3, квартира 3 проживало всего семь семей, они с мамой поселились у маминой сестры Нины. Позже Нина с семьёй эвакуировалась с предприятием в тыл. Родные братья Сони — Костя и Шура — к тому времени ушли на фронт. Дальнейшая судьба их неизвестна, они считаются пропавшими без вести.

Очень голодали. Мама Сони Марфа Ивановна умерла в июле 1942 года. И тогда за сиротой стала присматривать одна из соседок по квартире. Девочке не было ещё шестнадцати лет, когда умерла её мама, и у неё наступила полная апатия. Оставшись абсолютно одна, Соня всё время лежала в своей комнате, безучастная ко всему. Заметив это, соседка, чтобы как-то растормошить её, всё время просила Соню что-то сделать: или сходить на соседнюю улицу за хлебом, который выдавали по карточкам, или, когда закончились дрова, они вместе ходили за дровами, потому что соседка была немолодая, исхудавшая, сил не было совсем, да и у Сони сил оставалось всё меньше.

Она вспомнила, что в довоенное хорошее время хлеб не доедали, и когда родители ругали детей, чтобы кусков не оставалось, они прятали хлеб. Когда начался голод, Соня ходила по всей квартире, искала эти спрятанные задохшие корочки хлеба, найдя, делилась с соседкой. Было голодно, ели торф. Собирали траву-мокрицу, она росла около дома, делали из неё салаты. На всю жизнь Соня запомнила, что мама её двоюродных братьев, тётя Нюра, как-то нашла на улице замёрзшего воробушка, и пока грелась вода, чтобы его сварить, они его съели сырым. В конце июля — начале августа 1942 года Соня была эвакуирована

в Алтайский край. И как только в 1944 году блокаду сняли, она сразу вернулась в Ленинград, устроилась на торфоразработки. Об этом свидетельствует первая запись в её трудовой книжке: «Стаж работы 1 год, 6 месяцев. По найму».

С Лёней они поженились в 1945 году, из Германии он прислал ей фотографию, на обороте которой было написано: «На долгую память милой жене от мужа».

Вспоминает о родителях моя подруга Ольга: «У отца были золотые руки. Не зря нашу маму уговорили его родные сёстры, мои тётя Лена и тётя Тася, выйти за него замуж. Дом он построил сам. После войны был шофёром, сам ремонтировал машину, с техникой был на «ты». Утюг, вся бытовая техника, радио, телевизор, часы — всё было ему подвластно. При каждой возможности отец уезжал в сезонные командировки. Так, вместе с родителями, когда я была грудничком, мы оказались в Сортавале, в Карелии, рядом с финской границей. Отец там был трактористом на хуторе. И, где бы мы ни находились, отец всегда заводил своё хозяйство. По воспоминаниям мамы, на хуторе у нас были куры и бородатая коза, обеспечившая нас молоком, и когда мы возвращались домой в Ленинград, она долго бежала за нами вслед. В нашей семье после меня в 54-м году родился мой брат Серёжа, но через девять месяцев он заболел и умер. Это была трагедия в семье. Быть может, поэтому мы всей семьёй в 1955 году уехали на целину.

Сначала уехал отец. Мы жили тогда на набережной Пряжки, в том же доме, где мама провела всё детство и юность. Я помню, как мы играли во дворе, земля была чёрная, сырая, а мы ножичком по ней рисовали дома, комнаты, интерьеры, мечтая о своём красивом доме. Почти все люди в коммуналах жили тогда. Зимой из развлечений были снежные горки, но в нашем дворе их позже построили. А раньше, когда наш дворник убирал снег, складывая его на большую фанерку, чтобы отвезти к Пряжке, мы садились на эти горы снега, и он вёз, делая вид, что нас не замечает. В конце зимы, когда лёд таял, мы отламывали большие куски льдинок, перевернув вверх ногами, видели в них замки, представляя себя там

и сказочную жизнь. 1 мая мы с ребятами всем двором шли на Театральную площадь. Там, на площади, продавались букеты из крашеного ковыля, и всегда после демонстрации было много людей. Мы собирали фантики от шоколадных конфет, играли ими, выигрывая друг у друга, очень радовались, что коллекция обёрток от конфет пополнялась красивыми фантиками: «Лакомка», «Мишка косолапый», «Белочка» или «Южная ночь». Родители чаще всего покупали нам только карамельки и ещё гематоген, он повышал уровень гемоглобина в первую очередь у детей того времени. Рыбий жир, который тогда давали почти всем детям в Советском Союзе, мы закусывали кусочком чёрного хлеба, посыпанного крупной солью, а если повезёт, то и сливочным сиропом (он имел сладкий вкус), который продавался в нашем магазине.

Когда мы с мамой приехали на целину, некоторые люди жили в вагончиках, а отец к нашему приезду построил землянку. В ней была комната и кухня, половина в земле, стены выложены дёрном, не помню, чем был сверху накрыт наш дом, какая была крыша. Но было очень тепло. Помню, что отец позаботился, заранее хозяйство завёл: поросёнок, курицы, собака, котик были. А у меня на подоконнике был мой маленький огород: я выращивала в коробке зелёный горошек.

На целине отец от руководства Целинного зерносовхоза имени Тимирязева получил в октябре 1955 года «Почётную грамоту за хорошие показатели в труде на полевых работах».

Когда мы в 1956 году вернулись в Ленинград, в нашей семье случились два события: родилась моя сестра Ирина, а я пошла в школу. Отец работал шофёром, а мама на заводе, где делали фольгу для крышек к молочным бутылкам. Но отца всё время влекла романтика дорог. Его родная сестра Елена с мужем Сергеем Алимпиевичем Новгородцевым ещё в 1950 году переехали из Ленинграда восстанавливать послевоенный Севастополь, и отец однажды поехал туда.

Пока не приехали из Ленинграда его девочки: жена Соня, двенадцатилетняя дочь Оля и младшая Ирочка пяти лет, — Леонид готовился к их прибытию. Устроился работать водителем самосвала на автобазу, и когда они собрались все вместе, получил жильё в бараке на улице Токарева, но и это посчитал за счастье. У них было целых две комнаты, одна из которых — детская, в малой комнате — они с женой. Общая кухня была в коридоре, а вода в колонке и туалет — на улице.

Дом он стал возводить сам, после работы трудился. Ещё по приезде в Севастополь заложил фундамент с подвалом, посадил сад, развёл огород. Когда в начале июня 1961 года вся семья воссоединилась вновь, дядя Лёня уже угощал их первой черешней, вишней, а ближе к осени в огороде созрели выращенные отцом дыни и арбузы! Потихоньку с помощью друзей выгнал стены, только штукатурить и крышу крыть помогал мастер. И то он первое время посмотрел, как это делается, и дальше весь дом сам оштукатурил.

Леонид Захарович достроил дом до конца 63-го года. И когда было всё готово, отец завёл кур, кроликов, собаку, всем построил домики тоже. Не забыл и про баню с парилкой, всё как должно быть сделал. В последнюю очередь завёл голубятню.

Любовь к голубям была у него с детства. В общем, осуществил он детскую мечту о собственном доме. Очень заботился о своём саде, из каждой поездки, когда работал, привозил что-то из питомников. Виноград в его родном Ленинграде был редкостью. Вот и хотелось ему вырастить и виноград, и разные плодоносящие деревья. Все деревья получились очень хорошие, груша до сих пор жива, да и другие: слива, два абрикоса и орех, посаженные им. Отца и деда Лёни давно нет, а дети и внуки, вкушая спелые сочные плоды груш, от которых только косточки и хвостик остаются, всегда с благодарностью его вспоминают. Такой виноград, как у отца, сорт Тайфи розовый, каждая кисть килограмма по полтора, домочадцам пока вырастить не удаётся. Но его

дочери и внучки поддерживают традицию дома и вырастили из косточки не менее экзотическую хурму, а также посадили гранат, зизифус, иргу, айву.

Леонид Захарович свободные от работы часы посвящал своей голубятне. Когда была пора вывода голубей, приходилось уделять им много времени и внимания, чтобы получить крепкое потомство. Особенно любил утренние часы, когда все домочадцы ещё спят. Вставал пораньше, взбирался на голубятню, чистил её, кормил голубей и, когда бледное небо только начинало нежно румяниться от утренней зари, подкидывал птиц вверх. Его любимцами были голуби-перевёртыши. Запуская в небо ручных птиц, любил смотреть на их полёт. Наблюдая, как будто сам взмывал с ними до небес, наслаждаясь полётом и пируэтами в воздушном потоке.

Тот, кто держал голубей, знает: с ними невозможно расстаться...

Дяди Лёни не стало 8 августа 1979 года. До этого он взял отпуск, съездил к родне, но по возвращении домой вдруг заболел. Сердце фронтовика не выдержало. Полежал всего неделю, уже не говорил, дочка Ольга помнит, как смотрел глазами, будто что-то не успел сказать важное... Он мечтал ещё увидеть внуков и пересесть на КАМАЗ, чтобы заработать себе пенсию побольше. Ему исполнилось всего 58 лет.

Когда он умер, в голубятне остались уникальные породы голубей. Узнав об этом, за ними стали приходиться любители-голубятники, и тётя Соня одних голубей продавала за символическую плату, других просто отдавала в хорошие руки.

Этот дом мне иногда снится. И даже когда я хочу представить какой-нибудь частный дом, я представляю именно этот. Он не идёт ни в какое сравнение с проектами современного дома, которые сейчас строят, трёх-четырёхэтажные, навороченные, с колоннами, украшенными лепниной, балконами с витиеватыми чугунными перилами и играющими холодным металлическим блеском окнами.

Абрикос и миндаль встречают меня по бокам небольшой дорожки, ведущей к калитке и дому. Куст лаврового листа, махровая сирень под окнами и вьющаяся роза, цветущая

полгода. За густым живым забором ежевики с налитыми сочными плодами, тонкие деревья вишни, здесь её называют «дичка», алыча, слива, персики, миндаль, грецкие орехи — всё растёт здесь, как и положено на юге, только всему живому нужен и уход, и полив. И, конечно, около дома растут три кипариса, источающие в знойные летние дни божественный лечебный аромат. Без густых тёмно-зелёных кипарисов пейзаж южного дома был бы беден...

О, по меркам начала 60-х этот дом был просто шикарным: полутораэтажным, как все в округе, со светлой, выходящей на южную сторону, верандой. И три комнаты: гостиная и две комнаты, одна из них спальня родителей, другая — детская, а внизу просторная кухня с входом в подвал, рядом с кухней — ванная комната. Я часто бывала в доме моей школьной подруги Оли Сергеевой, с ней мы вместе учились в старших классах. Всегда так приятно было приходить сюда! В гостиной была настоящая печка, её растапливали поздней осенью, когда уже наступали холода. После школы мы с Олей, бывало, шли к ним домой, она приносила из сарая чурочки дров, укладывала в жерло печки скомканную газету, щепу, сверху дровишки и чиркала спичкой. Мерный ход часов с кукушкой в гостиной дополнялся «живыми» звуками разгорающегося пламени, потрескиванием сухой древесины, трубным звуком встречающихся в дымоходе тепла и холодного ветра.

Мы устраивались перед печью, облицованной белой кафельной плиткой, смотрели на створку, где был виден полыхающий ясный огонь, протягивали к нему озябшие с улицы пальцы рук — ловили тепло, которым постепенно наполнялся дом. Эта печечка запомнилась мне, как будто это был какой-то экзотический камин, даже белая её облицовка украшена в моей памяти какими-то двумя-тремя изразцами бело-синего узора. Я и сейчас уверена, что так это и было! На стенах в гостиной висели картины в рамах, написанные масляными красками хозяином дома, дядей Лёней.

Отец Оли был самородок, живописи нигде не учился, но к искусству была тяга. Ещё когда они жили в Ленинграде, на набережной реки Пряжки, дядя Лёня, по рассказам дочери, уходил в большую соседскую комнату, чтобы никто

не мешал, и писал, вернее, копировал с открытки «Крестный ход», или вот другую картину, где было изображено поле, лошадь, а раненый всадник лежит на земле... Как у него получалось так хорошо рисовать, для меня остаётся загадкой. Ведь он был танкистом на войне, а после войны имел вполне рабочие профессии шофёра, тракториста. Видимо, это всё-таки дар божий.

В этом доме всегда кормили. Причём всех, кто приходил в гости, сразу усаживали за стол. Была ли это тарелка горячего супа или чашка чая с баранками, сушками или сухарями, каждого непременно угощали. Мама Оли, тётя Соня, пережившая блокаду Ленинграда, была очень хлебосольной. И уже по традиции, как было заведено, когда Леонид Захарович жил в Новосокольниках, здесь по-прежнему двери для гостей всегда были открыты. Приезжали и ленинградские родственники, все годы, с тех пор как дядя Лёня перебрался в Севастополь...

София Фёдоровна всегда много работала, была уважаема и любима во всех коллективах. Двадцать лет непрерывного стажа только на хлебокомбинате в Севастополе, последнее её место работы — Деловой и культурный центр, откуда она в 75 лет окончательно ушла на пенсию. В 1982 году была награждена медалью «Ветеран труда».

Пока работала, тёте Соне было не до того, чтобы доказывать свой статус блокадницы Ленинграда, а когда собралась с мыслями, то оказалось это совсем не просто. Дом в Санкт-Петербурге, в котором находился архив, стorer вместе с документами по блокаде в те годы, когда перестал существовать Советский Союз. Приехав в город на Неве, ей не удалось найти двух оставшихся в живых свидетелей, регламентируемых законом. Жить продолжала такой же, какой была всегда: гостеприимной, позитивной, но обида на государство, я помню, всё-таки нет-нет да проскальзывала в разговоре. Но добро никогда не остаётся незамеченным, добро вознаграждается по всем законам жизни. Витя Мишин — родной племянник её мужа Лёни и сын той самой Таси, с которой они вместе росли и играли в доме в Новосокольниках, не забыл добро: каждое лето в детстве их с бра-

том привозили в Севастополь на оздоровление. К тётке Соне и дяде Лёне. И, став взрослым, Виктор до конца жизни тётки Сони приезжал и помогал ей.

Этот аккуратный бледно-голубой с бирюзой дом до сих пор тёплый и родной. Помню, как тётка Соня всегда выходила на крыльцо провожать меня, когда я уходила из гостей. Обернувшись, я видела её белую как лунь голову и удивительно добрый и ласковый взгляд глаз, смотрящих мне вслед.

5

Леонид Захарович никогда не рассказывал о войне. Нам остаётся только догадываться, почему. Быть может, потому что большинство ветеранов Великой Отечественной, перевернув страницу жизни — боевой биографии, были устремлены в будущее: строить, созидать, рожать детей, беречь мир?

Бесстрастные цифры официальной статистики — 26.6 миллиона человек — общие людские потери страны (СССР), военнослужащих и гражданского населения. А сколько ужаса, горя, трагедий выпало на долю оставшихся в живых?! Иногда я думаю, что они не хотели, чтобы мы надрывали свои сердца, переживали вместе с ними и плакали о них. Им было достаточно, что так пострадали они. Они хотели нас уберечь, хотели нам лучшей судьбы.

Обе внучки родились уже после смерти деда, но у них остались очень яркие воспоминания о нём. И всё благодаря бабушкам и родителям, которые их воспитывали.

Вспоминает Вера Рожкова, дочь Ольги: «Мои дедушки со стороны родителей умерли в 1979 году, не дождавшись моего рождения. Они оба герои, участники войны. Бабушка Соня пережила блокаду Ленинграда, но говорить об этом не любила. Мне запомнилось, бабушка рассказывала, как в блокаду за торфом ездили, с голоду ели и называли его «творогом» — он был на вкус кисловатым. С детства помню дедушкину картину, там зима нарисована, она долго у нас на веранде висела. На картине было не по-крымски очень

много снега. Я на неё смотрела и пыталась представить, каким он был, мой дедушка...

Ещё запомнился один случай: когда в сентябре 2004 года я родила дочку Сашу, меня долго не выписывали из роддома. Бабушка Соня, несмотря на свои больные ноги, каждый день приходила ко мне и приносила обед. Баночки были завернуты в полотенце, чтобы обед не остыл. В один из дней меня перевели на первый этаж, а Сашу положили в отдельную палату вместе с другими младенцами. В обед, как обычно, пришла бабушка. Я долго жаловалась ей, как мне плохо, как устала, и совершенно забыла, что в этот день у бабушки был день рождения. Тогда ей исполнилось 78 лет! Бабушка всегда о других беспокоилась и заботилась больше, чем о себе самой.

Вот записка бабушки Сони, которую я храню и плачу, когда читаю: «Здравствуй, Верочка! Поздравляю с рождением доченьки, моей правнучки. Доброго здоровья тебе и Сашеньке. Целую, очень волнуюсь, бабушка. Привет от тёти Лены».

Мой второй дед, Александр Семёнович Калганов, во время войны попал в концлагерь Бухенвальд. У бабушки Ани хранились награды дедушки и фотографии из концлагеря. Я была ещё маленькой, когда эти снимки попали мне в руки. Я увидела только первую, на ней были запечатлены человеческие черепа, сложенные горкой, их было много. Бабушка Аня поспешила выхватить у меня из рук эти фотографии, и больше я их не видела. Когда мне исполнилось лет тринадцать, было очень сложное время, девяностые, тогда к бабушке в дом забрались воры и украли все дедушкины награды и другие ценности.

Мой дедушка Саша работал инженером-теплотехником, а я, как-то не задумываясь об этом, получила практически такую же специальность. До выхода на пенсию он был начальником Севастопольской ТЭЦ. До переезда в Севастополь они с бабушкой ездили по всему Советскому Союзу. Сначала до войны жили в Абхазии, где в октябре 1940 года у них родилась моя тётя Люба. Когда началась война, они жили уже на Украине. Дедушка ушёл на фронт, а бабушка осталась с 8-месячной дочкой, а самой бабушке было девятнадцатилетней.

цать лет. Вообще про бабушку Аню можно написать целый роман, в последние годы своей жизни, до того как слегла, она очень много стала рассказывать о себе и своей жизни. Так что из всех моих бабушек и дедушек больше всего информации у меня о бабушке Ане. 8 ноября 2019 года ей исполнилось 98 лет, она 1921 года рождения, как мой дедушка Лёня.

Я всегда рассказываю об этом моим детям: Саше и Сёме. Но сын Сёма пока маленький, а Саша очень любит историю как науку и очень уважительно относится к ветеранам. У них в школе утром 9 мая проходит акция под названием «С добрым утром, ветераны». Только, к сожалению, с каждым годом их остаётся всё меньше и меньше. Также Саша проходит обучение в батарейной школе при 35-й батарее на мысе Херсонес, с удовольствием ходит на занятия, посвящённые истории нашего города».

А вот что вспоминает Юлия Дёмина, дочь Ирины: «Про бабушку первое, что приходит в голову, и не только первое, а вообще яркое воспоминание, как бабушка постоянно что-то напевала! Причём во весь голос, всю песню целиком... Вот качает меня на качелях (мне лет шесть) и песни поёт от души, например, «Тёмная ночь, только пули свистят...», «Катюшу», «Синий платочек», «Смуглянку» тоже...

Да! Мне нравилось очень, подпевала «Катюшу» точно! У меня было такое чувство, будто это так всё рядом, то время военное и околовоеенное. Ещё мы с бабушкой любили петь «Легендарный Севастополь». Она полюбила наш город всем сердцем, здесь прошли её самые счастливые годы жизни.

Бабушка начинала петь, я подхватывала:

*Ты лети, крылатый ветер,
Над морями, над землёй,
Расскажи ты всем на свете
Про любимый город мой.*

*Всем на свете ты поведай,
Как на крымских берегах
Воевали наши геды
И прославили в боях*

*Легендарный Севастополь,
Неприступный для врагов,
Севастополь, Севастополь —
Гордость русских моряков.*

Про Ленинград смутные воспоминания от рассказов моей бабушки... Такие туманные ассоциации, загадочные, вызывали эти истории. Мне очень хотелось с детства попасть в тот самый таинственный Ленинград! Это желание возникло от рассказов и бабушки, и мамы. Я его так и называла вплоть до недавнего времени — «Ленинград». Такое тёплое слово, наполненное смыслом, чувством, былыми временами и всем вперемешку. Мне даже снился какой-то свой Ленинград... Ещё до того как я туда впервые поехала с мамой, когда мне 12 лет было. Ленинград — город сбывшейся мечты — на тот момент стал родным, хотя уже и был таким до того, как там побывала!

Она много шутила и смеялась, такой я помню бабушку Соню в период моего детства! Хотя она всегда строгая была при этом.

Помню, как мы с ней ходили в магазины недалеко от дома, я просила: «Пойдём сегодня опять новой дорогой?! Найдём?!» Краеведческий интерес разжигался во мне в детстве именно бабушкой! Она много мне нового и интересного в ближайшем и привычном открывала! Бабушка одевалась как-то просто, но симпатично. Платья, кофты, обувь, головной убор — маленький берет, вроде как старых времён, но приятные. Мне нравилось с ней ходить. Я слышала, как люди говорили, что есть какой-то особый ленинградский стиль, наверное, у бабушки был такой!

Очень любила со всеми родственниками, с бабушкой прежде всего, разглядывать чемоданы фотографий!!! Со времён, наверное, в основном начала жития здесь, в нашем доме. Фотографии делал дядя Боря, двоюродный брат деда.

Дед Лёня умер за 8 лет до моего рождения... Я слышала от родных, что дед хотел увидеть внуков, но не дожил до нашего с Верой, моей двоюродной сестрой, появления. Сколько себя помню, мне было грустно, потому что всегда хоте-

лось быть с ним знакомой. С самого-самого детства я много знала о нём, хотелось, чтобы он был жив, мой дедушка, мамин отец. Много тайн и чудес хранил дедушкин дом. По двору валялись какие-то старые ядра. Я залазила в будку собаки под крыльцом дома, мне казалось, что там можно найти какие-то сокровища, я мечтала найти их и в сарае. Но в сарае, как и во всём доме моего детства, витал Дух дедушки, как привет от него!

В шесть лет мой отец научил меня играть в шахматы. В последних классах у меня вновь возник интерес к шахматам, я читала дедушкины книги, пыталась играть по ним и очень жалела, что играть мне не с кем.

В детстве я часто думала: был бы дедушка жив...

Он научил бы меня рисовать, выпиливать по дереву, гонять голубей. Родственники рассказывали, что он любил шахматы, его соперником по игре был приятель из соседнего дома. Играя в шахматы, они таким образом отдыхали.

Моей маме передались его способности, она тоже хорошо рисовала, но художественную школу бросила. У меня интерес к рисованию с детства, брала уроки у моей тёти Тани, она художник, мой дедушка Лёня — её родной дядя. Понемногу я пробую свои силы, участвую в творческих мастерских. Фотографирую вроде неплохо, некоторым нравится. Люблю природу снимать: горы, море, лес, городские пейзажи и цветы. Когда я путешествую, стихи приходят... очень своеобразные, больше на дневники это тянет...»

ИРИНА САЛТАНОВА

6.

Реликвии, хранимые в семье, — это память о наших предках, наша история страны. Если мы не сохраним в семье то, что нам дорого, — награды, документы, фотографии, письма, записки, воспоминания наших родных и любимых, то сотрётся в памяти будущих поколений историческая правда. Наша страна всегда была сильна семейными традициями. Люди, я хочу вас попросить: берегите, не продавайте и не выбрасывайте то, что осталось от родных в ваших семьях! Это могут быть награды: ордена и медали, документы к ним.

Маленький значок бабушки «50 лет в партии» или офицерский кортик, вручённый отцу, деду или прадеду в день, когда он надел первые погоны офицера Военно-морского флота. Ценные подарки с выгравированными на них надписями «За высокие показатели в труде» или грамоты с великих строк коммунизма: ГРЭС или БАМ. Они так бережно хранили это в простеньких или дорогих шкатулках именно для нас. Чтобы мы знали и помнили, как и что происходило с близкими, а значит, и в жизни страны. И ни одна страница нашей истории не должна быть переписана или утеряна в угоду кому-то! Пожелтевшие и выцветшие от времени чёрно-белые фотографии, где запечатлены наши далёкие предки, порой мы даже ничего о них не знаем. Сохраняйте письма, записки, стихи, истории и воспоминания наши.

За четыре года, что длилась Великая Отечественная война, на территории СССР были разрушены более 1700 городов и 70 тысяч сёл и деревень. Это историческая правда, что Севастополь был разрушен почти на 100 процентов. Автор книги «Подвиг Севастополя», изданной в 1951 году, Борис Алексеевич Борисов, будучи в дни героической обороны города в 1941 — 1942 годах первым секретарём горкома партии и председателем городского комитета обороны Севастополя, о первых днях после освобождения города 9 мая 1944 года пишет так.

«Город ожил. А через несколько дней, когда уже справлен был праздник первой встречи, тысячи моряков включились в работу по восстановлению города-героя.

Буквально за несколько недель основные магистрали улиц были словно выметены гигантской метлой, и по ним потянулись грузовики со строительными материалами: инкерманским камнем, лесом, трубами, с огромными мотками проводов, с бочками цемента...

Жить было почти что негде, люди ютились в подземных убежищах, в наскоро вырытых землянках, в солдатских и самодельных палатках, в уцелевших полуразрушенных домах, которых остались в городе считанные единицы. А между тем, что ни день, возвращались в Севастополь эвакуированные жители: они покидали прекрасные советские города,

благоустроенные жилища, налаженный быт и, пренебрегая трудностями жизни среди руин родного города, стремились принять посильное участие в его восстановлении».

Так было почти везде: из эвакуации люди возвращались домой, но вместе с ними в их родные города ехали другие неравнодушные люди.

Из книги Б. Борисова: «Но как и вся советская страна помогала оборонять Севастополь, так и сейчас вся страна, ещё занятая войной, помогала ему подняться из руин. Вместе с севастопольцами прибывали на священную севастопольскую землю москвичи, ленинградцы, киевляне, сибиряки, белорусы, украинцы — прекрасная советская молодёжь. Комсомольцы с горячими сердцами, крепкими мускулами и железной рабочей хваткой. Всех их влекла сюда та же мысль, то же чувство, что и коренных севастопольцев: вложить свою долю труда в восстановление города русской славы».

Обыкновенные советские люди, мои герои: Леонид Захарович и София Фёдоровна Сергеевы, Елена Захаровна и Сергей Алимпиевич Новгородцевы — вместе со всей страной пережили войну, голод, разруху, но стали ещё крепче духом. Они и героями себя не считали, всегда с полной отдачей самоотверженно трудились в довоенные, военные и послевоенные года. Это они вместе со всей страной, всем миром поднимали города, разрушенные войной, буквально из руин, в легендарно короткие сроки: Брянск, Белгород, Великие Луки, Волгоград (Сталинград), Воронеж, Витебск, Гомель, Керчь, Киев, Курск, Минск, Мурманск, Нарва, Новгород, Новороссийск, Орёл, Петрозаводск, Псков, Ржев, Ростов-на-Дону, Смоленск, Старая Русса, Тверь (Калинин), Чернигов и другие города и населённые пункты.

Они — ветераны и герои, наши старики — выстроили заново города, с любовью обустроили их и завещали нам мир.

Анна Шувалова

г. Владимир

АННА

Меня называли Анной в честь прабабушки, Семёновой Анны Дмитриевны. О ней много рассказывали мама и бабушки. Для меня она является образцом любви, верности, мужества, мудрости, доброты, честности и порядочности.

Анна рано осталась сиротой. Надо было как-то кормить братьев и сестёр, поэтому девочка нанялась работать прислугой в дом к богатому татарину, который называл её Нюрзьян. Так она сумела не только выжить, но ещё и поднять на ноги остальных.

Потом выучилась и стала работать в банке кассиром. В банке и познакомилась со своим мужем Иваном. У них родилось четверо детей. Жили в любви и согласии. Но наступила война, и всё изменилось.

Начался массовый призыв всех дееспособных мужчин на фронт. У прадедушки была бронь, потому что он имел очень плохое зрение. Но пошёл добровольцем на войну. Вместе с другими его отправили под Сталинград, где он оказался в самом разгаре боёв и пропал без вести. Анна осталась одна с четырьмя детьми. Младшей дочке был всего один год.

Трудно представить, как можно было в таких условиях растить детей. Их надо было кормить, одевать, обувать. Прабабушка после работы ходила в деревню к жене своего брата за продуктами за несколько километров, неся на себе мешки с провизией. Брала столько, сколько могла унести. Ходила во Владимир из Собинки к родственникам, которые снабжали продуктами, кое-какой одеждой, обувью.

Однажды шла через лес с сумками. Ходила везде одна, не с кем было. Только заходит в лес, а к ней откуда-то дедушка подходит и говорит: «Одна идёшь? Страшно, небось.

Пойдём, провожу». Сказал и пошёл вперёд. Прабабушка — за старичком вслед. Так он и вёл её до города. Довёл и исчез. Потом она увидела икону Николая Угодника и узнала в нём того самого дедушку, который с ней через лес шёл.

В другой раз случилось зимой идти через лес ночью. Вдруг видит горящую пару глаз. Потом ещё и ещё. Это волки искали себе добычу. Анна почувствовала, что её начинают окружать. Как многие в то время, она курила, поэтому в кармане всегда были спички. Тогда стала снимать с себя одежду и поджигать. Так и двигалась задом наперёд, бросая горящую одежду. Таким образом, вышла из леса в нижнем белье, однако живая и невредимая. Страху натерпелась, правда, и сильно замёрзла: зимы тогда не в пример теперешним были.

Как-то на неё хотела напасть группа мужчин. В то время тоже всякие люди были. Встречались и криминальные личности. Но поскольку Анна работала кассиром, то имела при себе табельное оружие, которое выдавали всем банковским служащим. Пришлось отстреливаться.

Было и такое, что по дороге домой с работы на неё напал сумасшедший. Женщина поняла, что ей не спастись. Но у неё четверо маленьких детей, надо что-то делать. Уговорила его подождать немного. Сказала, что только домой сходит, попросится и вернётся. Удивительно, но тот поверил. Дома Анна вызвала скорую и милицию.

Подобных историй множество. Помню, что мы с сестрой просили рассказать их снова и снова. Слушали словно увлекательную сказку. И восхищались прабабушкой.

Анна не верила в то, что муж погиб, и ждала его всю жизнь. Растила детей. Работала. Бабушки говорили, что она никогда ни на что не жаловалась. Даже если что-то было несправедливо по отношению к ней.

Дочери и сын выросли, у них началась своя жизнь. Но ни один из них не мог надолго разлучаться с мамой. Бабушки рассказывали мне, как всеми правдами и неправдами во время учёбы старались приехать домой или вызвать Анну к себе. Её любовь к ним была безграничной, и дети платили

ей тем же. Например, бабушка Надежда прислала однажды телеграмму, которая гласила: «Срочно приезжай». Прабабушка сорвалась с места. Оказалось, Надя просто сильно соскучилась.

Бабушка Лида как-то приехала домой зимой в туфельках. Она даже не заметила этого, так ей не терпелось попасть к маме.

Очень любила прабабушку и моя мама, потому что та практически воспитала её. Бабуля тогда училась и работала, поэтому оставила дочь под присмотром своей мамы, моей прабабушки. Мама много рассказывала о своём детстве, которое было счастливым.

Умирала Анна тяжело от рака кишечника. В то время не была так развита медицина в области онкологии, поэтому прабабушка терпела мучительные боли, которые ничем не могли облегчить. Но, опять же, не жаловалась. Когда я спросила, почему у неё образовались раковые опухоли, мне ответили, что сказалась тяжёлая жизнь во время войны, проблема с питанием, а ещё то, что она много курила.

Прабабушка умерла в тысяча девятьсот семьдесят первом году, в возрасте шестидесяти шести лет. Не такой уж это и преклонный возраст, и многие современные женщины, её ровесницы, — завсегдатаи салонов красоты, частые гости на черноморских и средиземноморских курортах. Она всего этого не испробовала в своей жизни, но в тяжелейших военных условиях и послевоенной бедности прабабушка Анна достойно жила сама и воспитала достойных детей. Это и есть подвиг.

Как-то я поинтересовалась у бабушки Лиды, похожа ли я хоть чем-нибудь на ту, чьё имя ношу. Она ответила, что похожа. «Как только ты родилась, тебя сразу же все полюбили», — сказала мне бабушка. Надеюсь, что это не единственное положительное качество. И ещё от двоюродной бабушки недавно узнала, что прабабушка писала и отправляла свои произведения в различные редакции, но ни одна работа не была принята к публикации. Но вот о чём именно

она писала, мне так и не удалось выяснить, поскольку та никому об этом не рассказывала, ни с кем не делилась. Но я теперь догадываюсь, откуда у меня любовь к сочинительству. От неё, от прабабушки Анны.

Всякий раз, когда я слышу, что мы плохо живём, я вспоминаю Анну, в одиночку вырастившую четверых детей в войну. Своих бабушек и дедушек, чьё детство выпало на это время. Всех, кто прошёл через фронт. И понимаю, что мы замечательно живём, даже несмотря на трудности. Они нам нужны, чтобы окончательно не облениться ни телом, ни душой. Мы счастливы потому, что живём без войны. И дай Бог, чтобы так оно было всегда.

В повседневности дел и событий мы не очерствели душой: умеем радоваться, строить планы на будущее, ставить перед собой задачи и стремиться их выполнять. Возводить современные города и проводить крупномасштабные научные исследования, прокладывать новые трассы и побеждать неизлечимые прежде недуги мы тоже умеем. А ещё устанавливать рекорды в спорте и космосе, помогать друг другу, мечтать и верить.

Мы счастливое поколение: у нас героические предки. Это легендарные, стойкие, бесстрашные и щедрые люди, которые подарили нам МИР, а вместе с ним и возможность для реализации самых фантастических проектов. За давностью лет не забыты их имена, не снизилась значимость их подвига, не иссякла наша благодарность тем, кто от первого дня войны до последнего приближал миг Победы.

Сегодня мы публикуем имена родных и близких авторов юбилейного выпуска к 75-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне, объединив их в символическое боевое формирование под названием

БЕССМЕРТНАЯ РОТА

1. ВАСИЛЬЕВА ЛЮДМИЛА ЕГОРОВНА,

10.11.1927–03.03.2016

Родилась в деревне Сыга 2-я Кезского района Удмуртской области. Участница трудового фронта: работала на строительстве железнодорожной ветки, на оборонном заводе токарем, на лесозаготовках, на речном флоте. По окончании войны трудилась в животноводстве. Родила и воспитала двоих сыновей и шесть дочерей. Награждена медалями «Медаль Материнства» I и II степени, орденами «Материнская слава» I и II степени, юбилейными медалями ко Дню Победы в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг., медалью «Ветеран труда».

2. ВАСИЛЬЕВ ЕВГЕНИЙ ТИМОФЕЕВИЧ,
09.03.1909–05.01.1979

Родился в Москве. Окончил Саратовское художественное училище. Художник-пейзажист. В годы Великой Отечественной войны в числе ополченцев нёс службу по охране северо-восточных рубежей Родины на Алеутских островах. Работал учителем рисования, черчения, географии, художником-оформителем.

Вырастил троих сыновей и шесть дочерей.

3. ЕФРЕМОВ ЯКОВ ЕГОРОВИЧ,
1907–24.05.1942

Родился в деревне Сыга 2-я Кезского района Удмуртской области.

Работал в колхозе плотником.

Призван в РККА Кезским РВК 29 августа 1941 года. На войну его провожали жена, три сына и дочь. Был зачислен во 2-й стрелковый батальон 36-го запасного стрелкового полка 18-й запасной стрелковой дивизии, место дислокации г. Калинин. Получив ранение, находился на лечении в госпитале в Новосибирске. С 16 января 1942 года – автоматчик 9-й роты 3-го батальона 801-го стрелкового полка 235-й стрелковой дивизии. Погиб в боях за деревню Кулотино Молвотицкого района Ленинградской области (ныне Демянский район Новгородской области). Числился пропавшим без вести до 22 мая 2019 года. Останки подняты 8 мая 2019 года поисковиками отряда «Находка» (командир Морзунов А. П.).

С воинскими почестями похоронен на Северном мемориальном кладбище города Ижевска, Республика Удмуртия, 22 августа 2019 года.

4. ЛАВРИЕНЯ МИХАИЛ МИРОНОВИЧ,

15.08.1923–29.03.1987

Родился и жил в деревне Сорочи Любанского района Минской области.

Находился в зоне оккупации с первых дней Великой Отечественной войны. Был связным в разведгруппе партизанской бригады имени Гуляева. После войны трудился трактористом в колхозе «Червоная Смена» Любанского района Минской области.

5. ЛАВРИЕНЯ СОФЬЯ ФЁДОРОВНА,

09.06.1922–27.07.2003

Родилась в деревне Засмужье Любанского района Минской области. Проживала вместе с мужем и двумя дочерьми в деревне Сорочи Любанского района и находилась в зоне оккупации с начала Великой Отечественной войны. Укрыла в доме подругу еврейской национальности, снабжала продуктами партизан. Вместе с мужем Лавриеня М.М. родили и воспитали двух дочерей и семерых сыновей. После войны трудилась в колхозе «Червоная Смена» в животноводстве.

6. РАЩЕНЯ ФЁДОР ПАВЛОВИЧ,

1897–1942 гг.

Родился и жил в деревне Чабусы Любанского района Минской области.

Крестьянин. Вместе с женой Ращеня Ефросиньей Алексеевной вырастил семь дочерей и сына.

С первых дней Великой Отечественной войны вместе с семьёй находился в зоне оккупации. За связь с партизанами зверски убит пособниками полицаев.

7. КОРОВИН ВАСИЛИЙ ИВАНОВИЧ,

03.03.1910–04.07.1974

Родился в селе Саввушка Змеиногорского района Алтайского края в семье крестьян. В детстве работал в хозяйстве отца, а после окончания школы вступил в комсомол и стал секретарём комсомола и комитета бедноты, избачём и делопроизводителем сельского совета, учился на курсах подготовки в военно-техническое училище, а затем в Урало-Сибирском плановом институте, работал учителем и директором школы.

Мобилизован на фронт 18 июля 1941 г., сражался в частях 58-й армии Волховского фронта. В боях у Мясного Бора в апреле 1942 года ранен минными осколками. После госпиталя прошёл учёбу на курсах лейтенантов, по окончании назначен политруком роты и командиром стрелкового взвода 382-й стрелковой дивизии 59-й армии Волховского фронта.

Демобилизован после тяжёлого ранения в бою на станции Мга (Ленинградский фронт) 28 марта 1943 года и ампутации части правой руки.

Награждён орденом Отечественной войны и медалью «За Победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг.».

После войны жил в Московской области, окончил Московский педагогический институт, работал учителем и директором Опалиховской школы, председателем сельского совета и секретарём первичной партийной организации. Выйдя на пенсию, продолжил работать на красногорском «Водоканале».

8. НИКОЛАЕВ АЛЕКСЕЙ ДМИТРИЕВИЧ,

28.08.1922–24.02.1990

Родился в селе Одинок Орловской области. Окончил лётное училище в городе Чугуеве на Украине. Воевал на 1-м Белорусском фронте лётчиком, командиром звена бомбардировщиков.

После окончания войны 20 лет служил в ВВС, в частности, в Особом военном округе, в Латвии (г. Елгава), в Литве (г. Вильнюс), на о. Сахалин.

Награждён орденом Отечественной войны II степени, боевыми медалями.

9. ДОЛГОВ МИХАИЛ СТЕПАНОВИЧ,

22.12.1924-05.07.1974

Родился в селе Бакланово Орловской области.

Разведчик 383-й отдельной разведывательной роты 269 сд 41 СК Брянского фронта, 1-го, 2-го, 3-го Белорусских фронтов. Награждён орденами Отечественной войны II степени, Славы III степени, медалями «За отвагу», «За взятие Берлина», «За взятие Кёнигсберга», «За Победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг.». После войны работал ветеринарным врачом в Сосковском районе Орловской области.

10. ЧИВИЛЁВ СЕМЁН ИВАНОВИЧ,

15.02.1909-31.10.1996

Родился в селе Старосеславино Первомайского района Тамбовской области.

Призван в РККА в 1941 году.

Рядовой 144-го гвардейского отдельного батальона связи 9-й гвардейской стрелковой дивизии 37-го стрелкового корпуса; воевал на Карельском, 2-м и 3-м Украинских фронтах. Прошёл от начала до конца всю Великую Отечественную войну. Принимал участие в освобождении Заполярья и Моравии. Война для него завершилась освобождением Вены.

По возвращении на Родину работал на железнодорожной станции Богоявленск (Первомайский) Тамбовской области.

11. ЛЕБЕДЯНЦЕВ ВАСИЛИЙ ИВАНОВИЧ,
1912–1982 ГГ.

Родился, вырос и обзавёлся семьёй в селе Студёно-Яблоновка под Сталинградом.

Воевал с 1941 года в артиллерии, старшина. На Ленинградском фронте оказался в двойном котле, был контужен, после госпиталя снова сражался с фашистами, принимал участие в освобождении Венгрии.

Жена, Анна Васильевна, находилась с детьми на оккупированной территории вблизи Сталинграда, но выжила, а малолетняя дочь Клавдия умерла.

12. ЛЕВИН СЕРГЕЙ АНДРЕЕВИЧ,
14.12.1914–16.01.1980

До войны – артист театра.

Участник Сталинградской битвы, дважды контужен. Освобождал Краснодон, участвовал в подъёме из шахты тел казнённых молодоговардейцев. Закончил войну в Кёнигсберге.

После войны – политработник в Муроме, Калинин, Москве, подполковник.

Награды: два ордена Отечественной войны; два ордена Красной Звезды, медали «За отвагу», «За оборону Сталинграда», «За взятие Кёнигсберга»; «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг.».

13. ТЮРИН СЕРГЕЙ ДМИТРИЕВИЧ,
1921–25.09.1941

Родился в деревне Орловка Щёлковского района Московской области. На фронте с июня 1941 года. В августе 1941 года был ранен, после лечения в госпитале вернулся на фронт.

25 сентября 1941 года Тюрин С. Д. и его сослуживец (имя пока не установлено), находясь в разведке в деревне Красота Демянского района Новгородской области, дали бой

тридцати немецко-фашистским захватчикам и были убиты. Похоронены местными жителями на берегу озера Селигер.

14. ВОЛОДЕНКО ВАДИМ ПАВЛОВИЧ,

09.06.1923–07.10.2006

Родился в г. Ташкенте, в июне 1941 года окончил 10 классов средней школы № 1 г. Люберцы Московской области. 22 августа 1941 года был направлен в Московское Краснознамённое пехотное училище имени Верховного Совета СССР. 23 февраля 1942 года принял военную присягу, а в мае того же года, после ускоренного прохождения курса училища, в звании лейтенанта отправлен на фронт. Принимал участие в боевых операциях Северо-Западного, Сталинградского, 4-го Украинского фронтов. После тяжёлого ранения, несмотря на длительное лечение в госпиталях, в строй вернуться не смог.

Имеет боевые награды: ордена Красной Звезды и Отечественной войны I степени, медали «За оборону Москвы», «За оборону Сталинграда», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг.».

15. ВОЛОДЕНКО ПАВЕЛ ИУСТИНОВИЧ,

12.09.1898–21.12.1978

Воевал в Гражданскую войну, боролся с басмачеством в Туркестане.

Из крестьян. Благодаря природному трудолюбию, настойчивости и способностям он выучился, окончил университет. Во время войны возглавлял производство мин на Люберецком заводе сельскохозяйственного машиностроения имени А.В. Ухтомского. Работали день и ночь без выходных. В 1941 – 1945 годах на предприятии было изготовлено и поставлено фронту двадцать миллионов мин.

Награждён орденом «Знак Почёта», медалями «За оборону Москвы», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг.», «За трудовое отличие».

16. САПОЖНИКОВ ЯКОВ АЛЕКСЕЕВИЧ,

16 (20).10.1905–05.01.1969

Сапожник. Проживал на станции Ветлужская Горьковской железной дороги. Призван в ряды Красной Армии 10.09.1941 Краснобаковским РВК Горьковской области. Ефрейтор. С января 1942 г. — сапожный мастер роты управления 19-й танковой бригады Брянского и Центрального фронта. Награждён медалью «За боевые заслуги».

17. КОЧЕГАРОВ СЕРГЕЙ ИВАНОВИЧ,

1913–12.12.1942

Родился в селе Плоская Дубрава, что на Тамбовщине. Работал кочегаром на канифольном заводе в Моршанске, проживал вместе с женой и тремя детьми в рабочем посёлке этого предприятия. Был участником финской войны.

С первых дней Великой Отечественной войны — на фронте. Геройски погиб в калмыцких степях, защищая подходы к Сталинграду.

18. ДАНИЛИН НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ,

15.02.1918–09.04.1968

Призван в действующую армию Сталинским РВК города Грозного 23.06.1941. Ездовой миномётного расчёта 360-го стрелкового полка 74-й стрелковой дивизии 13-й армии Центрального фронта, механик-водитель Т-34, а затем командир экипажа танка 23-го гвардейского танкового полка 4-й гвардейской механизированной бригады 2-й гвардейской механизированной колонны. Участник Сталинградской битвы. Горел в танке, контужен, чудом остался жив. Награждён медалями «За отвагу» и «За оборону Сталинграда».

19. КИРПИЧЕНКО МИХАИЛ ФИЛИППОВИЧ,

1918–07.03.1945

Родился в деревне Шестеровка Климовичского района Могилёвской области.

Призван Дзержинским РВК, Московская область, г. Москва, Дзержинский район, гвардии младший техник-лейтенант с 1939 года.

Принимал участие в наступательных операциях в Белоруссии и Польше. Убит и захоронен 7 марта 1945 года в братской могиле в Германии, Бранденбург, г. Лебус.

Награждён орденами Красной Звезды и Отечественной войны II степени (посмертно).

20. АХАЗОВА ЕКАТЕРИНА СТЕПАНОВНА,

20.11.1893–20.09.1965

Родилась в селе Колтово Колтовской волости Каширского уезда Тульской губернии.

Бессменный член правления колхоза «Пламя» Каширского района Московской области. Работала в полеводческой бригаде. Много раз выходила в лидеры районного соцсоревнования.

21. АХАЗОВ ИВАН КИРИЛЛОВИЧ,

24.12.1915–1976

Уроженец сельца Малеево Колтовской волости Каширского уезда Тульской губернии. Принимал участие в финской войне.

Мобилизован Каширским РВК летом 1941 года. Был фронтовым водителем. 3 октября 1944 года гвардии младший сержант Ахазов приказом по 18-му гвардейскому миномётному Мгинскому Краснознамённому полку от имени Президиума Верховного Совета СССР награждён медалью «За отвагу».

Вернулся с фронта контуженным, указательный и сред-

ний пальцы на правой руке были ампутированы после ранения 1943 года.

В мирное время работал водителем.

22. АХАЗОВ ПАВЕЛ КИРИЛЛОВИЧ,

01.07.1922–19.10.1990

Родился и вырос в сельце Малеево Колтовской волости Каширского уезда Тульской губернии. Рано потеряв отца, был привычен к крестьянскому труду.

По состоянию здоровья не подлежал мобилизации на фронт. Во время Великой Отечественной войны без выходных полный световой день работал в животноводческой бригаде колхоза «Пламя». Показывал отличные результаты в труде, что обеспечивало сохранность дойного стада и поголовья крупного рогатого скота, выполнение плана по сдаче молока и мяса государству.

23. БАЕВА МАРИЯ КИРИЛЛОВНА,

20.04.1925–10.02.1977

Уроженка деревни Малеево Каширского района Московской области. Вскоре после начала Великой Отечественной войны была направлена на торфоразработки. Затем работала на прокатном комбинате № 150 в г. Ступино, Корыстовском спиртзаводе. Принимала участие в сборе денег на постройку танковой колонны «Пищевик». Неоднократно поощрялась руководством за безупречный труд.

24. ПЛАТОНОВА ДАРЬЯ КИРИЛЛОВНА,

р. 14.03.1930

Родилась и выросла в деревне Малеево Каширского района Московской области. Во время Великой Отечественной войны в школьные каникулы работала в полеводческой

и овощеводческой бригадах колхоза «Пламя», постоянно перевыполняя нормы по прополке зерновых, свёклы, капусты, помидоров, уборке урожая пастернака, уборке и погрузке овощей на баржи.

В учебное время после занятий в школе, расположенной в трёх километрах от дома, в соседнем посёлке, приготовления уроков и выполнения домашних обязанностей вязала носки, варежки, шила и вышивала кисеты и носовые платки для отправки на фронт бойцам Красной Армии.

Ветеран труда, труженик тыла. Награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг.» и другими.

25. ПЛАТОНОВ МИХАИЛ МИХАЙЛОВИЧ,

21.11.1905–07.01.1972

20 июля 1941 года мобилизован Мордвесским РВК Тульской области, 13 августа принял присягу. Дома остались мать, жена, четверо детей 1936, 1937, 1940 и 1941 годов рождения.

Сопровождал и охранял правительственный поезд, когда в октябре 1941 года многие министерства и ведомства перемещались из Москвы в Куйбышев.

Прошёл всю войну рядовым. Пулемётчик крупнокалиберного пулемёта ДШК 1346-го зенитно-артиллерийского полка. Вёл огонь по вражеской авиации. Принимал участие в сражении на Курской дуге. Имеет три благодарности Верховного Главнокомандующего И. В. Сталина: за форсирование Одера, освобождение Львова и Киева.

Дочка Аня, 1940 года рождения, умерла 9 мая 1945 года.

С фронта вернулся без единого ранения.

После войны работал в колхозе кузнецом.

26. ПЛАТОНОВА ВАСИЛИСА ЕФИМОВНА,

1912–2009 гг.

Работала свиноводом в колхозе «Оленьково» Тульской области. В июле 1941 года проводила мужа на фронт, оставшись с четырьмя малолетними детьми.

В ноябре-декабре 1941 года в селе хозяйничали фашисты, в доме разместился немецкий штаб, семья была согнана в одну комнату. До прихода Красной Армии не просто соседствовали с врагом, но и укрывали у себя близкого родственника, коммуниста, пришедшего проститься с семьёй перед отправкой на фронт и оказавшегося в западне. Днём Егор Тимофеевич лежал под кроватью, затаив дыхание, а глубокой ночью покидал своё убежище, чтобы размять затёкшие руки-ноги, поесть похлёбки, и снова забирался под детскую кровать, а ребяташки делали «погуще» сборки на подзорах, чтобы понадёжнее за ними спрятать своего крёстного.

27. КОВАЛЁВ ИЛЬЯ МИХАЙЛОВИЧ,

1917–1973 гг.

В РККА с февраля 1940 г. Место призыва: Себежский РВК, Калининская обл., Опочецкий окр., Себежский район. Ст. лейтенант. Награды: орден Красного Знамени, медали «За оборону Сталинграда», «За взятие Будапешта», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг.». Демобилизовался в звании капитана в 1945 г.

28. КОВАЛЁВ АФАНАСИЙ МИХАЙЛОВИЧ,

1902–1942 гг.

Рядовой Красной Армии, умер в госпитале от ран и голода в блокадном Ленинграде.

29. КОВАЛЁВ АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ,

1907–1942 гг.

Рядовой Красной Армии, пропал без вести в сентябре 1942 года.

30. КОВАЛЁВА (ЧИЧИГИНА) ОЛЬГА ВАСИЛЬЕВНА,

1921–2014 гг.

Труженица тыла. Во время войны работала учителем в Николо-Ямской семилетней школе Кимрского района и одновременно счетоводом в колхозе.

31. ЧИЧИГИН НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ,

1917–1943 гг.

В ноябре 1939 г. был призван в армию из г. Кимры. Служил на Украине, на западной границе. Участвовал в боях с первых часов войны. Танкист. Пропал без вести в августе 1943 года на Курской дуге.

32. КАЛЮЖНЫЙ РОДИОН ТРОФИМОВИЧ,

1916–1997 гг.

В РККА с 08.11.1937. Ст. лейтенант. Связист. Участник боевых действий на озере Хасан с 06.08.1938 по 11.08.1938 и в боях с японскими захватчиками с 10.08.1945.

Награды: знак за бои у озера Хасан 06.08.1938, орден Отечественной войны II степени, медаль «За боевые заслуги». Вышел в отставку в звании майора в 1952 г.

33. ПУЗЫРЕВИЧ СЕРГЕЙ МОИСЕЕВИЧ,

1920–1945 гг.

Звание: ст. лейтенант.

В РККА с мая 1941 года. Место призыва: Кимрский РВК, Калининская обл., Кимрский район. Награды: два ордена Красной Звезды, орден Отечественной войны II степени. (Из наградного листа: «Готовясь к операциям по взятию города Кюстрин, старший лейтенант Пузыревич много поработал в деле подготовки комсомольцев к этим боям. В резуль-

тате комсомольцы полка, правильно нацеленные комсоргом, смело и бесстрашно дрались с врагом, показывая образцы мужества и отваги. Лично товарищ Пузыревич в период боёв находился в ряде случаев с батареями прямой наводки и на месте помогал командирам в организации и ведении огня и личным примером бесстрашия вдохновлял расчёты на выполнение боевых задач.

Во время боя за Целлулоидный завод товарищ лейтенант Пузыревич находился во второй батарее и вместе с её расчётами дрался за овладение им, на прямой наводке. Достоин награды ордена Отечественной войны II степени».)

Умер от ран в День Победы, 9 мая 1945 года. Похоронен на восточной окраине госпитального кладбища г. Шверин (Германия) по дороге в Познань.

34. МИЗИНЦЕВ МИХАИЛ АНАНЬЕВИЧ,

1925–1944 гг.

Младший сержант, стрелок 421-го стрелкового полка 119-й стрелковой дивизии. Уроженец Вологодской области, Сямженского района, Винницкого сельсовета, призван Сямженским районным военным комиссариатом, убит 14 марта 1944 года в бою за высоту 173.1 под деревней Гора Идрицкого района Калининской (ныне Псковской) области.

35. ДУДИН ПЁТР АНДРЕЕВИЧ,

1905–1971 гг.

5 сентября 1941 г. призван в ряды РККА. Рядовой. Воевал в 1232-м стрелковом батальоне 379-й стрелковой дивизии, сформированной в г. Асино. В ноябре 1941-го был отправлен на Северо-Западный фронт на строительство оборонительных сооружений. С 28 февраля 1942 года в составе дивизии направлен на боевые позиции и участвовал в окружении шестидесятитысячной немецкой группировки, где тяжёлые бои шли до апреля 1942-го. Затем воевал под Старой Русой.

В мае 42-го получил ранение. После госпиталя был направлен на Западный фронт снайпером, воевал подо Ржевом, в Ржево-Сычëвской «мясорубке». В октябре 42-го получил тяжëлое ранение рук и ног, с частичной ампутацией пальцев.

Был комиссован в начале 43-го года.

Награждён орденом Красной Звезды, медалями «За отвагу», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг.».

36. ДУДИН АВДЕЙ АНДРЕЕВИЧ, **1918–1984 гг.**

Призвался в 1937-м, служил в пехоте на Дальнем Востоке, рядовым, затем сержантом. В 39-м участвовал в боях на Халхин-Голе, за что был награждён медалью «За боевые заслуги». Осенью 39-го направлен на учёбу в пехотное училище в Москве. Ускоренный выпуск в 1941-м, в звании лейтенант. Направлен для прохождения службы на Украину в качестве командира взвода. Участвовал в боях с начала июля 41-го под Сталино. Осенью того же года получил первое тяжëлое ранение. Лечился в госпитале в Сухуми. После излечения направлен комвзвода в 394-ю стрелковую дивизию 810-го стрелкового полка. С августа 42-го участвует в боях на Кавказе против горных стрелков Вермахта 1-й дивизии «Эдельвейс», в районе Санчарского перевала, затем Марухского перевала. Затем, уже в качестве ст. лейтенанта, командира роты автоматчиков 394-й дивизии, освобождал Кубань, а с сентября 43-го начальником штаба батальона участвовал в тяжëлых боях по форсированию Днепра и освобождению г. Днепропетровска, затем Кривого Рога в апреле 44-го, уже в звании майора.

В апреле 44-го в составе 394-й стрелковой дивизии майор Дудин А. А. участвовал в тяжелейших боях на Днестровском плацдарме, затем в Яско-Кишинëвской операции, в освобождении Румынии, Болгарии. Его батальон первым вошёл в Софию.

Три ранения.

Награды: два ордена Красной Звезды, ордена Отечественной войны и Красного Знамени, медали «За боевые заслуги», «За оборону Кавказа», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг.» и другие.

Почётный гражданин г. Тирасполь.

37. АКСЁНОВ АЛЕКСАНДР ИЛЛАРИОНОВИЧ,

1924–2006 гг.

В феврале 1942-го добровольцем ушёл на фронт из г. Владивостока. Окончил курсы сержантов-пехотинцев, затем школу сержантов-связистов. После этого был направлен командиром отделения связи взвода управления батареи в 386-й артиллерийский гаубичный полк 93-й артиллерийской гаубичной бригады.

На фронте с июня 43-го. Участвовал в Курской битве, в освобождении г. Харьков. За участие в курском сражении награждён медалью «За отвагу».

В сентябре 43-го участвовал в операции «Багратион» по освобождению Брянска в составе 2-го Белорусского фронта, за что награждён орденом Красной Звезды. В апреле – июне 44-го участвует в Псковской наступательной операции Ленинградского фронта, освобождении святых для России мест – Пушкинские Горы и Михайловское. До ноября 44-го в составе 3-го Белорусского и 1-го Прибалтийского фронтов принимает участие в освобождении Литвы. С конца 44-го и до конца войны участвовал в операции в Восточной Пруссии и взятии Кёнигсберга. Войну закончил после взятия Пилау, в апреле 1945-го. Воевал в составе только 93-й гаубичной артбригады.

38. АКСЁНОВ КОНСТАНТИН ИЛЛАРИОНОВИЧ,

1920–1944 гг.

Осенью 1940-го был призван РВК Томского района Томской области. Служил в Приморском крае разведчиком-наблюдателем гаубичного полка стрелковой дивизии. На фронт прибыл в декабре 41-го. Воевал разведчиком

в составе Калининского, затем 1-го Прибалтийского фронта. Проникал в тыл противника и составлял карты огневых точек. Охотился за языками.

Осенью 44-го в ходе боёв в Прибалтике сержант-разведчик Аксёнов К. И. получил тяжёлое осколочное ранение и скончался в госпитале в октябре 1944 г. На запрос командиру части было отправлено письмо, в котором сержант Аксёнов К. И. характеризовался как самоотверженный и храбрый, знающий своё дело воин, который неоднократно награждался (не указано, когда и какими наградами). Исключён из состава РККА в связи со смертью.

39. МИНАЕВ МИХАИЛ ИВАНОВИЧ,

1918–1993 гг.

В РККА был призван в 1939 году. Служил в артиллерии.

Когда началась Великая Отечественная война, М. И. Минаев ещё проходил срочную службу, поэтому на фронте он с первого дня — с 22 июня 1941 года.

Был тяжело ранен 19 июня 1942 года.

Принимал участие в Сталинградской битве. Воевал на Украине, в Донбассе, освобождал Севастополь и брал неприступную крепость Кёнигсберг, воевал на территории Восточной Пруссии (сейчас это город Калининград и Калининградская область).

Наряду с медалями «За оборону Сталинграда», «За взятие Кёнигсберга», Михаил Иванович награждён ещё двумя медалями «За отвагу» и двумя орденами Красной Звезды.

40. ПОЗДНЯКОВ ВАСИЛИЙ ИВАНОВИЧ,

1908–1992 гг.

Труженик героического тыла. Ветеринар. Ему в этом сборнике посвящён рассказ «Василь-ака».

41. САЛТАНОВ ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ,

29.06.1912–20.12.1997

На фронте с 02.01.1942. Принимал участие в обороне Ленинграда и прорыве блокады Ленинграда, был тяжело ранен во время боёв в Шлиссельбурге. Уволен из РККА по болезни 10.06.1943.

До войны был преподавателем русского языка и литературы, после увольнения с воинской службы в военное и мирное время работал журналистом в газетах, инспектором по жилью.

Имеет награды: орден Отечественной войны I степени, медали «За оборону Ленинграда», «За боевые заслуги», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг.», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг.».

42. САЛТАНОВА АННА ИВАНОВНА,

09.10.1909–09.07.2005

После окончания Рабфака, затем ВКСХШ получила профессию «административно-хозяйственный работник».

С 1939 г. работала в Режевской районной колхозной школе директором.

С 04.08.1941 по май 1945 г. на партийно-советской работе: инструктор по кадрам, пом. секретаря РК ВКП(б), зав. отделом мобилизации рабочей силы, секретарь исполкома райсовета.

С мая 1945 г. по 15.10.1948 работала уполномоченным Обллита по Режевскому району.

С 16.05.1954 по 01.06.1968 работала на должности старшего районного редактора г. Севастополя.

Награждена медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг.», «Защитнику Отечества», знаком «50 лет пребывания в КПСС».

Вместо послесловия

Дорогие друзья!

Каждый раз начиная обращение к Вам этими словами, я очень хочу, чтобы Вы почувствовали всю искренность и теплоту моих чувств по отношению и к читателям, и к авторам, которые, как я глубоко убеждена, не могут существовать друг без друга. А вместе – это сила, которой подвластно многое. И в самом деле: меткое слово способно разбудить в читателе-собеседнике и сопереживание, и желание поспорить, и высказать свою позицию, и написать эссе, новеллу в ответ на прочитанный рассказ или стихотворение.

Так появляются у нас новые авторы, издательство ширится и крепнет, а имена вчерашних новичков в литературе обретают узнаваемость и поклонников. Это закономерный процесс развития, прогресса и в поэзии, и в прозе.

И говоря сегодня о закономерности в творчестве, считаю логичным направить Вашу мысль к тому, что есть у него и обратная сторона, социально значимая составляющая: настоящая литература несёт правду и основана на ней. В год 75-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне правда о том суровом времени бесценна, ибо только её мы можем противопоставить вымыслу, наветам, оговорам; только истина без прикрас и недомолвок даёт возможность понять и оценить общий беспримерный подвиг фронта и тыла.

Спасибо всем участникам проекта! Благодаря Вам стали известны новые подробности военного лихолетья, открылись страницы семейных историй, судеб бойцов и командиров Красной Армии, военврачей и фельдшеров, колхозников и школьников – тех, кто сообща победил фашизм.

Летопись Великой Отечественной продолжается.

Надежда Казакова,
автор, редактор-составитель сборника
«Дорогие мои старики. Лица Победы»

СОДЕРЖАНИЕ

Н. Казакова. Слово к читателям	3
Светлана Бестужева-Лада	6
Анна Блинова	19
Виктор Волков	25
Ульяна Васильева-Лавриеня	26
Екатерина Володенко	90
Татьяна Гуркова	95
Алла Данилина	113
Надежда Казакова	118
Лариса Калюжная	143
Владимир Карасов	154
Софья Кочегарова	156
Надежда Кульчицкая	160
Денис Минаев	162
Александр Морзунов	172
Любовь Потанина	235
Тамара Потапова	236
Ирина Салтанова	238
Анна Шувалова	258
БЕССМЕРТНАЯ РОТА	262
Н. Казакова. Вместо послесловия	280

*Дорогие мои старики.
Лица Победы*

**Сборник произведений о войне
Книга 1**

Редколлегия:

*С.С. Антипов, И.Е. Витюк,
Д.В. Минаев, Н.В. Казакова*

Редактор-составитель: *Н.В. Казакова*

Дизайн обложки: *Е.В. Анисимова*

Корректор: *А.Е. Русских*

Компьютерная вёрстка: *А.А. Минаева*

ООО Издательство «Серебро Слов»

Телефон: 8 (926) 433-33-99

E-mail: srebro.slov@gmail.com

Сайт: <http://tvoyakniga.ru>

Интернет-магазин:

<http://tvoyakniga.ru/content/magazin/magazin/>

Подписано в печать 18.03.2020

Формат 60х90/16. Бум. офс. 80 г/м².

Печать цифровая. Объём 17,625 усл. п/л.

Гарнитура BalticaС.

Тираж 500 экз. Заказ № 151772

Отпечатано в АО «Т8 Издательские Технологии»
109316, Москва, Волгоградский проспект, д. 42, корпус 5.

Тел: 8 (495) 322 38 30

www.t8print.ru

ISBN 978-5-907316-03-4

